

А. МИХАЛЕВА

В БАНДЕ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ

ДЕТЕКТИВ

АННА МИХАЛЕВА

В БАНДЕ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ

ЭКСМО

ISBN 5-04-008662-8

9 785040 086627 >

Две московские студентки, Алиса и Лина, договорились поехать к бабушке в Тулу. Они сели в машину, и началось первое в их жизни опасное, полное приключений путешествие. Во-первых, они тут же сбились с пути и... обнаружили в багажнике кейс с долларами и труп неизвестного. А во-вторых, девчонок принимают за сообщниц бандитов и начинают преследовать крупный мафиози, начинающие вымогатели, агент национальной безопасности и целая армия иностранных разведчиков. Машина с трупом и кейсом переходит из рук в руки, но никто, и в первую очередь незадачливые путешественницы, не догадывается, что в трупке спрятано взрывное устройство ядерной бомбы! И отсчет времени до взрыва уже начался...

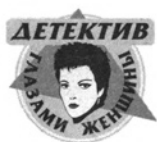

Дорогой читатель!

Мы рады, что у Вас в руках эта книга, которая увидела свет в дни празднования 10-летнего юбилея издательства. Десять лет мы работали рядом с Вами и для Вас. Сегодня трудно найти человека, не читавшего наших книг, общий тираж которых составил более 300 млн.экз. Книги от "ЭКСМО" есть в каждой домашней и публичной библиотеке, в любом книжном магазине нашей страны и многих зарубежных государств.

В строгих переплетах тесно стоит русская и зарубежная классика, труды древних мыслителей, тома энциклопедий, словарей, справочников. Произведения лучших современных прозаиков и поэтов соседствуют с документальной прозой и мемуарами, исторической и психологической литературой. Рядом - огромная библиотека детектива, остросюжетного и любовного романа, фантастики, фэнтези. В ярких, красочных обложках выстроились книжки для детей и подростков.

Для нас нет "хороших" и "плохих" жанров - мы лишь стараемся обеспечить Вам свободу выбора, чтобы каждый мог найти в "ЭКСМО" книгу по душе...

Каждый день мы выпускаем многотысячными тиражами десять новых книг и считаем, что наши успехи - это прежде всего Ваша заслуга. Вы - тонкий ценитель и взыскательный критик, наш добрый советчик и, надеемся, настоящий друг.

Искренне Ваше "ЭКСМО"

АННА МИХАЛЕВА

В БАНДЕ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ

МОСКВА, «ЭКМО-ПРЕСС», 2001

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 69

Серийное оформление художника *С. Курбатова*

Серия основана в 1997 году

Михалева А. В.

В банде только девушки: Роман. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 416 с. (Серия «Детектив глазами женщины»).

ISBN 5-04-008662-8

Две московские студентки, Алиса и Лина, договорились поехать к бабушке в Тулу. Они сели в машину, и началось первое в их жизни опасное, полное приключений путешествие. Во-первых, они тут же сбились с пути и... обнаружили в багажнике кейс с долларами и труп неизвестного. А во-вторых, девчонок принимают за сообщниц бандитов и начинают преследовать крупный мафиози, начинающие вымогатели, агент национальной безопасности и целая армия иностранных разведчиков. Машина с трупом и кейсом переходит из рук в руки, но никто, и в первую очередь незадачливые путешественницы, не догадывается, что в трупке спрятано взрывное устройство ядерной бомбы! И отсчет времени до взрыва уже начался...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-008662-8

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 2001

Время — друг человечества, но враг человеку...

* * *

Эта история началась очень по-современному. Началась она в одном из чатов сети Интернет. Чат назывался «Мечты», хотя никакого отношения к мечтам, впрочем, как и к дальнейшим событиям, его название не имело. Но раз уж он так назывался, то что толку об этом умалчивать? К слову сказать, не будь этого самого Интернета, и истории-то как таковой не случилось бы. Но Интернет, к счастью для всех остальных, и к глубокому сожалению для многих персонажей изложенной ниже повести, все-таки существует, а потому, что произошло, то и произошло. А началось все это вот как.

ЛИСА (ЛИНЕ): Какая бабушка?! У меня вечеринка в субботу! Или ты забыла?!

ЛИНА (ЛИСЕ): Вечеринка отменяется.

ЛИСА (ЛИНЕ): Для тебя, может быть, и отменяется, а для меня нет!

ЛИНА (ЛИСЕ): Дура ты набитая, если не поедешь, я бабушке расскажу. Она вычеркнет тебя из завещания.

ЛИСА (ЛИНЕ): От дуры слышу! А бабке нашей завещать нечего. Ха-ха-ха!

ЛИНА (ЛИСЕ): Очень умно! А про золотые часы забыла?

ЛИСА (ЛИНЕ): Сдались мне эти часы! Им лет сто!

БЫЧОК (ЛИСЕ): Эй, девочка. Если часики не нужны, отдай мне!

ЛИСА (БЫЧКУ): Отвали!

ЛИНА (ЛИСЕ): Не отвлекайся на всяких уро-
дов.

БЫЧОК (кричит возмущенно ЛИНЕ): А на себя-то ты давно в зеркало смотрела?

ЛИНА (БЫЧКУ): Только что. Я очень красивая.

БЫЧОК (ЛИНЕ): Блондинка или брюнетка?

ЛИСА (БЫЧКУ): Эй, парень! У нее задницы нет, так что не раскатывай губы!

БЫЧОК (ЛИСЕ): А у тебя?

ЛИНА (БЫЧКУ): Ее задница, как совок у буль-
дозера.

БЫЧОК (ЛИНЕ): Манекенщица, что ли?

ЛИНА (БЫЧКУ): Где ты видал манекеншину, у которой вместо задницы совок от бульдозера?

БЫЧОК (ЛИНЕ): Н-да...

ЛИСА (ЛИНЕ): Хорошо трепаться про чужие задницы. Бабка и правда плоха?

ЛИНА (ЛИСЕ): Для своих восьмидесяти она себя весьма неплохо чувствует.

БЫЧОК (ЛИНЕ): Вам не понять, что значит хо-
рошо себя чувствовать в восемьдесят лет!

ЛИСА (БЫЧКУ): И слава богу! А вообще, отва-
ли уже!

ЖУК (ВСЕМ): Эй, люди! Я вошел! Я общаться хочу-у-у-у!!!

БЫЧОК (ЖУКУ): Заткнись. Вошел, и наслаждайся.

ЖУК (БЫЧКУ): Ты, задница невоспитанная!

ЛИСА (БЫЧКУ): О нет! Только не про задницы!

БЫЧОК (ЛИНЕ): А куда ты едешь?

ЛИНА (БЫЧКУ): В Тулу засылают. Бабку проведать.

БЫЧОК (ЛИНЕ): Ой, я где-то про такое слышал. А ты не Красная шапочка?

ЛИНА (ЛИСЕ): А он мне нравится.

ЛИСА (ЛИНЕ): Я чуть не заснула, пока ты тут клеилась направо и налево.

БЫЧОК (ЛИНЕ): Возьмите меня с собой. Мне все равно деваться некуда. Родаки на дачу не поедут, я засохну с тоски.

ЛИСА (ЛИНЕ): Может, возьмем?

ЛИНА (ЛИСЕ): Совсем спятила?! Хочешь, чтобы бабушка раньше времени преставилась?

ЛИСА (ЛИНЕ): По крайней мере, он веселый. А ты зануда. И потом, с чего ты взяла, что бабушка его испугается. Старушкам тоже молодые парни нравятся. Может, он и не урод.

БЫЧОК (ЛИНЕ): Я не урод!

ЖУК (ЛИНЕ): Не верь ему, он полный урод! Лучше меня возьмите. У меня вообще дачи нет, родаки все время дома торчат. Мне нужнее выбраться.

БЫЧОК (ЖУКУ): Сходи прогуляйся.

ЛИНА (ЛИСЕ): Я заеду за тобой после института. Чтобы дома была.

ЛИСА (ЛИНЕ): А вечера-инка?

ЛИНА (ЛИСЕ): Забудь про вечеринку. Все равно от бабки не отвертеться. Родаки купили какое-то лекарство, нужно везти.

ЛИСА (ЛИНЕ): Вот пусть сами и везут.

ЛИНА (ЛИСЕ): У моих прием в посольстве, у твоих, сама знаешь, выездной симпозиум.

ЛИСА (ЛИНЕ): Тогда возьмем Бычка?

БЫЧОК (ЛИНА): Возьмите меня. Возьми-и-ите!!! Я в Туле ни разу не был.

ЛИНА (БЫЧКУ): Тебе же лучше. Не знаешь, какая это дыра.

ЖУК (ЛИНЕ): Я люблю всякие дыры. И особенно дырочки.

ЛИНА (ЖУКУ): Свободен!

БЫЧОК (ЛИНЕ): Нет, правда. Я буду завтра в центре. Подхватите меня на Остоженке, у самой Кольцевой. Встретимся в стекляшке, а?

ЛИСА (БЫЧКУ): Стеклашка, которая за Дипломатической академией?

ЛИНА (ЛИСЕ): Иди ты к черту! Уже договаривается. Я еще не сказала «да»!

ЛИСА (ЛИНЕ): Да не будь ты занудой хоть раз в жизни!

БЫЧОК (ЛИНЕ): Точно! А у меня новый диск Джефа есть!

ЛИСА (БЫЧКУ): Ты принят в компанию путешественников!

ЛИНА (БЫЧКУ): Ты что, в Дипакадемии учишься?

БЫЧОК (ЛИНЕ): Не-а. Рядом в офис обязали

кое-что доставить. Я курьером подрабатываю. Нужно же как-то на мороженое сшибать!

ЛИСА (БЫЧКУ): А как тебя узнать?

БЫЧОК (ЛИСЕ): Специально для тебя надену гм... зеленый свитер. Я в нем просто потрясающий!

ЛИНА (БЫЧКУ): Ладно врать-то. Знаем мы этот треп.

БЫЧОК (ЛИНЕ): И еще я на Кевина Костнера похож.

ЛИСА (БЫЧКУ): В молодости?

БЫЧОК (ЛИСЕ): А то!

ЛИСА (ЛИНЕ): Точно берем!

ЛИНА (ЛИСЕ): Моя придурочная сестрица и двойник Кевина Костнера в зеленом свитере. Хорошая компания, нечего сказать. И это если не считать, что я НЕНАВИЖУ Кевина Костнера!

БЫЧОК (ЛИНЕ): Так вы сестры?

ЛИСА (БЫЧКУ): Двоюродные.

БЫЧОК (ЛИНЕ): А не наколете?

ЛИСА (БЫЧКУ): Я не позволю.

ЛИНА (БЫЧКУ): Ладно... В три жди нас в этой стекляшке.

БЫЧОК (ЛИНЕ): Лады.

ЖУК (ВСЕМ): Везет же дуракам! Лю-ди! Отзовитесь! Я общаться хочу-у-у!

Вот так эта история и началась. Для тех, кто никогда не общался в ЧАТе и вообще слабо себе представляет, что это такое, поясню: ЧАТ — это возможность потрепаться в «прямом эфире» посредством компьютера (ну, разумеется, если ком-

пьютер подключен к сети Интернет, если в доме есть телефон, а в кармане лишние 300 рублей на карточку). Это расхожее теперь средство общения пользуется у молодежи огромной популярностью. В ЧАТах многие знакомятся, да и вообще, это довольно интересное изобретение, если бы о нем не прознали толпы придурков, которые засоряют Интернет пустой болтовней. Ну, вот таких, как Жук, например.

Поскольку Лина и Лиса были девушками довольно молодыми, то они, разумеется, часто болтали в самых разных ЧАТах. Эту болтовню они считали поинтереснее несовременного телефонного разговора, а потому даже между собой зачастую общались через компьютер.

Лина и Лиса были двоюродными сестрами. Кстати, в миру их звали по-другому: Лису — Алисой, а Лину — Эвелиной (хотя она так привыкла к своей чатовской кличке, что предпочитала зваться именно так).

Сестры между собой неплохо ладили, иногда, правда, ссорились. Периодичность ссор зависела от многих параметров (вплоть до вспышек на солнце) и в среднем равнялась 15 минутам. А в общем, они мирно сосуществовали, лишь изводили друг друга помаленьку. Но без своего прочного, хоть и взаимоязвительного тандема жизни ни одна, ни другая себе не представляла — как-то привыкли, что с детства были лучшими подружками. Лине полгода назад исполнилось 20. Она была высокая, стройная, пожалуй, излишне строй-

ная, скорее даже несколько плосковатая, в общем, обладала вполне современной фигурой. Чтобы еще больше подчеркнуть свою современность, Лина коротко стригла свои темные волосы, почти не красилась и в основном одевалась в черное. Она терпеть не могла золото и благородному желтому металлу предпочитала богемное серебро да толстые браслеты из редких пород африканских деревьев. Алиса являлась полной противоположностью своей сестры — она была светленькой и невысокой. Особенной своей гордостью она считала длинные льняные локоны, синие большие глаза с длинными ресницами и пышную для столь юного возраста грудь. Ей было всего 19. Она обожала золото и прочие дорогие украшения (приманка для ворон, как любила выражаться Лина). Полной Алису никто никогда не считал, потому что она таковой и не являлась, однако рядом с сестрой, которая на голову была выше ее ростом, она и худой не казалась. Но подчеркнуть свою худобу черным цветом одежды, как это делала Лина, Алиса считала ниже своего достоинства, а потому нарочито наряжалась во все броское и яркое. Разногласия между сестрами могли возникнуть из-за чего угодно, но всегда приводили к одному: Лина, как правило, пеняла Алисе на ее ярко выраженные женские формы, а та, в свою очередь, любила интересоваться размером небольшого бюста своей сестры. После разбора столь интимных подробностей обе решали, что нет злее врага на земле, чем собственная кузина. Однако по про-

шествии пятнадцати минут разговор продолжался так, словно ссоры и не было вовсе. Ну, до следующей ссоры, разумеется.

Проблема, которую девушки с упоением обсуждали в ЧАТе три часа кряду, касалась вынужденной поездки к приболевшей бабушке в Тулу. Лине родители весьма кстати подарили на день рождения превосходный отечественный автомобиль — новенькую темно-зеленую девяносто девятую модель «Жигулей». И ей-то уж точно отпираться было бесполезно. Отец (сын бабушки) так ей и сказал: мол, зачем я тогда тебе машину купил, раз ты на ней ездить не хочешь. Кричать о том, что путь далек, что автомобиль и в Москве девушке очень даже нужен, толку не было: Отец сделал заявление сродни ультиматуму, то есть не поедешь — потеряешь. Лине в Тулу ехать не хотелось: три часа за рулем, двое суток в глуши, где не только друзей нет, а вообще такая отмороженная среднерусская молодежь, что и поговорить-то не с кем. Словом, перспектива выходила не слишком блистательная. И это взамен намеченной у Алисы субботней вечеринки. Алисе же ехать в Тулу еще больше не хотелось, но родственный долг есть родственный долг. Что бы девчонки друг другу ни говорили, в душе бабушку они любили. Ну, может быть, любовь эта у молодых спрятана слишком глубоко в душе, а потому нужно время, чтобы она всплыла на поверхность. Но как бы там ни было, выехать было решено в пятницу днем, и общество неизвестного весельчака по

имени Бычок в этом случае не могло не радовать. По крайней мере, решили обе сестры, отпала перспектива тоскливого выбора между чаепитием с бабушкой и компанией дворовых отмороzków, которые почему-то так не походят на московских парней и девчонок.

В тот вечер обе сестры решили, что Бычок скрасит их нудную поездку. А может быть, и превратит ее в романтическое путешествие. И еще неизвестно, чем оно кончится... Потому что каждая из сестер тут же дала себе обет побороться за первенство в конкурсе красоты и общительности!

Обе они оказались правы в одном — путешествие можно было назвать каким угодно, только не нудным. И, как точно обе подметили, кончилось оно совсем не так, как ожидалось.

Но об этом потом, а в тот вечер Лина еще успела дописать реферат по истории средневекового права (хотя какое там право, когда кругом инквизиция?). А Алиса не стала утруждать себя науками. Сразу же после того, как она выключила компьютер, ей позвонил приятель по кличке Кузя и пригласил на вечеринку «Суперпепси» в соседний клуб «Де Жа Вю». Алиса тут же решила, что танцевать не в пример веселее, чем спать, и приняла приглашение. И вспомнила о намеченной поездке к бабушке только между лекциями в институте, когда ее все тот же Кузя растолкал, чтобы пойти перекусить в буфет.

* * *

Принц (которого в детстве звали Коля, но теперь он об этом забыл) в данный момент опять раздумывал над тем, что ему уже давно не давало покоя, а именно: каким образом он, столь умный, достойный, наделенный многими талантами человек, мог собрать вокруг себя такое количество придурков. Куда ни плюнь — одни идиоты. Как ему это удалось? Столь прискорбное обстоятельство его весьма раздражало, но он ничего не мог с этим поделать. Ему просто не приходилось встречать умных людей последние лет десять как минимум. Если бы он встретил хотя бы одного умника, уж он-то приложил бы все старания, чтобы оставить его подле себя, пусть даже и насильно. Но умники, по всей видимости, перевелись. Иначе такое количество придурков на земле в целом и в Москве в частности Принц никак не мог объяснить.

— Так, смотри и запоминай. — Он вскинул большой пистолет и направил его дулом на стоящего слева от входной двери лысого Сему, которого из вредности звал Кудрявый.

Тот даже присел от неожиданности.

— Если ты чувствуешь неладное, пусть это даже не явное чувство, а хрупкое, едва уловимое предчувствие, тем лучше, значит, ты уже профи, ты... в общем, если ты что-то чувствуешь, направь на него пистолет. Верное дело! Понял?

Его пространная речь была обращена к Беке.

Такое странное прозвище досталось парню непосредственно по происхождению. Бека был узбеком, потому вполне логично, что его Узбеком поначалу и называли. Но потом Узбек сократилось до лаконичного Бек, а какой-то весельчак (тоже порядочный идиот, как и все остальные) взял да переименовал его в Беку. Кличка прижилась и стала его вторым именем, вернее, первым, так как настоящее имя он утерял где-то по пути из Узбекистана в Москву. Бека был широкоплечим, имел сильные руки и толстую шею. Голову свою он тщательно брил, а в солнечную погоду носил темные очки с квадратными стеклами. В общем, Бека имел все основания считать себя достаточно крутым, если бы не одно «но»: его мозги не слишком хорошо работали. Среди знакомых он считался просто тупым. Но это его не особенно огорчало. Зачем деловому человеку мозги, решил он и больше не думал на эту тему. Тем более, мозги Беке действительно пока еще ни разу негодились. Думал за него Принц. Принцу приходилось думать и за него, и за Кудрявого, и за себя.

Сейчас Бека послушно кивнул, хотя лицо его выражало полное непонимание происходящего. Это выражение было у него единственным и не менялось ни при каких обстоятельствах.

Кудрявый тоже кивнул и нервно сглотнул вдох.

— Правило номер два, — изрек Принц. — Если противник начинает нервничать и потеть, стре-

ляй ему в колено — это уравновесит ситуацию...
Эй, ты вспотел?

— Нет! — сорвавшись на фальцет, ответил Кудрявый. Он тут же порывисто вытянулся в струну, а дрожащей ладонью быстро вытер лоб.

— Держу пари, он вспотел! — Принц широко улыбнулся.

Бека же загоготал, глядя на своего учителя. Тот расслабленно согнул сжимающую пистолет руку в локте, а потом, резко направив дуло снова на Кудрявого, сурово приказал ученику:

— Соберись. Вытащи свою штуковину... быстро...

Бека закопошился за спиной, потом извлек из-за пояса такой же здоровый пистолет и уставился на него в своем неизменном тупом непонимании. Но что-то в его мозгу вдруг переключилось, и он тоже резко направил пистолет дулом на Кудрявого. Причем пистолет при этом чуть не выскочил из его подрагивающих пальцев.

— Отлично, — иронично оценил Принц. — Правило номер три: если собеседник тебе не нравится — стреляй ему прямо между глаз. Он нравится тебе?

Лицо Кудрявого по цвету слилось с его белым свитером. Теперь он походил на инопланетное существо с головогрудью и синей линией вместо рта. Линия эта извивалась, как дождевой червь на асфальте. Объект нервно кусал губы.

* * *

Иннокентий Валерианович потрогал возлежащий на внушительном дубовом столе маленький мобильный телефон, казавшийся на коричневой полировке козявкой-переростком, крикнул и, откинувшись на спинку кресла, в который раз спросил у Саши Косолапых:

— Он звонил?

— Звонил, — вяло ответил Саша, которому надоело отвечать одно и то же каждые пять минут.

— Когда он будет? — Шеф не собирался останавливаться.

— Через час.

— Сколько прошло времени?

— С последнего нашего разговора пять минут.

— А точнее?

Саша вздохнул, взглянул на наручные часы фирмы «Ролекс»:

— Пять минут, семнадцать секунд.

— Я тебя спрашиваю, сколько прошло с момента его звонка, — поправил его Иннокентий Валерианович.

— Сорок пять минут семнадцать... нет, уже двадцать две секунды.

— Ты понимаешь, что будет, если он не придет?

— Мир перевернется, — равнодушно заключил Саша.

— Нет, я тебе башку разнесу.

— И вы мне разнесете башку, — так же равнодушно повторил за ним Косолапых.

— Он надежно спрятал нашу штуковину? — Слово «штуковина» шеф произнес испуганным шепотом.

— Надежнее некуда.

— Ладно. — Иннокентий Валерианович опять погладил свой мобильник.

* * *

— Он нравится тебе? — повторил Принц, с прищуром глядя на Кудрявого.

— Не знаю, — пожал одним плечом Бека.

— Эй, вы чего, а? — вякнул Кудрявый, похожий на инопланетянина. — Чего я вам сделал?

— Как ты думаешь, теперь он вспотел? — Принц склонил голову набок, не отводя изучающего взгляда от несчастного.

— Не думаю, — растягивая слова, ответил Бека.

— Ты прав, — кивнул ему Принц, — он уже перестал потеть, — и резко перенацелил дуло пистолета на правое колено Кудрявого. Бека сделал то же самое, только дуло его пистолета, как маятник, моталось из стороны в сторону.

— Да вы чего? Совсем с катушек слетели?! — обреченно поинтересовалась учебная мишень. — На улице полно народу. Хотите учиться стрелять, идите и стреляйте. Почему в меня? Что я вам — тренажер?

— Так он тебе нравится? — не обращая на него внимания, спросил Принц у Беки. — Прислушай-

ся к своим ощущениям и скажи, что ты чувствуешь?

— Я-то? Как-то познабливает...

— Познабливает! — многозначительно изрек Принц. — Это хорошо, ты начал входить во вкус. Отлично!

В этот момент дверь отворилась и через порог шагнул незнакомый парень в зеленом свитере.

— Ну вот и я! — Он развел руками, широко улыбнулся Принцу и Беке и захлопнул за собой тяжелую дверь.

Раздался характерный резкий треск: дверь была на толстой пружине.

От неожиданности Бека вздрогнул и вдруг нажал на курок. Потом еще раз и еще. Прогрохотали выстрелы. Принц тоже нажал на курок, но, спохватившись, отвел пистолет дулом к стене.

Наступившую тишину пронзили стоны Кудрявого. Он упал на пол и перешел на тихое подвывание. Парень в зеленом свитере хлопнул два раза уже стеклянными глазами и съехал по двери вниз. На зеленой груди быстро набухали три темных пятна.

— К-какого хрена? — наконец выдавил Принц и, указав обеими руками на жертвы, развернулся к Беке.

Тот шмыгнул носом и сконфуженно ответил:

— Но он мне как-то сразу не понравился.

— Отлично, — не скрывая злости, оценил Принц и, подбежав к скорченному на полу Кудрявому, пнул его под ребра. — Ты в порядке?

— П-пошел ты к этой матери, — прохрипел тот. — Идиоты!

— А это кто? — Он пнул его посильнее.
Кудрявый сморщился и пожал плечами.

Принц нагнулся над телом в зеленом свитере, разглядел его, потом повернулся к Беке:

— А ты его знаешь?

— Никогда не видел.

— И я его не знаю. — Он помолчал с минуту, потом спросил неизвестно кого: — А зачем же он к нам приперся?

— Может, он из налоговой инспекции? — предположил Бека, которому очень хотелось отличиться перед шефом если не по части стрельбы, то хотя бы в умении выдвигать идеи.

— Пятерка тебе, Бека! — проскулил с пола Кудрявый и усмехнулся.

— А чего они к нам повадились? На той неделе два дня подряд заявлялись!

— Все-таки хочется верить, что ты прикончил не налогового инспектора, а кого-нибудь другого. — Принц нахмурился.

Он думал довольно долго. Кудрявый успел встать с пола, оглядеть себя со всех сторон, не обнаружить никаких видимых повреждений, нанесенных его организму, облегченно вздохнуть и погрозить кулаком сконфузившемуся Беке.

— Нельзя его тут оставлять, — наконец изрек Принц и указал дулом пистолета на мертвеца в зе-

леном свитере. — Грузите его в багажник моей «девятки».

— Ты едешь на «девятке»?! — вскричали Бека и Кудрявый.

Две пары глаз недоуменно уставились на Принца.

Тот смутился. Чтобы скрыть неловкость, порылся в кармане брюк, суетливо вытащил из него ключи от машины и бросил их Кудрявому. Тот поймал их, не отрывая изумленного взгляда от шефа.

— Ну... это для конспирации, — тихо пояснил Принц.

— А-а, — облегченно выдохнули подчиненные.

— И вообще, я понятия не имею, кого мы тут замочили, а потому нужно на время лечь на дно.

Принц подошел к сейфу времен Первой мировой войны и с чувством пнул чугунную дверь. Та открылась, вызывая зубную боль своим надрывным скрипом. Принц вынул из него кейс, подержал в руке, не решаясь отдать Кудрявому. Потом повернулся к Беке, справедливо рассудив, что у этого ума не хватит стащить кейс, и отдал ему. Бека просиял от гордости за возложенное на него доверие.

— Тащите труп и чемодан в багажник. Я соберу еще кое-что и спущусь вниз. Эй! — крикнул он, глядя, как его подопечные собираются открыть дверь в коридор. — Заверните его во что-нибудь. Мы же в центре города, болваны!

И никто пока не знал, что с этого момента до страшной катастрофы осталось ровно 24 часа.

Теперь время работало против всех.

* * *

До взрыва 23 часа 25 минут 15 секунд.

— Так, я больше тут сидеть не намерена! — Чтобы подтвердить свое решение действием, Лина уверенно поставила высокий стакан на стол.

Тем более, он все равно был уже пуст.

— Может быть, подождем еще немножко? — Алиса взглянула на нее с робкой мольбой.

Лина эту уловку знала прекрасно, а потому не поддалась и резко отодвинулась на стуле от стола, показывая тем, что собирается встать.

— Ну, пожалуйста! — Алиса скорчила плаксивую гримасу.

— Мы и так прождали почти час. В институте даже профессора ждут 15 минут. Хватит хныкать, пошли.

— Может, он в пробке застрял. — Похоже, Алиса вознамерилась пустить фальшивую слезу. Этим приемом она с детства гордилась. Разреветься ей — пара пустяков.

Лина передернула плечами и недовольно оглядела маленький зал кафе. Никого похожего на Бычка за столами не было: парочка у окна, дядьки

какие-то с тюками, тетка, сосредоточенно жующая сосиску, и два пацана лет по двенадцать с кока-колой — вот и все общество.

— Так! Встали и пошли. — Лина хлопнула ладонями по столу и демонстративно поднялась.

Алиса поняла, что сердце сестры захлопнулось для жалости, умолять далее бесполезно, и, вздохнув, тоже встала.

— Место тут какое-то паршивое, — проворчала Лина уже на пути к выходу. — Даром, что рядом с дипломатами.

Мальчишка за столом подмигнул.

— О! Это твой клиент, — злорадно хохотнула Алиса.

— Ну, конечно! — Сестра закатила глаза, тем самым дав понять и наглому пацану, и Алисе, как она с высоты своего возраста относится к малолеткам, ну, и к подобным заведениям общепита.

— Поверить не могу, — это она уже на улице воскликнула, — проторчать тут столько времени! И по какому поводу?! Ждать неизвестно кого. Кому рассказать, так ведь хорошо, если не повесят.

— Он же на Кевина Костнера похож. И диск Джефа обещал, — попыталась оправдаться Алиса, которая чувствовала себя не слишком-то уверенно. Действительно, ведь она глупость сотворила.

— На Кевина Костнера, — не замедлила фыркнуть Лина. — Это его версия. Может, он на чмо болотное похож. Вот если бы он приперся в кафе и увязался бы за нами в Тулу, что бы ты делала, а?

Три часа в одной машине с болотным чмом?! Что бы ты с ним делала?

— А разве не ты согласилась с ним встретиться и ждала его битый час в этом дурацком кафе?

— Я?! — Лина развела руками, потом задрала голову к небу, видимо, там надеясь найти справедливость. Но по небу проплывали равнодушные облака. На них никто не удосужился написать: «Ты права, дорогуша! Плюнь этой дурехе в лицо!»

— Да-да, — нагло кивнула Алиса, — я же не заставляла тебя сидеть и ждать. Могли бы и не заезжать. Вот что бы я сделала, если бы ты не заехала в кафе, а направилась сразу к бабке в Тулу? Я бы и слова худого не сказала.

— Ты?! — Лина больше не обращалась к облакам. Она только рукой махнула и пошла к машине.

«Не сказала бы она дурного слова. Она бы мозги все высосала своим нытьем!»

— И зачем ты машину так далеко оставила? — продолжала за спиной сестра.

— Только заикнись, что это не ты мне посоветовала оставить машину за углом, чтобы легче было смотаться, если Бычок не произведет на тебя должного впечатления, — сквозь зубы пригрозила Лина.

— А разве не ты согласилась ее тут оставить? — не унималась Алиса.

— Крути поактивнее своей толстой задницей лучше! — сквозь зубы процедила Лина, ускоряя шаг. — А то до темноты не доберемся до Тулы.

— Если я хотя бы двину своей задницей, то

толпа моих почитателей не выпустит нашу машину. Будь уверена. Это не матросская попка, как у некоторых, — бойко парировала сестрица.

— Конечно! — Лина направила брелок на машину, нажала кнопку, чтобы отключить сигнализацию. Странно, но «девятка» даже не пискнула. Более того, она оказалась открытой.

— Ты что, оставила машину не закрытой в центре города, — тут же съехидничала Алиса, — новенькую «девятку»?

— Ничего не понимаю. — Лина нахмурилась и оглядела машину со всех сторон. — Ничего не сперли, похоже.

— Просто мы вовремя вернулись. Когда заворачивали за угол, двое парней скрылись в подъезде, я видела. Ну надо же! Лина! Как тебя угораздило оставить новую машину открытой! Не говори мне после этого, что у меня голова дырявая.

— У тебя задница толстая, этого вполне достаточно!

— А какой у тебя размер лифчика? — Алиса склонила головку набок, намереваясь начать длительную перепалку.

— О боже! — Алиса закатила глаза. — Будь проклят тот час, когда я...

Она вовремя осеклась. Продолжение стенаний звучало бы так: «...когда я предложила тебе поехать в Тулу!» Но логичный ответ Алисы в таком случае ее бы совсем не устроил, потому что вредная кузина тут же бы фыркнула: «Вот и замечательно, поезжай одна!» А потом, чего доброго,

быстро вернулась бы к дороге, поймала первую попавшуюся машину и укатила бы восвояси. К столь крутому повороту событий Лина не была подготовлена. Алиса, конечно, не подарок, но тащиться одной к приболевшей, а потому ставшей еще более занудной бабушке ей и вовсе не хотелось.

Лина собрала волю в кулак и только рывкнула:

— Быстро залезай! — После чего сама прыгнула в салон и, резко повернув ключ в замке зажигания, завела мотор.

«Девятка» заурчала и вдруг, сорвавшись с места, нервно понеслась прочь от проклятого кафе, оставляя за собой серое облачко выхлопных газов, смешанных с сухой пылью.

* * *

Когда молодой и перспективный репер Джеф переставал сипеть ломаным баском, размахивать руками и вылезал из своих знаменитых, на пять размеров больше нужного штанов, он превращался в обыкновенного 17-летнего паренька — худосочного и ничем не примечательного. И всем окружающим становилось его жалко до слез. Однако Джеф не считал, что кто-то вправе его жалеть. Пускай сначала добьются того же в столь молодые годы, а потом жалеют. Джеф злился. Злился на весь мир и в первую очередь на свою глупую мать, которая ежедневно причитала: «Лучше бы ты в школу ходил. Ну, что твой реп? Что человек без

образования, хоть и звезда? Долго ли ты своим речитативом на жизнь будешь зарабатывать? Окончил бы школу, поступил бы в консерваторию. Вон Коля Басков — какой мальчик, и поет и выглядит прилично — костюмчик на нем как замечательно сидит, и кушает он, наверное, с аппетитом, а все потому, что в школе хорошо учился! А ты? Ну посмотри на себя! Кожа да кости. Какой же ты у меня непутевый, плюнуть не на что...»

Джеф скрипел зубами. Особенно нервировало его сравнение с Колей Басковым, за которое каждый уважающий себя репер порвал бы в клочья. Но не растерзаешь же собственную мать. А она этим пользуется, треплет ему нервы.

Спасал Джефа отец. Папаша с ними не жил, но поддержка его чувствовалась. Он часто говорил матери: мол, отстань от парня. Если не дано человеку выучить таблицу умножения, так пусть уж лучше поет, чем по подворотням шатается. Отец у Джефа — мужик «что надо». С отцом ему повезло. Кроме всего прочего, именно отец дал сыну денег на раскрутку. Ну, это ему было проще всего — он большой человек. Да деньги и не главное. Главное — настоящая мужская солидарность. А то при слюнявой мамочке еще неизвестно, кем бы Джеф вырос. Все-таки спасибо папаше, помог стать настоящим Джефом — кумиром миллионов.

Сейчас Джеф нацепил свою панаму военного образца, без которой не выходил на люди, и придирчиво оглядел себя в зеркале.

— Детка, я тебе пирожки в сумку сунула. Не забудь перекусить!

У Джефа перекосилось все лицо.

«Неужели все матери одинаковые!»

Он закинул голову и задумался. Пора бы написать что-нибудь новенькое. Новый хит! Начинаться он будет так: «Вчера я убил свою маму. Ее пироги мне набили оскомину...»

Больше на ум ничего не пришло, но Джеф остался доволен. Начало его вдохновляло.

— Боря пришел с телохранителями, — в проем двери просунулась голова матери.

Мама Джефа была самой обыкновенной женщиной сорока лет. Никто на улице и не подозревал, что она мать самого Джефа. Тем более что она этот факт старалась не раскрывать кому попало, стесняясь его. На это реперу было плевать. Ему хватало и прочих ее недостатков.

— Сейчас двинемся, — сурово изрек сын, переходя на привычный басок.

Боря был его продюсером — неплохим парнем. Телохранителями Джеф никогда не интересовался. Просто знал, что без них нельзя, потому что уже от подъезда за ним начиналась охота. Поклонницы дежурили день и ночь, и каждая норовила не только дотронуться, но и отодрать от кумира лакомый кусочек на память. А это было уже опасно.

— Ты готов? — крикнул Боря из прихожей. — Режиссер нервничает. Говорит, что пока доберемся до места, натура уйдет.

Джефу собирались снимать новый клип, для чего и пригласили съемочную группу. По замыслу режиссера снимать нужно было где-то за городом. Перспектива работы Джефа сейчас радовала как никогда. Особенно тем, что он наконец-то вырвется из-под материнской опеки.

Он улыбнулся своему отражению как можно циничнее. Отражение ответило ему тем же.

— Ну и катись! — ругнулся Джеф не то на зеркало, не то на весь мир, а потом шагнул к порогу.

* * *

— Все! — взревел Иннокентий Валерианович. — Терпение мое иссякло!

Он с шумом выбрался из-за стола и широким шагом стремительно пронзил пространство кабинета.

Саша Косолапых обреченно вздохнул.

Шеф замер в полуметре от него и, сунув руки в карманы брюк, с напускным равнодушием уставился на носки своих дорогих ботинок.

— Где твой курьер? — еле слышно прошептал он.

Саша кисло поморщился:

— Не мой, а ваш.

— Хорошо, — многообещающе согласился Иннокентий Валерианович, — где мой курьер?

— Полчаса как должен быть в вашем кабинете.

— И?

— Опаздывает...

— Та-ак... — Шеф перевел взгляд на Сашу. В

глазах его пылало что-то такое, от чего последний стал заметно ниже ростом.

— Ты этого парня хорошо знаешь?

Косолапых неуверенно пожал плечами, изо всех сил стараясь сохранить самообладание:

— Димон за своих курьеров отвечает. Курьер его, значит, должен быть хорошим парнем.

— Ты его видел?

— Димона-то? На прошлой неделе в Праге вместе пили. Так нажрались, что чехи плакали... — Саша ухмыльнулся, вспомнив недавнее приключение.

За что и поплатился.

— Димона?! — Шеф одним прыжком оказался рядом и, схватив его за воротник пиджака, сильно дернул. Послышался характерный треск. — Димона?! На кой хрен ты мне тут зубы заговариваешь!

— А зачем костюм рвать, — обиженно промямлил Косолапых, — деньги за него немалые заплачены.

— Плевать мне и на костюм твой поганый, и на деньги твои!

— Деньги ваши.

— Мне все равно плевать! Ты хоть раз видел этого долбаного курьера?!

— Мы до сего момента Димону доверяли. И если бы курьер пришел вовремя, вы бы не спрашивали, видел я его раньше или нет.

— Но он же не пришел!

Иннокентий Валерианович устало выпустил

полуоторванный воротник из своих пальцев. Саша тут же расправил плечи.

— Что ты думаешь по этому поводу? — тихо спросил шеф.

— Полчаса в таком деле срок критический, — невозмутимо отвечал Косолапых.

— Это я и без тебя знаю. Есть какие-то иные соображения?

— Когда я выходил покурить в коридор, то видел в окно, как двое придурков грузили в кузов «девятки» завернутое в тряпье чье-то тело.

— И что с того?

— Может быть, они тут кого-нибудь замочили? — вяло предположил Саша.

— И что с того? — повторил шеф.

— Может быть, они нашего курьера замочили?

— Зачем им это нужно?

На что Саша пожал плечами:

— Они же известные придурки, эти подчиненные Принца.

— Если люди мочат ни с того ни с сего кого ни попадя, то им место не на Ордынке, а на улице Потешной, где, как ты знаешь, находится психоневрологическая больница.

— С чего бы мне это знать. Я там ни разу не был.

— Потому что это полезная информация.

Саша пожал плечами, решив не вдаваться в подробности.

— Если они замочили нашего курьера, значит, у них на то были основания, — неожиданно пред-

положил Иннокентий Валерианович и сверкнул глазами.

— Может быть, еще пять минут подождем?

— А если он не придет и эти болваны свалят?

— Ну, и что нам делать?

— Пойди-ка выясни, чего они там грузили.

Косолапых послушно развернулся и быстро пошел к двери. Сейчас ему было плевать, насколько бредовое дано ему поручение. Единственным его желанием было отойти подальше от разъяренного шефа, потому как тот в своей холодной ярости страшнее разгоряченного на корриде быка. Это знали все подчиненные, а уж Косолапых и подавно.

* * *

До взрыва осталось 23 часа 00 минут 15 секунд.

«...Девочка шла по тихой дорожке,
Шла слишком долго, стоптала все ножки,
Красная шапка сбилась на взмокший лоб,
Вдруг из-за дерева прыгнул к ней серый
жлоб...»

Реперский речитатив выплевывали сразу четыре пульсирующие колонки.

— Что это за дрянь? — Лина сморщила нос.

— Это не дрянь, а новый хит Джефа. — Алиса блаженно улыбалась, покачивая головкой в такт.

— Переключи немедленно! — гаркнула сестра и прибавила газу.

— Лучше на дорогу смотри, а то от нервов впендюришься в ближайший столб.

— А кто взвинчивает мои нервы, а?! — Лина крутанула руль вправо так резко, что Алиса стукнулась виском о боковое стекло.

— Вот то, о чем я только что говорила, — промямлила она, потирая голову.

— Да выключишь ты эту дрянь?! — Лина резко нажала на педаль тормоза. Машина едва успела затормозить перед светофором. — Или я все-таки врежусь куда-нибудь.

— Врежешься, — злорадно пообещала сестрица, — только не из-за Джефа, а потому, что водишь хреново.

Лина повернулась к ней и смерила таким взглядом, что та поперхнулась.

Наверное, эта сцена получила бы развитие, но тут откуда-то слишком издалека послышалась трель телефона. По лицам девушек промелькнуло непонимание. Алиса даже вяло пожала плечами. Ах, как же грациозно у нее это вышло!

— Ты что, сунула мобильный в багажник? — наконец усмехнулась Лина.

— Я все сумки в багажник сунула. — Та тут же надула губки, понимая, что сейчас ее обвинят в слабоумии.

Телефонная трель повторилась.

— Значит, оба наших мобильника в багажнике, — подытожила Лина. — Великолепно.

Что-то в этом ее «великолепно» показалось Алисе неприятным. Что, она еще не могла понять, но сестра умела обычные слова произносить таким тоном, что звучали они как самые обидные ругательства.

А телефон не умолкал. Звенел он тихо, но настойчиво и противно. Словно издевался над плохой сообразительностью Алисы. Во всяком случае, ей так представлялось.

— Ладно, — она решительно открыла дверцу машины, — я сознаю, что сунула мобильники в багажник. Это и в самом деле глупо. — Она выставила ножку наружу, но задержалась на секунду, чтобы сказать: — И заметь, когда я не права, я это признаю. В отличие от некоторых!

С этим она выскользнула на дорогу прямо посреди улицы.

— Да ты что, — крикнула ей вдогонку Лина, — я должна съехать к обочине!

Но Алиса уже обогнула «девятку» и застыла у багажника. Позади загудели машины. Тут как на зло зажегся зеленый свет, и они загудели сильнее.

— Вот сумасшедшая! — выругалась Лина и, заглушив мотор, вытащила ключи из замка зажигания. А что ей еще оставалось делать? Она даже представить себе не могла, как будет уговаривать вредную сестру вернуться в салон без мобильных телефонов.

Оглушительно хлопнув дверцей и не обращая внимания на громогласное возмущение десятка машин, она направилась к багажнику, где с над-

менным видом переминалась с ноги на ногу Алиса.

— Чтоб тебя! — прошипела Лина, вставляя ключ в замок.

— Вот всегда ты так, — усмехнулась сестрица, — то требуешь невесть чего, то орешь, когда я пытаюсь исполнить это твое сумасбродное требование. Знаешь, в чем твоя проблема? Ты чертовски противоречива.

— Я тебя сейчас поколочу, — тихо пообещала Лина.

Крышка багажника плавно поползла вверх, и Лина застыла, в удивлении уставившись на открывшиеся внутренности собственного автомобиля. Потом перевела взгляд на сестру:

— Я как-то не подумала, что ты склонна к мешочничеству.

— Что ты имеешь в виду? — Та с интересом заглянула под крышку. — Это не мой тюк.

— А чей? Думаешь, я не помню, как ты верещала, когда я урезала твой багаж? — Лина скривилась и мастерски изобразила плаксивый голос Алисы: — Это мой фен, и я без него жить не могу.

— Тюк размером с человеческое тело мало подходит на мой фен. Он вообще на мой фен не подходит, даже если бы мне вздумалось завернуть его в одеяло. Так что можешь тут не кривляться, все равно это не мои вещи, — парировала Алиса.

В этот момент телефон опять разразился тре-

лью звонка. А позади взревели уже десятка два разгневанных клаксонов.

— А чей это кейс? — Лина ткнула пальцем внутрь багажника.

— А чей это мобильник звонит?

— Разве не твой?

— Чтобы у моего была такая пошлая трель? Что это? Электронный Моцарт? Гадость какая! — Алиса поморщилась.

— Думаешь, это пропавший Бычок пошутил? — Лина постучала кулаком по крышке кейса: — А телефон-то из тюка разрывается...

Алиса откинула край старой ткани и всмотрелась. Потом как-то неестественно дернулась, всхлипнула и вдруг разразилась нечеловеческим визгом.

* * *

Примерно такой же визг раздался в трехстах метрах от светофора. То был визг Принца. Правда, в отличие от Алисы, свои вопли он сопровождал нечленораздельными, но явно выраженными тембром голоса ругательствами. Когда он смог перейти на человеческую речь (а случилось это спустя минут пять), он обернулся к двум своим лысым подельщикам и устало спросил:

— И где же мой кейс?

Те синхронно пожали плечами.

— А труп где? — продолжил расспросы Принц. Ответ выглядел так же, как и в первом случае.

— Не могу поверить! — Шеф схватился за голову и принялся нервно прохаживаться вокруг своей «девятки». — Что может быть проще, чем загрузить в багажник кейс и тело какого-то хмыря. Тут ходу-то от офиса — двадцать шагов по лестнице. Где же вы все барахло растеряли?!

Слабое солнце лизнуло голые затылки двух повинных голов.

— Мистика... — зловеще прошипел Принц.

— Но я своими руками... вот этими руками, — Бека покрутил перед глазами растопыренными пальцами.

— Потому это, что руки у тебя растут знаешь откуда? Ай! Откуда же тебе знать, если у тебя и голова оттуда же растет. И вообще, Бека, — ты одна большая задница, понял? — вспыхнул шеф.

— Понял, — на всякий случай решил согласиться Бека.

— А что, если близнецы, которых в детстве разлучили, вдруг встретятся в одном месте? — Кудрявый задумчиво взглянул на Принца.

— Ты можешь не обольщаться, — тот только сплюнул ему под ноги, — ты тоже задница. Я бы по-другому выразился, но на улице предпочитаю обходиться без грубостей. Это из этических соображений, если вам это о чем-то говорит.

— Нет, если только представить, что два близнеца, которые никогда друг друга не видели, вдруг окажутся рядом? — не унимался Кудрявый.

Принц раздул ноздри. Бека вжал голову в плечи и толкнул локтем приятеля.

— Нет, ну чего пихаться-то. Я все про близнецов...

Он не успел развить свою мысль, поскольку шеф вдруг издал зловещий рык, потом подпрыгнул на добрый метр и, вытащив в полете пистолет из кармана, приземлившись, упер его дулом прямо в кончик носа Кудрявого. Тут монолог про близнецов стал совсем не актуален. Кудрявый начал размышлять о жизни вообще, но про себя. Глаза он скосил к переносице.

— Ты достал меня, понял, урод проклятый! — крикнул ему Принц. — Какие, на хрен, близнецы. Что ты заладил: близнецы, близнецы! Дались тебе эти близнецы! У меня пол-лимона баксов ушло...

— Уехало, — скрупулезно поправил его Кудрявый, не отрывая косого взгляда от пистолета.

— Уехало, ушло... одна хрень!

— Вот если все-таки представить про близнецов...

Принц многообещающе взвел курок.

— Еще раз услышу про твоих гребаных близнецов...

— Хорошо. Скажем иначе: вот если бы двойняшки вдруг встретились на улице...

Принц обмяк всем телом, потом как-то неестественно дернулся и вдруг всхлипнул. Рука с пистолетом, очертив расслабленный полукруг, повисла вдоль тела.

— Значит, встретились двое... — чтобы не мешать горю начальника, скорбно пробубнил Кудрявый.

— Лучше заткнись, — простонал Принц, а потом поднял на него больные глаза: — Скажи, где мои деньги?

— Так ведь я о том и толкую, — расплылся в радостной улыбке Кудрявый, — машин-то тут две стояло. Обе зеленые, обе одинаковое дерьмо... то есть я хотел сказать, что ваша машина не такое дерьмо, как та, что уехала, но мы, наверное, все равно перепутали.

— Да как же это может быть? — изумился Принц.

— А бес его знает, — развел руками Кудрявый.

Бека энергично закивал. Он терпеть не мог всякого рода загадок, а потому, когда решение каким-то непонятным ему образом находилось, испытывал просто-таки физическое наслаждение.

— Подожди! — Принц тоже замотал головой, правда, отрицательно. Он пока ничего не понимал. — Выходит, вы сунули труп и кейс в чужую машину, похожую на мою?

— Ага! — ответили ему в унисон.

Шеф довольно долго думал, морщил нос и чесал затылок, наконец глянул на подчиненных в упор и зло процедил:

— Ну вы и уроды!

Те с достоинством промолчали.

— А как же ключ? Я же давал вам ключи от машины. На кой черт нужны ключи, если ими не пользоваться?

— Он нажал на брелок, и машина открылась, —

с готовностью отличника выпалил Бека и ткнул пальцем в плечо Кудрявого.

— Точно, открылась.

— Но такого быть не может! — возмутился Принц. — Это что же получается? Что на двух машинах поставили одинаковые сигнализации?

— Так ведь я же и говорил про близнецов...

— Не произноси при мне этого слова! — прорычал Принц.

— Ладно, скажем по-другому: про двойняшек...

— И этого слова не произноси. Вообще заткнись лучше.

— Хорошо, — тихо согласился Кудрявый, но предупредил, кивнув на Беку: — Только он вам вряд ли чего объяснит.

— Черт, — выругался шеф, — а где деньги-то искать?

И, забыв про собственный запрет, выжидательно глянул на Кудрявого.

— Так ведь на той машине только что отъехали. Тут одна дорога, по Кольцу. Они еще и до светофора-то не добрались. Если поторопимся...

— Знаете что, — Принц почесал затылок, — сначала мы догоним ту «девятку» и заберем мой кейс. Я пока не знаю, как, но, видимо, в этой истории скоро появятся еще трупы. А потом я заеду в тот гребаный сервис, где мне поставили гребаную сигнализацию. И трупов прибавится...

С этим он развернулся и, крикнув своей команде: «По коням!», юркнул в машину.

Принц был так занят собственными пережива-

ниями по поводу утраченных денег (в основном, конечно, денег, потому что труп ему совсем не был нужен), что не заметил, как от двери подъезда отлепилась недвижимая до сего момента фигура. Фигура понеслась вверх по лестнице со скоростью призрака, застигнутого ярким утренним солнцем. То был, конечно, не призрак, то был Саша Косолапых.

* * *

Винтик и Шпунтик были еще теми придурками. Они считались друзьями с самого детства. Детство их уже закончилось, но дружба осталась. Сошлись они на любви к пиву в третьем классе средней школы. Эта пламенная страсть, так тесно сплотившая их, преобразовалась в увлечение водкой. В общем, к моменту начала нашей истории их еще нельзя было назвать хроническими алкоголиками, но они редко просыхали, и, если уж заводились кое-какие деньжата, они знали, на что их потратить. Благо ларек, в котором продавали живительную жидкость, находился в трех шагах от дачи Винтика, на которой друзья обретались последние три месяца. На даче им было несколько скучновато, однако, с другой стороны, никто их тут не трогал. Родители отсиживались в Москве и не изводили просьбами устроиться хоть на какую-нибудь работу.

Винтику и Шпунтику недавно исполнилось по тридцать лет. Но, несмотря на сей возраст, они так и не успели хотя бы носками ботинок всту-

пить в общественную жизнь. Они с большим трудом окончили школу, причем оба совершенно не помнили, каким наукам там обучались. Винтик неплохо считал деньги, Шпунтик с трудом, но все-таки читал. Обсудив итоги своего образования, они решили, что им вполне достаточно полученных знаний для полноценной жизни. После школы друзья успешно косили от армии, прикидываясь полными дураками. Они так вошли в роль, что спустя два года полковник, являвшийся военным врачом в соседнем военкомате, заведев этих своих потенциальных призывников, бледнел и переходил на другую сторону улицы. Его можно было понять: чего он от них натерпелся, одному богу известно. Уж чего он только не перевидал на своем веку, но до встречи с Винтиком ему не приходилось делать сорок уколов от бешенства. А вот после того, как Винтик его покусал в своем мнимом иступлении, пришлось, потому что никто не верил, что столь страшные раны оставило человеческое существо. Ну и вообще, много было трагических сцен, связанных с Винтиком и Шпунтиком и их военной службой. Шпунтик ведь умел читать, а потому аж с восьмого класса начал изучать всяческую литературу по судебной медицине и психиатрии и нашел там массу способов отбрыкаться от ненавистной ему армии. После того как это удалось, друзья посвятили себя любимому занятию, то есть неге и праздности. Они ничего не делали, изредка поворачивали то там, то здесь —

нужно же было как-то перебиваться. Ну, и пили, конечно.

Однако этой весной что-то произошло. Может быть, звезды наконец расположились должным образом, может быть, где-нибудь родился двуглавый пингвин, но какое-то событие случилось непременно. Иначе как можно было бы объяснить, что Шпунтик взял в руки книгу под чуждым для него названием «Сто способов заработать миллион и не сойти с ума от счастья». Объяснить свою тягу к подобного рода чтению он не мог. Однако окончилось все, к сожалению, не так сказочно, как хотелось бы радетелю за заблудшие души — видному педагогу Макаренко. Книга эта начиналась так: «Дорогой друг! Если ты не умеешь воровать, похищать людей ради выкупа и опустошать банкоматы, то тебе, конечно же, будет интересно то, о чем я собираюсь тебе рассказать. Я научу тебя заработать деньги честным способом, не преступать закон и чувствовать себя поистине счастливым даже тогда, когда ты заработаешь свой первый миллион...» Осилив эту часть, Шпунтик задумался над тем, почему автор так уверен, что миллионер — глубоко несчастный человек. Но, ознакомившись со всеми ста предлагаемыми способами разбогатеть, он понял, что ни один из них ему с Винтиком не подходит. И единственное, чем они могут жить, так это именно грабежом, похищением людей ради выкупа и опустошением банкоматов. Правда, он прибавил бы еще пару десятков вариантов наживы, но все они не вписыва-

лись в общий стиль повествования. Окончательный же вывод прозвучал в его устах весьма лаконично. Он сплюнул и прохрипел: «Туфта. А писака — полный кретин».

По странному стечению обстоятельств, читать он закончил именно в тот злополучный день, когда началось путешествие Лины и Алисы в славный город Тулу. Поскольку деньги у Винтика и Шпунтика закончились, а выпить хотелось, они решили, что пора завязывать с праздным образованием, дабы пуститься на заработки. Они допили то, что умудрились выпросить у соседа по даче, и вышли на просторы Подмосковья.

* * *

До взрыва осталось 22 часа 50 минут 42 секунды.

В тот момент, когда «девятка» Принца, визжа тормозами, въезжала в разросшуюся на Садовом пробку, Лина порывисто захлопнула багажник. Потом схватила всхлипывающую Алису за руку и потащила ее в салон. Та не сопротивлялась. У нее не было сил на сопротивление. Ее трясло, как последний лист на ноябрьской осине. Усадив ее, Лина молниеносно обогнула автомобиль, влетела на свое место и вцепилась в руль с невероятной силой, словно надеялась таким образом решить все свои проблемы.

— Ох! — простонала Алиса.

— Тихо! — Лина зажмурилась, чувствуя, что пальцы сводит нервная судорога. — Так-так-так...

— Ох, что же это такое? — Алиса истерично всхлипнула.

— Я пытаюсь думать... Так-так-так...

— Кто это у нас в багажнике? Ох!

— Черт! — Лина механически завела машину и нажала на педаль газа.

В следующее мгновение перекресток взорвался резкими звуками сотен клаксонов. В недрах этого могучего хора потонула мелодичная трель милицейского свистка.

— Это был красный свет, — грустно констатировала Алиса, когда машина оказалась в центре бокового потока, — ты поехала на красный свет.

— А раньше ты не могла об этом сказать? — вспыхнула Лина.

— Но ты же хотела подумать. Откуда мне знать, что твой мыслительный процесс способен втравить нас в банальную аварию.

— Значит, так, — Лина кое-как встроилась в движущийся поток машин, — положение у нас очень серьезное. Предлагаю заключить вынужденное перемирие. Труп в багажнике — это тебе не шуточки.

— Ой-ой-ой, — тоненько завывала Алиса, — ой...

— И для слез нет времени. Нужно быстро решить, что делать дальше.

— Я не знаю... Может, маме позвонить?

— Во-первых, теперь у нас нет телефонов. Может, ты хочешь достать их из багажника? — Лина

быстро глянула на сестру и констатировала: — Вижу, что не хочешь. Во-вторых, я слабо себе представляю, как мы объясним, что делает в нашей машине неизвестно чей труп. А в-третьих, я не остановлю машину, пока мы не уберемся подальше от Москвы. Туда, где нет гаишников и милиционеров, поскольку если для родителей я еще смогу придумать хоть какие-нибудь объяснения, то что сказать милиционерам, я даже представить не могу. Нас же посадят сразу, как только откроют багажник!

— Ой-ой-ой... — Алиса уронила лицо в ладони и всхлипнула.

— Значит, мы едем до тех пор, пока не окажемся на проселочной дороге как минимум в десяти километрах от Кольцевой дороги, — решила Лина и нажала на педаль газа, поворачивая к набережной.

— Нам же не туда!

— Теперь нам все равно куда, — сосредоточенно управляя машиной, заметила сестра, — лишь бы побыстрее.

— А кто там, в багажнике? — Алиса кивнула назад.

— Понятия не имею.

— Как ты думаешь...

— Я сейчас стараюсь не думать. И тебе не советую.

— А как тебе удастся сохранять спокойствие?

— Понятия не имею. — Лина неестественно передернула плечом, словно его свело судорогой. — Да и спокойствием это не назовешь...

* * *

*До взрыва осталось
22 часа 30 минут 00 секунд.*

Иннокентий Валерианович нервно перебирал кубики — обычные игральные кубики, которые он, по совету психоаналитика, использовал в качестве инструмента для предсказаний. Тот, правда, прописал их ему от стресса. Иннокентий Валерианович подкидывал кубики и так, и эдак. Нервы это не успокаивало, тем более что кубики выпадали как угодно, только не так, как нужно, чтобы предсказать удачу предприятию. Он с удовольствием колотил бы этими кубиками по голове сидящего рядом Саши Косолапых, но толку от этого было бы еще меньше. Салон элитного «Лексуса» казался ему тесным и душным. От шофера несло потом и бензином. Иннокентий Валерианович брезгливо сморщил тонкий орлиный нос. «Подарю ему одеколон на 23 февраля, — отстраненно подумал он, глядя на блестящий затылок шофера, — если раньше не прибыю...»

Потом он повернул голову к Косолапых:

— И куда они поехали?

— Искать пропавшие деньги, — как всегда сонно ответил подчиненный.

— А почему мы едем за ними?

— Потому что вы так распорядились.

— А почему я так распорядился? — Шеф побагровел.

— Потому, что вы думаете, что в той «девятке», за которой едет вторая «девятка», труп наше-

го курьера. Лично мне кажется, что это... — Он пожевал губами, подбирая подобающее слово, но так и не нашел его, а потому просто пожал плечами, пробубнив нечто маловразумительное.

— Но проверить-то стоит, — осторожно заметил Иннокентий Валерианович.

— А кто спорит. Проверить никогда не мешает. Тем более что если ваша версия окажется верной, мы наконец получим свой товар.

— А кто в той «девятке»?

— Принц и два его придурка. Хотя, если по совести, они все трое — полные придурки.

— Нет, я про ту, про первую, которая увезла нашего курьера.

— А... — Косолапых понимающе кивнул. — Этого я не знаю.

— А кто знает?

— Никто этого не знает, — с грустью признал Саша.

— А номер машины?

— Знаете что, — неожиданно вспыхнул подчиненный, — ваши вопросы просто переходят всяческие приличия!

— Можно подумать, я тебя спрашиваю о размере твоего...гм... — Шеф тоже неожиданно усмехнулся. Собственная шутка пришлась ему по душе.

Однако на Сашу она не подействовала.

— Об этом могу сказать. Пожалуйста! А вот про номера машины — увольте.

— Если бы от размера твоего... гм... зависел

исход дела, я бы его наизусть выучил. А так держи эту информацию при себе. Очень мне интересно, сколько лишних сантиметров у тебя в штанах.

— Это почему лишних?! — Саша аж до потолка подпрыгнул от возмущения.

— А на кой ляд они тебе нужны, если ты все время при деле. Ты же трудоголик, — хохотнул жестокий начальник.

— Ну и пожалуйста. — Саша надулся и отвернулся к окну.

* * *

Генерал ФСБ имел немужественную фамилию Авоськин, которой он с малолетства стеснялся, но был обречен носить ее до гробовой доски, поскольку, во-первых, по всем документам КГБ и ФСБ проходил именно под этой дрянной фамилией, а во-вторых, имел несчастье жениться на Кате Козловой и таким образом упустил единственный шанс изменить постылое наследие рода. Ведь, как правильно рассудил в загсе в то золотое время еще старший лейтенант, если уж выбирать между Авоськиным и Козловым, то первое, пожалуй, все-таки лучше. Авоськин сидел в своем сумрачном кабинете и с молчаливой суровостью слушал доклад подполковника Стрельникова, который стоял перед ним навтыжку, держа в руках новехонькую папку из черного кожзаменителя. Авоськину нравилось издеваться над Стрельниковым, заставляя его стоять по стойке «смирно» в своем кабинете. Авоськин не признавался себе,

но в душе он завидовал Стрельникову, потому что у этого противного выскочки было много влиятельных покровителей и потому что он не краснел как рак, когда кто-то произносил вслух его фамилию.

Сейчас Стрельников сделал умное лицо — это ему всегда особенно удавалось, потому что он не был дураком.

— В общем, что тут говорить, дело осложнилось, — Стрельников хлопнул папку, — слишком много народу намешано. Я еще могу понять участие некоего Принца и его гоп-компании в этом деле — придурки всегда лезут туда, куда их не просят. Тем и живут. Но каким образом в эту кашу попали совсем молоденькие девчонки?

— Преступность сейчас молодеет. — Авоськин поскреб пальцем подбородок и добавил, чтобы придать загадочную значимость первой части предложения: — И меняет пол...

Стрельников удивленно вскинул брови, но ничего не сказал.

Авоськину понравилась реакция подчиненного. Он где-то слышал, что начальство, иногда позволяющее себе сбиваться на философские темы, обычно уважают. Он решил немного углубить свои рассуждения:

— Знаешь, — он откинулся на спинку кресла и совсем по-вольтеровски, вальяжно возложил левую руку на подлокотник, — вообще, нынче сложно вести статистику по половому признаку. Ну куда вписать террористическую группировку, члены которой на-

зывают себя «Барбара». Они ж там все гомики. А выйди на улицу, что сейчас за мода? У них же вообще пола нет. Пол у них не виден, он лишь мерцает, — последнюю фразу Авоськин тоже где-то слышал, она показалась ему забавной, а потому он решил повторить ее в своем кабинете.

— В общем, Иван Петрович, дело дрянь, — без всяких речевых оборотов объявил Стрельников, — нужно подключать нашего агента.

— И кого вы предполагаете? — Генерал остался несколько разочарован окончанием интересной беседы. Ему понравилось философствовать.

— 0014. Он самый лучший из тех, кто доступен, — отчеканил Стрельников и вдруг перешел на смущенный шепот: — Но тут такая деликатная ситуация... Он же сейчас проходит переподготовку по рукопашному бою.

— Ничего себе самый лучший. Он что, драться не умеет?

— Что вы! У него черный пояс по карате, два года назад он прошел спецподготовку в школе ниндзя и победил своего учителя по окончании обучения. Он владеет приемами секты профессиональных убийц при индийском храме богини Кали, и вообще, он мастер спорта международного класса по кикбоксингу, так что...

— И в чем суть? — нетерпеливо перебил его Авоськин.

— Четыре года мы с трудом обучали наших агентов игре в большой теннис. А нынче все на курсах дзюдо, вы же понимаете...

— Понимаю, — рявкнул начальник, — понимаю, что у вас тут полная хреновина! Что это за агент, который не знает приемы столь простой борьбы, как дзюдо?!

— Да она же не актуальна... — осторожно ответил Стрельников и покосился на кактус, который стоял на окне.

— Ладно, вводите в дело этого вашего агента, — недовольно буркнул Авоськин.

— Значит, можно отзывать с курсов? — уже громче спросил Стрельников, в упор глядя на кактус.

— Да отзывайте, потом закончит курсы, велико ли дело... Я все-таки не понял, отчего такое количество народу набросилось на малоизвестный товар? Это же даже не наркотики.

— Так ведь дураки! — Стрельников развел руками, явно обращаясь к кактусу, при детальном рассмотрении которого можно было узреть небольшой микрофон меж густых иголок. — Прознали, что у курьера что-то важное и дорогое, вот и кинулись, как мухи на кое-что. Одно слово — дураки. Теперь снимай человека с этого... с дзюдо...

— Н-да, — произнес Авоськин, — как много в нашей жизни зависит от дураков...

* * *

Джеф жадно глотал горячий чай из пластикового стаканчика. Руки у него тряслись. Да что там руки, он трясся всем телом, благо одежда на нем

была объемная, скрывала лихорадку и немужественные мурашки. Стыдно сказать — на улице лето, а такому крутому парню, как Джеф, которому, по мнению миллионов фанатов, вообще «все по барабану», вдруг холодно. Репера перекосило от безразличия к собственному тщедушному организму. Он должен быть сильным! Ну и пусть его уже два часа кряду поливают холодной водой из брандспойта. Он сам выбрал этот нелегкий путь к славе. Да, режиссер параноик! Да, он считает, что мокрый Джеф куда интереснее зрителям, нежели сухой — нужно терпеть, нужно было закаляться по утрам.

«Я крутой! Я крутой! Я крутой, как вареное яйцо. — Зубы Джефа выбивали паскудную дрожь. Он покосился на маленькое треснутое зеркало на стене артистического вагончика, узрел собственную посиневшую физиономию и проскулил: — Господи, кого я пытаюсь обмануть...»

— Джеф, на площадку! — донеслось снаружи.

— О нет... — он лишь слабо дернулся.

— Джеф, — в дверь вагончика просунулась голова продюсера Бори, — ты готов?

— У-гу. — Сейчас хрип вышел весьма натуральным. Просто потому, что теперь Джеф не притворялся грубо хрипящим, он по-другому уже не мог говорить. Хрип стал единственным его состоянием. Во всяком случае, до тех пор, пока он не снимет с себя эти мокрые тряпки и не залезет в горячую ванну.

Мысль о ванне убила последние силы. Он уронил голову и тихо всхлипнул.

— Еще два куплета, — понимающе погрузстнел продюсер.

— Под водой? — тихо поинтересовался репер.

Его робкая надежда на то, что следующие два куплета песни снимут всухую, разбилась о гранит реальности.

— Разумеется, — жестоко ответил Боря.

— Не нужно было таких песен писать... длинных...

— В следующий раз будем снимать в пустыне, — повеселел продюсер.

— Да, и с другим режиссером. А то этот Гитлер и в пустыне кого угодно до воспаления легких доведет. Фриц недобитый!

С этим нелестным замечанием Джеф тяжело поднялся и потащился на выход.

При его появлении два десятка девчонок из массовки зашлись оглушительным визгом.

Джеф пытался совладать с лицом, он хотел остаться невозмутимым. Так требовал имидж скупого на эмоции репера. Но от дикого озноба, а еще более от неожиданного, жуткой силы визга, который напомнил ему детские кошмары, где он блуждал по сюрреалистической поросячьей бойне, ему свело лицо. А на глазах выступили слезы.

«Реп — дерьмо, — почему-то мелькнуло в голове, — да и жизнь — тоже не подарок!»

* * *

*До взрыва осталось
20 часов 30 минут 34 секунды.*

Уже два часа Лина сосредоточенно вела машину. А до Кольцевой было еще далеко. В пятницу абсолютно все магистрали из центра Москвы забивались плотными пробками. Из колонок рокотал голос юного, но сурового репера Джефа, однако его никто теперь не слушал. Алиса притихла, мрачно разглядывая медленно проплывающие за окном душные улицы.

— Как ты думаешь, в багажнике сейчас жарко? — наконец изрекла она.

— Понятия не имею, — тихо отозвалась сестра, ловко втискивая «девятку» меж двух грузовиков. — Лучше закрой окошко, а то выхлопными газами отравимся. Кошмар, а не поездка.

— Что правда, то правда, — согласилась Алиса и вдруг улыбнулась: — Мы наконец-то сошлись хоть в чем-то.

— Точно, — Лина тоже растянула губы в вялой улыбке, — мы всегда спорим даже по пустякам.

— Беда сближает, — Алиса всхлипнула.

— Без истерик, — оборвала ее Лина, — только их нам и не хватает. Помни, мы одна команда. Холодный рассудок и решительные действия — вот что требует от нас ситуация.

— Тебе бы полком командовать. — Алиса вздохнула.

— Слушай, ты не могла бы поговорить со мной

на какую-нибудь отвлеченную тему, а то я сейчас усну за рулем, — попросила сестра.

Жара действительно проникала под волосы, грозя растопить серое вещество мозга до состояния жидкой каши. Машины медленно ползли по горячему асфальту. Воздух дрожал, отчего казалось, что мир вот-вот распадется на несколько реальностей.

— Хорошо, — охотно согласилась Алиса. — Все-таки в багажнике весьма жарко.

— И что с того?

— Ну... я вот подумала, что трупы обычно перевозят в холодильниках. Как ты полагаешь, почему?

— По-твоему, такой должна быть отвлеченная тема?

— Я ни о чем другом думать не в состоянии, потому что трупы на жаре быстро разлагаются, и скоро наша машина наполнится отвратительным сладковатым запахом протухшей плоти.

При этом пояснении Лина побледнела, под конец предложения позеленела и вымученно прошептала:

— Замолчи, пожалуйста.

— Нет, ты только подумай, как нам удастся скрыть присутствие покойника от гаишников? Тут есть над чем поломать голову...

— Да помолчи ты лучше, — икая, рыкнула сестра.

Однако Алиса все бубнила и бубнила, глядя в окошко:

— ...а если представить, что нам этого парня придется собственными руками вытаскивать из багажника, а потом где-то закапывать, не знаю, как ты, а у меня мурашки по коже. А если мы протащимся по Москве еще часа два, я уж не знаю, может быть, он вообще весь разлезется. Я слышала жуткие истории о червяках и тому подобной гадости. Брр!

— А-а-а! — Лина выпустила руль и схватилась руками за голову.

— Эй, ты сейчас в «мерс» вмажешься! — крикнула ей сестра.

— А-а-а! — громко и надсадно кричала Лина, с силой надавив на педаль тормоза.

— Вот, сама же говорила о холодном рассудке. А теперь у тебя настоящая истерика, — грустно укорила ее Алиса. — Никогда не зарекайся.

«Девятка» дернулась и заглохла.

— А-а-а! — неся из нее отчаянный, бередящий душу девичий крик.

* * *

— Слышь, Шпунтик, так дальше жить нельзя. — Винтик протяжно вздохнул и дунул на смятые десятки, кучей лежащие на согнутых коленях. — Это же беспредел.

— Точно, — Шпунтик перевел рассеянный взгляд с верхушки ближайшей березы на проплывающее в высоком небе легкое облачко, — только растяпы ездят на дачу с тридцатью рублями в кошельке. Сколько же нынче растяп развелось!

Они сидели на пригорке. Под ногами вздымались волны неспелой колхозной пшеницы, за спинами сквозь редкий лесок протарахтела расшатанными колесами пятичасовая электричка.

— Если так и дальше пойдет, к осени мы оголодаем. Вот же правило взяли — деньги в кармане не носить, сволочи, — шумно возмутился Винтик и вскинул в воздух мятые десятки.

— Да уж... — туманно согласился Шпунтик, подкинув носком ботинка десятку, слетевшую с колен приятеля. — На кой хрен ты колготки с той дуры стянул? Еще подумала чего...

Винтик выудил из кармана выдавших виды брюк женские колготки и принялся вертеть их в руках, рассматривая без всякого интереса.

— Нет, я на тебя предметно удивляюсь, — потеряв терпение, вспылил Шпунтик.

— Многоступенчато выражаешься, — ворчливо отозвался Винтик, не прекращая пялиться на колготки. — Мало ли что какая дура подумает. Ну, сняли с нее колготки, все равно же лето. Чего она в колготках на дачу приперлась!

Ответ звучал вполне логично. Потому помолчали. Затем Шпунтик вздохнул:

— Нам бы настоящее дело...

— Не, — скривился Винтик, — в Людкин магазин больше не пойдем. Она еще в прошлый раз пообещала прибить. Вдруг и взаправду чем стукнет. С нее станется. Она еще та стерва.

— Нужно производить, — Шпунтик с вызовом

взглянул в глаза другу, — производить, понимаешь?

— Что? — Винтик сунул колготки в карман, покосился на скомканные десятки, потом красноречиво развел руками и добавил: — Чтобы рисовать деньги, талант нужен. Вот ты можешь?

— Я даже форму точно не передам. — Шпунтик начертил в воздухе четырехугольник и отмахнулся: — Сейчас не об этом. Книжонка, которую я прочел, — дрянь, но одна мысль из нее не дает мне покоя: только производитель по-настоящему богат. Вот в чем собака порылась...

— В чем порылась? — не понял Винтик.

— Неважно. — лицо Шпунтика исказилось, став похожим на одну из смятых десяток, грудой лежащих на коленях Винтика. Шпунтик размышлял.

— В чем порылась? — приятель дернул его за руку.

— Может, коноплю выращивать? — Шпунтик вскинул мечтательные очи на уходящие к горизонту неровные колосья пшеницы. — Места на даче хватает... Или мак. Мак даже дороже продать можно.

— Это дерьмо полоть нужно... и поливать, — без энтузиазма отозвался Винтик.

— Все равно надо найти товар, чтобы его продавать. Свой товар.

— Хм... — Винтик вздохнул, собрал с колен десятки и сунул их в карман брюк. — А нельзя найти такой товар, который не нужно поливать и полоть?

— Это сложнее. Но идея с дачей мне нравится. — Шпунтик поскреб грязным пальцем затылок. — Дача слишком выгодна в стратегическом смысле, чтобы там только жить. Нужно сделать ее отправной точкой в начале нашего пути к процветанию.

Винтик возложил ладонь ему на плечо и грустно изрек:

— Из того, чего ты тут натарахтел, я понял только то, что вся гниль от книг идет. Ты раньше таким не был. А вот начитался этой своей книжонки, так совсем на человека перестал походить. Посмотри на себя, плакать хочется. Пойдем лучше примем по пять капель живительной, может, пройдет, у тебя...

* * *

Принц сосредоточенно давил то на педаль газа, то на педаль тормоза, вследствие чего машина двигалась рывками и крайне медленно.

— Чего их за город понесло? — спустя два часа такой езды процедил он, злобно глядя на зеленую «девятку», мелькавшую метрах в десяти от его собственной.

— Лето — время отпусков, — монотонным голосом начал Кудрявый.

— Слушай, — мгновенно среагировал шеф, — сейчас я очень зол. Я зол просто-таки чертовски. И мне жуть как хочется кого-нибудь пристрелить...

— Ага...Уже пристрелили одного, — напомнил

Кудрявый, понимая, что никакая злость не подвигнет Принца палить из пистолета посреди города. — И что из этого вышло? А кто просил не баловать с пистолетами?

— А как начинался день, мать вашу! — погрузился шеф.

— А я бабу заказал на вечер, — с такой же тоской вступил в разговор Бека.

— Кого? — усмехнулся Кудрявый.

— Бабу. А чего такого? — обиделся Бека. — Принц, чего он хихикает. Чего я, бабу не могу заказать?

— Где ты ее заказал, придурок?

— По телефону, — с достоинством отвечал несправедливо обруганный.

— И как она выглядит? — заинтересовался шеф.

— Почему я знаю. Как баба, наверное. Я же сказал: бабу заказал.

— Ну-ну, — усмехнулся Кудрявый. — Хотел бы я посмотреть на это сегодня вечером. Жаль, не выйдет.

— Это почему не выйдет? — возмутился Бека.

Принц неожиданно саданул ладонями о руль и завопил что было сил:

— Потому что ты, урод, сунул мои деньги в чужую машину! Вот почему!

Минуту помолчали. Потом Бека понимающе кивнул и тихо проямлил:

— А-а-а...

— Господи, — устало вздохнул шеф, стараясь не смотреть в зеркало заднего вида, чтобы даже краем глаза не увидеть тупые физиономии своих подчиненных. — Господи, за что?

* * *

Агент 0014 забыл, как его звали, еще до того, как он стал агентом ФСБ, отчасти потому, что слишком прилежно учился в разведшколе. Зато взамен утраченных инициалов он получил массу полезных качеств. Как-то: волевой характер, абсолютное бесстрашие, сообразительность в особых ситуациях. К этому еще стоит прибавить мастерское владение разнообразными видами рукопашного боя и умение маскироваться. Словом, агент 0014 являлся гордостью отечественной службы безопасности. Однако последние полгода собственная судьба не радовала его, как прежде. Он даже стал подумывать о том, что жизнь дала трещину. Весной он дошел в своем отчаянии до ручки, попал на сканирование мозга и две недели таскался на курсы к психоаналитику. А когда тот застрелился, 0014 устроился на курсы икебаны. Товарищи по службе поговаривали, что именно икебана является панацеей от меланхолии. Но чудодейственные курсы ввергли агента в еще большую тоску.

В общем, 0014 и по сей день пребывал в расстроенных чувствах. Причина тут крылась в его внешности.

Природа посмеялась над ним, сделав его высо-

ким, мускулистым блондином с глазами цвета морской волны и широкой добродушной улыбкой. Именно таким чаще всего изображают американского бейсболиста — чемпиона высшей лиги. Подобную несправедливость терпеть было невыносимо.

«Везет же некоторым, — тоскливо рассуждал 0014. — Вот, к примеру, агент, который раньше был 0050. Ведь был же так себе агентишкой — даром, что в теннис обучился играть. А внешность карьеру парню сделала. Ну, похож он от рождения на спортсмена Кафельникова, казалось бы, что с того. Ан нет — семь лет играл с Президентом на Кубке Кремля, да так, что сам Кафельников рыдал, наверное, от восторга. Годик всего поиграл, и пошла карьера вверх. Теперь он уже не 0050, а 0028. И никаких проблем. Или вот этот теперешний счастливчик — 0018. Чем уж он так хорош, кроме того, что его можно без труда представить маленькой японской дзюдоисткой. Он и приемы дзюдо знает, как персонаж, которого теперь изображает. Тьфу! Вот если бы его — 0014 — пустили на один ковер с нынешним главой, уж он бы себя проявил. Но не пустят, потому как японская девочка из него, как мартышка из жирафа! Эх, не судьба... Вот если бы женщина вдруг стала Президентом...»

С женщинами у 0014 все было в полном порядке. Примерно так же, как с военной и политической подготовкой. А может, даже лучше. Многочисленные девушки, встречавшиеся агенту буквально на каждом шагу, падали в его объятия так

быстро, что, если бы не его профессиональная сноровка, они летели бы к его ногам. Кстати, забывчивость по части имени и фамилии тоже играла ему на руку, поскольку позволяла развивать фантазию. Таким образом он постоянно практиковался в составлении легенд. Он выдумывал себе всевозможные псевдонимы. Однажды даже представился Мао Цзедуну, что совершенно не испортило очарования последующей ночи. Девушка, скорее всего, ему не поверила, но предпочла не прояснять обстоятельства, которые заставили ее неожиданного любовника выбрать себе столь странное имя. Всю ночь она нежно шептала ему: «Мой великий Мао!», хотя это уже и неважно. Тем более что 0014 не мог быть ее ни под каким псевдонимом. Он никому не мог принадлежать, даже себе самому. Он принадлежал только Государству. С девушками он развлекался, но они не являлись его слабостью. Вот сегодня, к примеру, он почти увлек одну хорошенькую шатенку из бара, даже под локоток успел взять, чтобы стянуть с высокого табурета, но тут раздался звонок его постоянно включенного мобильного телефона и суровый голос прервал едва начавшееся любовное приключение.

При воспоминании о несостоявшемся романе агент 0014 растянул красивый рот в ухмылке и сдвинул брови. Теплый ветер обволакивал его шлем. Пахло горячим асфальтом. Мотоцикл марки «Харлей», к крылу которого агент 0014 из патриотических соображений приварил отечественный

заводской знак «Ява», медленно полз меж машин по загруженной Ярославке из Центра к Кольцевой. Полученное задание он сразу же расценил как крайне сложное, а главное потому, что ничего не понял из путаных объяснений своего начальника Стрельникова. Стрельников, как показалось агенту, и сам мало что понимал из происходящего, а потому вызвал лучшего исполнителя — специалиста по всему темному и малопонятному.

Такая догадка переполняла гордостью мужественное сердце агента 0014. Близость опасности, как всегда, слегка холодила затылок и чуть-чуть убыстряла ток крови, отчего щеки агента налились приятным румянцем. Кроме того, в истории присутствуют две персоны женского пола, со слов все того же Стрельникова, молоденькие и хорошенькие.

Агент снова ухмыльнулся. План операции вырисовывался сам собой.

* * *

*До взрыва осталось
19 часов 00 минут 03 секунды.*

— Ты хоть знаешь, куда едешь? — Алиса оглядывала проносящуюся за окном незнакомую местность, сплошь заросшую лесом. Дорога, по которой они ехали, мало походила на магистраль, но кое-где еще сохранила остатки асфальтового покрытия. На этих остатках машину нещадно подкидывало.

— Посмотри по карте, — ворчливо отозвалась Лина.

— Как я могу посмотреть по карте, если я понятия не имею, куда ты едешь. Даже приблизительно.

— Мы съехали с Ярославки, так? Так, — принялась рассуждать сестра. — Два раза повернули направо. Один раз налево. Все очень просто.

Алиса вздохнула, но спорить не стала. Она порылась в «бардачке» и, выудив из него карту области, тупо уставилась в паутину дорог, расходящихся от Ярославского шоссе в разные стороны. Спустя минут пять заметила:

— Тот, кто это нарисовал, является ярким образцом человека с параноидальным мышлением.

— Хочешь сказать, что ни черта не понимаешь?

— Именно.

— А по мне так все равно, куда мы едем, лишь бы укатить подальше от дачных поселков и в спокойной обстановке подумать, что нам делать дальше.

— А может быть, мы уже достаточно далеко заехали? — Алиса опасливо покосилась на придорожный лес, все еще озаренный летним солнцем. Потом она глянула на часы и заметила: — Все-таки время близится к вечеру. Скоро начнет темнеть.

— Темнота — друг молодежи, — невесело усмехнулась Лина, — особенно той, у которой в багажнике неопознанный покойник.

— Ох, не напоминай!

— Странно все-таки, — невозмутимо продолжила сестра, — как он попал ко мне в багажник?

— Меня больше интересует, как он из него исчезнет, — ворчливо отозвалась Алиса.

— Нам с тобой рассчитывать не на кого. Исчезнет, если мы постараемся.

— Меня сейчас стошнит. — Алиса и в самом деле побледнела. — Ой, меня сейчас по-настоящему стошнит.

— Только не в моей машине! — Лина резко затормозила.

«Девятка» прыгнула на очередной кочке и, шумно приземлившись, замерла прямо посреди дороги.

— Мамочка... — проскулила Алиса, вываливаясь на свежий воздух.

* * *

Кудрявый уже с полчаса бубнил под нос длинный анекдот. Никто в машине его не слушал, так что рассказывал он анекдот исключительно для собственного увеселения. Бека, как всегда, молчал. Принц тоже молчал, но не по тупоумию, как Бека, а потому, что злился все больше и больше. Его раздражало, что на шоссе слишком много машин, поэтому он не может просто нагнать «девятку», остановить ее и потребовать свои деньги.

«Дачники, — зло цедил он сквозь зубы, глядя на багажник медленно тащившейся впереди «Волги». — Черт бы побрал этих дачников!»

— Так вот это... мужик, такой в прикиде, я те говорю, в прикиде мужик. — Кудрявый толкнул Беку в плечо и хихикнул, собираясь пошутить. — Значит, он ей предлагает, а не поехать ли нам покататься. У меня тут, вот те крест, машина припаркована. Ну, машина как машина, наша, наверное, в общем, значения не имеет. Да и потом, будет мужик на крутой тачке девиц по барам искать. Он ведь поедет как человек на Тверскую и снимет там хоть десяток, так?

— Ты закончишь когда-нибудь свой дурацкий анекдот? — не вытерпел Принц.

— А вам-то что?

— Очень хочется посмеяться, — съязвил шеф.

— Вы все равно не засмеетесь. Не то у вас сейчас состояние духа, — глубокомысленно изрек Кудрявый.

— То, не то — это мне лучше знать. Так кончится твой идиотский анекдот когда-нибудь?!

— Если будете на меня орать, я вообще замолчу, — неожиданно обиделся Кудрявый. — Сижу, как порядочный человек, пытаюсь вас развлечь, а тут такая черная неблагодарность. Даром, что во всей этой истории я меньше всех виноват. Я, можно сказать, даже чуть не пострадал. Не я хватал пистолет, не я палил, а выходит, что все шишки на меня теперь валятся. Да что я, козлик какой, чтобы чужие шишки собирать! Нет, право слово, Принц, чего ты на меня скалишься? Скалься лучше на Беку.

Бека дернулся и сглотнул.

— Ты будешь рассказывать анекдот? — Принц побелел.

— Если вежливо попросите, так дорасскажу, — встал в позу Кудрявый. — Не хочу я, чтоб меня за чужие промахи карали. Это, между прочим, несправедливо.

— Кто тут вспомнил про справедливость? — зло усмехнулся Принц.

— Мы живем в демократической стране...

— Мы живем в полном дерьме, — оборвал его начальник. — А сейчас мы сидим в этом дерьме по самую макушку. И если мы не вернем наши деньги, то нырнем в дерьмо с головой, и ты, скажу тебе по секрету, вряд ли из него вообще вынырнешь. Так что досказывай свой паршивый анекдот побыстрее, а то не успеешь кончить!

— Уж кончать я мастер, — не без гордости парировал Кудрявый, — мне все так и говорят...

— Будешь рассказывать анекдот, мать твою?! — Принц, плюнув на дорогу, повернулся и с яростью зыркнул на Кудрявого.

Тот поперхнулся, замолчал, наконец с тихим упрямством пробубнил:

— Не хочу я в такой нервной атмосфере анекдоты заканчивать.

— Сейчас ты тут свою биографию закончишь! — прошипел шеф и, выхватив пистолет, ткнул дулом в лоб подчиненного.

Тот снова поперхнулся, но ответил:

— Вы сегодня уже второй раз мне пистолетом

в морду тычете, а денег от этого все равно не прибавилось.

— И машина ушла, — тихо закончил Бека.

Принц глянул на него и сдвинул брови:

— Какая машина?

— Ну та, за которой мы ехали.

Шеф позабыл о пистолете, о Кудрявом и о его анекдоте. Он резко развернулся и впился взглядом в лобовое стекло. «Девятки» нигде не было видно.

— Куда она свернула? — осторожно поинтересовался он.

— Почем я знаю, — так же осторожно ответил Бека, — я в боковое окошко смотрел.

— А какого хрена ты смотрел в боковое окошко? Почему не смотрел на «девятку»?

— А вы не говорили, куда нужно смотреть. — Бека пожал плечами.

— Дрянь! — Принц понял, что спорить и что-либо доказывать в этом кругу бесполезно. Поэтому он просто констатировал: — Теперь мы точно потеряли наши деньги.

* * *

— Вот идиоты, — хохотнул Саша, проезжая мимо остановившейся на обочине «девятки», в которой продолжали препираться Принц и его подчиненные, — следопыты хреновы!

— Смотри в оба. — Иннокентий Валерианович решил сбить ухарские настроения. — Не факт,

что «девятка», которая свернула на проселочную, именно та, которая нам нужна.

— Ну да, конечно, — фыркнул Косолапых, — а то тут пруд пруди зеленых «девяток». Придурки именно за этой ехали, а потом потеряли. Вот растяпы. Где глаза-то у них?

— Чего это ты преисполнился неуместным состраданием, — делано удивился шеф, — нам же лучше. Догоним этих лохов, заберем наш труп без помех. Довольно уже этому Шаху...

— Принцу, — скрупулезно поправил Саша.

— Да хоть Королевичу, одна хрень. Он и не Принц, и не Шах, и не Королевич, а так, дерьмо какое-то. Словом, хватит уже всякому отребью путать наши карты. Потеряли свою удачу, вот пусть и воют теперь на обочине. Сворачивай давай, — поспешно крикнул Иннокентий Валерианович шоферу, так как тот, видимо, заслушавшись, вознамерился проехать мимо неприметного съезда на грунтовую дорогу.

* * *

*До взрыва осталось
18 часов 20 минут 14 секунд.*

— Господи, где мы? — проскулила Алиса, глядя на проплывающие мимо зеленые ветки.

— Так он тебе и ответит! — проворчала Лина, напряженно ведя машину по узкой лесной дороге. — Вот раздвинет облака и громко скажет: «А мне

почем знать, в какую глушь вы забрались!» Лучше в карту посмотри!

— А сколько ты раз свернула, с тех пор как мы с трассы съехали?

— Если б я помнила.

Тут обе разом чертыхнулись, потому что «девятка» ухнула в лужу.

— Только бы не застрять тут посреди чащи, — Алиса всхлипнула.

— Странное дело. — Лина аккуратно повела машину по жидкой грязи. — Дождя как будто не было. В городе от жары подышаем, а тут на тебе — миргородская лужа.

— А волки тут есть? — неожиданно поинтересовалась сестра и, видимо, ответив на свой вопрос положительно, быстро закрыла окошко.

— По мне, так все равно, — легкомысленно заявила Лина, — чем дальше в лес, тем меньше свидетелей. Нам, если ты помнишь, труп закопать нужно.

Машина наконец выбралась на сухое пространство и покатила быстрее, подпрыгивая на кочках. Ветки хлестали по стеклам.

— Может быть, уже достаточно? — робко спросила Алиса. — А то как-то неприятно становится.

— Мне стало неприятно, когда я увидела то, что лежит в багажнике моей машины. С тех пор отойти не могу, — Лина хмыкнула.

Возникла тягостная пауза. Говорить не хотелось. Перспектива предстоящего дела, совсем не

органичного для двух молоденьких девушек, повергала обеих в глубокую печаль.

«Девятка» пыхтела, прорываясь в глубь неизвестного леса.

— Как ты думаешь, куда ведет эта дорога? — наконец задумчиво спросила Алиса.

— Судя по затхлости, к канадской границе, — отозвалась сестра.

— Странно, что ты ее вообще разглядела.

— Да уж... Честно говоря, я и не думала, что мы попадем на дорогу. Просто хотела съехать на обочину и промахнулась. Слишком сильно съехала в кусты. Они взяли да и раздвинулись. И мы попали...

— Да, кажется, мы действительно попали... — философски закончила фразу Алиса.

* * *

Рабочий день приближался к концу. Утомленная духотой и мухами продавщица сельпо Люд-ка возложила арбузные груди, зятанные в засти- ранный халат, на низкий дощатый прилавок, опер- лась двумя складками обширного подбородка о расслабленные руки и с туманной задумчивос- тью оглядела пустой сарай, именуемый на со- временный манер торговым залом. Глаза ее по- дернулись поволокой. Крупные капли пота высту- пили на красном, абсолютно круглом лице. Она крепко задумалась над своей судьбой и, как час- то бывает с женщинами, чья биография уже отсчи-

тывает пятый десяток, а количество мужчин, встретившихся на пути, так и не перешло в качество, в который раз решила, что она безнадежно несчастна.

Жизнь ее потеряла смысл еще в родильном доме, где она появилась на этот свет, так и не пригревший ее ни лаской, ни вниманием, ни богатством, ни чем-нибудь другим, чем можно было бы гордиться в старости. Из трех ее мужей двое померли от непомерного пьянства. Третьего она выгнала, поскольку и он грозил оставить ее вдовой по той же причине. Уже десять лет, как она одна-одинешенька, без всякой надежды на счастливое устройство личной жизни. Дни похожи друг на друга, как близнецы: магазин, огород, хозяйство. Соседи ее уважают, наверное, даже жалеют, но что толку. Анькин муж бежит к ней по средам и субботам, когда сама Анька ездит в ночную смену. Катькин супруг захаживает «на чарку», но от него с каждым разом все меньше толку — пьет, подлец, какая уж тут любовь. Денег у Людки мало, как ни воруй, а в сельпо на многое рассчитывать не приходится. Едва хватает, чтобы сводить концы с концами.

Она вздохнула, залезла пятерней в пышный начес, почесала затылок и всхлипнула. Сама собой навернулась логическая после таких размышлений слеза. Скатилась по щеке, смешавшись с потом, и капнула на далеко выступающую грудь грязной каплей.

И тут дверь со скрипом отворилась. В первую

секунду Людка удивленно округлила глаза. Явление действительно было несколько странным: на пороге неловко топтались двое. На головах у обоих было надето нечто, стиравшее черты лиц до неузнаваемости. Сначала продавщица подумала, что в их края чудом забрели два носителя африканской культуры, и только когда один из них невнятно прохрипел: «Слышь, это... водку гони!» — разочарованно поняла, что судьба ее вновь обманула. Никакие это не иностранцы, а наши, до тошноты знакомые русские пьянчуги, зачем-то нацепившие на бошки женские чулки.

— Вали отсюда, уродина, — как и подобает в таком случае, с достоинством ответила Людка, даже не подумав сменить позу.

— Слышала, стерва, гони водку! — повторил второй «негр», пытаясь поселить робость в продавщице грозным хрипом. Чтобы подтвердить свое намерение действовать решительно и жестоко, он двинулся на прилавок. Однако в шагах его угадывалась неуверенность, он не слишком-то хорошо видел сквозь темный чулок. Остановившись на середине пути, он хмыкнул и добавил: — Это ограбление!

Людка протянула руку, взяла двумя пальцами полуторалитровую бутылку напитка из «Черноголовки» с игривым названием «Колокольчик» и многозначительно поставила ее рядом с грудью на прилавок. «Негр» остановился в нерешительности.

— Вали отсюда, — повторила продавщица.

— Значит, не дашь водки? — прогнусавил «негр», находившийся ближе к дверям.

— Не дам, — заверила его Людка и возложила мощную длань на горлышко тяжелой бутылки.

— Ах ты... — В тихом шепоте, следовавшем из-под чулка, женщина явственно услышала неодобрительные замечания в свой адрес, а также в адрес ее ныне покойных родителей, более дальних предков, в адрес сельпо, где все они сейчас находились, поселка, где располагалось это самое сельпо, страны, где все они дружно выросли и достигли того, чего достигли, а также того места, куда неуклонно катится эта страна. Видимо, последнее ее особенно оскорбило, потому что Людка, как всякая женщина, хотела верить в светлое, пусть и невозможное будущее и очень расстраивалась, когда кто-то покушался на ее святую веру.

— А ну вон пошли, выродки поганые! — Она оторвала грудь от прилавка и взметнула над головой бутылку «Колокольчика» в явном порыве обрушить ее на головы посетителей. — Деньги принесете, тогда и водку получите!

«Поганые выродки» не заставили себя упрашивать и выкатились на улицу раньше, чем продавщица успела закончить гневную тираду.

— Я же говорил, не даст! — вздохнул Винтик, стягивая с головы половину предварительно разорванных женских колгот. — Стерва все-таки эта Людка!

— Точно! — поддержал его Шпунтик, осво-

бождая свою физиономию от капрона. — Стерва первостатейная.

— Чо ж делать? — В голосе Винтика прорезалось сухое отчаяние. — Выпить хочется, мочи нет.

— Может, вернемся на дачу, заглянем к бабке Соне. Та угостит самогоном.

— Ага, только если огород вспахаем. Мне после такой каторги уже и самогон ее вонючий не понадобится.

— А если в чулке? — В глазах Шпунтика сверкнули дьявольские искры. Он даже прищурился в предвкушении удачной операции. Мягкотелая Силантьевна — старушка лет семидесяти. Это вам не упитанная бабища с бутылкой «Колокольчика» в мощных лапах. Силантьевна точно перепугается их грозного вида и отошьет самогона.

— Ну... — Винтик не был таким оптимистом.

— Да брось ты. — Приятель подмигнул и быстро пошел по дороге, ведущей к пролеску.

* * *

— Ничего не понимаю. — Саша даже пристал. — Только что были здесь — и уже нет.

— Нужно было лучше смотреть. — Иннокентий Валерианович тоже подался вперед, но, приблизившись к шоферскому затылку, болезненно поморщился и снова откинулся на спинку сиденья. Он не выносил запаха вспотевшего тела.

— Да куда они денутся, — вдруг заявил дурно пахнувший водитель, — в этом лесу полно дорог,

но все они упираются в рыночную площадь села Иванцы.

— А вдруг какая-нибудь не упирается? Или «девятка» затормозит раньше, чем доедет до этих Иванцов.

— Да не... — легкомысленно отозвался шофер. — У тещи моей тут дача. Мы всю местность за грибами исходили. По какой дорожке ни топай, а пройдешь лес насквозь и аккурат выйдешь на Иванцы. Можно по любой катить, все равно с «девяткой» пересечемся.

Он повернул машину на довольно просторную, по лесным меркам, сухую грунтовую дорогу.

— Интересно, куда поедут эти придурки? — усмехнулся Косолапых.

— Куда бы они ни поехали, все равно окажутся в Иванцах, — упрямо заявил шофер.

— Мне показалось, или в кустах чья-то морда торчала? — Иннокентий Валерианович удивленно вскинул бровь, всматриваясь в зеленые заросли, обрамляющие дорогу.

Саша быстро глянул в его окошко, потом пожал плечами и наконец мотнул головой:

— Откуда в лесу морда... Не, показалось вам...

* * *

Агент 0014 довольно ухмыльнулся и откинул в сторону две зеленые ветки осины. Все-таки мастерство не пропьешь. Он умеет маскироваться. А эти дуралеи, мнящие себя акулами теневого бизнеса, покатили дальше в своей машине, так и не

поняв, что за ними установлена слежка. Да где уж им понять. Если бы они поняли, агент 0014 самолично разжаловал бы себя в подмастерья.

Он похлопал себя по бедрам, проверяя наличие огневого запаса. Запас оставался нетронутым именно там, где и должен был находиться: две кобуры сладострастно прижимались к его телу. Они хранили в себе несокрушимую мощь отечественной военной промышленности — два многозарядных, сделанных по спецзаказу пистолета. Патронташ опоясывал талию, чуть пониже груди висели гроздь маленьких, но очень мощных гранат, за спиной под кожаной курткой покоился карабин, в карманах военного жилета хранились ножи и самурайские железки, которые очень хороши в ближнем бою. Все это несколько утяжеляло агента, но ему было не привыкать. В таком обмундировании он способен был творить чудеса, выполняя трюки, которым позавидовали бы лучшие цирковые артисты.

* * *

— Ты уверен, что они свернули на эту дорогу? — сквозь зубы спросил Принц, съезжая с магистральной на грунтовку.

— Да, больше им ведь деться некуда, — отвечал Кудрявый.

— Ну, смотри!

— Я машины не вижу, — констатировал Бека, глядя в лобовое стекло.

— Никто не видит, — зло гаркнул Принц.

— Так они, поди, уж скрылись за поворотом. — Кудрявый пожал плечами.

— Я и поворота не вижу, — опять встрял Бека.

— Мы стояли довольно долго, они уже далеко отъехали, — терпеливо принялся разъяснять ему коллега, — отсюда поворота не видно. Но он есть. Непременно должен быть. Иначе мы бы видели эту «девятку». Маленькую, в смысле уменьшенную расстоянием, но видели бы.

— Ох. — Принц терял терпение. Он с силой вдавил в педаль газа, и машина понеслась, подпрыгивая на ухабах.

— А если они с этой дороги еще на какую-нибудь свернули? — не унимался Бека, вертя головой по сторонам.

— Где ты видишь хоть одну дорогу? — строго спросил его Кудрявый.

— Когда увижу, скажу, — сообщил ему Бека.

— Эй, вы видели рожу в кустах? Или мне показалось? — Принц поперхнулся.

— Да ну вас, — отмахнулся Кудрявый, — всякое привидится с перегрева!

— Может... Но рожа, скажу, была. Как из комикса про супермена.

— Это который у вас в сортире лежит? — оживился Кудрявый.

— Точно. У этой лесной рожи такой же квадратный подбородок до колен. Мерзость.

— Это вы от зависти. — Кудрявый широко и добродушно улыбнулся.

Принца перекосило на пол-лица:

— Чего мне завидовать этой роже?

— Будь у вас такой волевой подбородок, вы бы не гонялись за паршивой «девяткой». Нет, не такой замечательной, как та, в которой едем мы, а за той, которая впереди. Так вот, будь у вас такой подбородок, как в картинке из комиксов, вы бы не гонялись по лесным дорогам за какой-то паршивой «девяткой». Вы бы в кино снимались...

Принц закусил губу с такой силой, что она побелела. Ему очень хотелось взвыть, но позволить подчиненным видеть досадливо воющего шефа он не имел права, исходя из педагогической этики.

* * *

*До взрыва осталось
17 часов 50 минут 00 секунд.*

— Иннокентий Валерианович, — Саша поерзал на сиденье, — раз уж мы все равно не спешим, может, выпустите меня?

— У тебя что, свидание? — усмехнулся шеф.

— У меня нужда.

— А потерпеть? — Ему нравилось издеваться над Косолапых.

Тот скривился и пропищал:

— Да нету же никакой мочи. Я с утра бегаю как ошпаренный. Не отливал часов пять уже!

— Эта информация лишняя для моих ушей. Ладно, останови, — приказал шеф водителю.

— Так почти приехали, — отозвался тот.

— Куда? — взвыл Саша.

— Как куда? В Иванцы. Минут через пять будем на рыночной площади.

— И что, ты мне там прикажешь отливать?! Прямо посреди площади? — разозлился Косолапых.

— Н-да... — задумался Иннокентий Валерьянович. — Это, пожалуй, будет не слишком-то эстетично. Эдакий писающий мальчик. Иванцы, поди, не Копенгаген, не поймут местные жители.

— Остановите, умоляю! — заскулил Саша и согнулся пополам.

Машина затормозила посреди дороги. Шины еще катили по земле, когда дверца резко распахнулась, из нее вывалился Косолапых и опрометью бросился в ближайшие кусты.

* * *

— Чулком теперь никого не удивишь. Даже если на голову его нацепить, — тоскливо заметил Шпунтик и рубанул рукой по ближайшей ветке, свисающей на тропинку.

— Да, не те времена пошли. Раньше бабе скажи «ограбление», так она родит на месте. А теперь вот за бутылку хватается, — согласился Винтик, тащась следом за приятелем.

— Нормальная баба, может, и сейчас бы родила. Так мы ж не про нормальную говорим, а про Людку.

— Не-е, время другое. Люди как звери. Друг на дружку кидаются. Закон джунглей, мать его!

— Тут, конечно, с одним чулком на башке жизнь

не наладишь. Вот если бы оружие... Посмотрел бы я на Людку! Раздобыть бы ножик повнушительнее, поплясала бы тогда, стерва.

— К Людке лучше с топором ходить, как на кабана, — зло ухмыльнулся Винтик и сплюнул в кусты.

— Ты слышал? — Шпунтик замер.

Винтик тоже остановился.

— Слышал? — повторил Шпунтик.

— Чего?

— Кто-то ругнулся в кустах.

— Может, кукушка?

— Где ты видел кукушку, матюгающуюся человеческим голосом?

— Ну... считать-то она умеет. Может быть, и матюгается, если припрет, — предположил Винтик.

— Она не считает, а кукует. Это не одно и то же.

— Все равно, тебе почудилось. Это с недопоя. Нам бы где водки достать... — Винтик еще раз сплюнул, теперь уже на тропку, и приятели пошагали дальше.

* * *

Агент 0014 вытер лицо и еще раз с чувством ругнулся. Надо же было этому пьянчуге плюнуть именно в его куст. Не повезло. Но, сидя в засаде, он и не такие испытания привык переносить с положенными суперагенту мужеством и хладнокровием.

Вот прошлый год, например, пришлось скрываться в цистерне. Написано было «Свежая рыба». Кто же знал, что все хозяйства теперь перепутались и в машинах со старой надписью «Свежая

рыба» вывозят на поля обыкновенные органические удобрения, попросту говоря — жидкий навоз. Нырнул, спасся от преследователей, и ничего. Вышел потом, отмылся. Правда, месяц ему никто руки не подавал, и девицы нос воротили, уж больно воняло. Ну ничего, потом все нормализовалось. Так что плевок в рожу — это для военного человека сущая ерунда.

* * *

*До взрыва осталось
17 часов 39 минут 23 секунды.*

— И чего ты пошел по этой тропке, — ворчал позади Винтик, — петляет так, что у меня ноги одна за другую цепляются.

— Я думал, так короче выйдет, — отозвался Шпунтик.

— По дороге можно пройти, разница небольшая. А то злой я, так еще и ноги заплетаются. И ведь что обидно: заплетались бы оттого, что напился, а они на трезвую голову.

— Ладно, пойдем к дороге.

Они разом повернули и начали пробираться сквозь кустарник.

— А может быть, самим самогон гнать? — пыхтя, предложил Винтик.

— А ты умеешь?

— Нет.

— Тут штука хитрая — самогон гнать. Целая наука, — с уважением ответил Шпунтик.

— А бражку?

На этом судьбоносном вопросе оба замерли. Метрах в десяти от них стоял мужик. По характерной позе и разносившемуся по лесу сильному журчанию не оставалось сомнений в роде занятия этого человека. Шпунтик прижал палец к губам и на полусогнутых, чтобы не создавать лишнего шума, поскользился в направлении к объекту. Винтик последовал его примеру. С величайшей осторожностью, впрочем, совершенно напрасной, поскольку мужик был поглощен своим делом настолько, что, наверное, забыл, как его зовут, оба подкрались к нему. В следующее мгновение Шпунтик кинулся жертве на спину и обхватил его плечи руками, начисто лишив возможности сопротивляться. Мужик было рыпнулся, но бесполезно. Шпунтик сжал его в железные тиски.

— Водка есть? — Винтик заглянул в выпученные глаза незнакомца.

— Ты что — охренел?! — прохрипел тот.

Винтик пихнул его кулаком под дых, чтобы направить мозговую деятельность в нужном направлении. После того как дыхание мужика выровнялось, он спросил:

— А чо есть?

— Я те сейчас дам, чо есть! — возмутился тот и снова попытался высвободиться. Но Шпунтик свое дело знал.

— Деньги там, курево? — Винтик простимулировал его к диалогу шлепком по лбу.

— Ты у меня получишь, поганец! — мужественно ответила ему жертва нападения.

— Ну, чего ты его расспрашиваешь! — потерял терпение Шпунтик. — Обшарь карманы, и пойдем.

— Нужно же поговорить с человеком, — невозмутимо отвечал ему приятель, — а то ни здравствуйте, ни до свидания. Так ведь и говорить скоро разучимся.

— Ты у меня дышать скоро разучишься, недоносок! — пообещал плененный мужик.

— Ну, конечно! — Винтик хохотнул и снова обидно шлепнул его пятерней по лбу.

После этого оскорбительного акта он бесцеремонно ощупал его карманы. Это дало ценные результаты. Винтик достал толстый кожаный бумажник. Когда раскрыл, присвистнул:

— Ни фига себе! Как же тебя, приятель, с такой пачкой баксов в наши леса занесло? Мог бы в платном туалете пописать.

— Тебя не спросил, — огрызнулся мужик.

За это он снова получил пятерней по лбу и яростно заскрежетал зубами.

— Ух ты! — продолжая подробное ощупывание, Винтик округлил глаза. — Вот это подфартило!

Он повертел в руке пистолет. Вечернее солнце пробилось сквозь листву и полоснуло по белому дулу оранжевой вспышкой.

— Чтoб я сдох! — восхищенно выдохнул Шпунтик.

— Непременно сдохнешь, — пообещал ему мужик.

И тут же получил коленом чуть пониже спины.

— Снимай с него рубашку, — строго приказал Шпунтик приятелю.

— Сам снимет, — ухмыльнулся тот и, наставив дуло пистолета на мужика, процедил: — Раздевайся.

Шпунтик решил не мешать и отступил в сторону.

— Вы чего, мужики! — растерянno пробубнила жертва, косясь на пистолет.

— Для кого-то мы, может быть, и мужики, а для тебя сейчас боги. Раздевайся. — Винтик был неумолим.

— Слушайте, — потеряв остатки достоинства, взмолился бывший обладатель бумажника и оружия, — взяли свое, и разойдемся по-хорошему.

— У нас разные понятия, что такое хорошо и что такое плохо. — Винтик хохотнул. — Для тебя, конечно, хорошо уйти отсюда в штанах. Ну, а нам хорошо увидеть твою голую задницу.

— Да ладно вам, — примирительно проскулила жертва, — задница как задница, чего на нее смотреть. Задниц, что ли, не видели?

— Все люди разные, — философски заметил Винтик. — Раздевайся.

— Лучше пристрелите меня. — Мужик встал в позу и гордо распрямил плечи. — Я перед двумя уродами раздеваться не стану.

— Это мы пожалуйста. — Винтик тряхнул рукой и спустил предохранитель.

Мужик икнул.

— Ну? Будешь раздеваться? — спросил его Шпунтик.

— Ладно, вижу, вы ребята серьезные, — он вздохнул и расстегнул рубашку.

— Давай, давай, не томи.

Когда одежда осталась на траве, все трое перевели дух.

— И чего с ним делать? — спросил Винтик. Его фантазии на дальнейшее устройство развлечения не хватало.

— Да черт с ним, — махнул рукой Шпунтик.

Он подобрал тряпье с ботинками и пошел назад к тропинке.

Винтик подмигнул мужику, лицо которого из бледного моментально стало пунцовым, и кинулся догонять приятеля.

* * *

— Интересно... И сколько же можно гадить? — задумчиво изрек Иннокентий Валерианович и потыкал тонким пальцем в собственную переносицу. Он всегда так делал, когда злился.

— Ничего тут нет интересного, — меланхолично ответил ему шофер, хотя шеф его и не спрашивал. — Листья да ветки, вот и все. Чего тут интересного? А я вот вчера в бар один зашел, так там девочки у шеста крутились. Представляете, трое на одном шесте повисли. Одежды на них — одни трусики. И ни разу друг дружку своими голыми ляжками не задели. А как вертелись, аж воздух в спираль закручивался! Вот что интересно...

— Тебе бы только на голых баб пялиться. Тоже

мне, нашел развлечение, — фыркнул Иннокентий Валерианович.

— Бабы что, — отмахнулся шофер, — дело не в бабах, а в искусстве. Вот поди ж, так вертеться — и ни разу друг друга задницей не пихнуть! — Он мечтательно закатил глаза, видимо, припоминая каждую деталь увиденного шоу.

— Тоже мне, любитель сложных трюков. Ты в цирк сходи.

— Можно и в цирк, — с неожиданной горячностью поддакнул шофер. Потом пожевал губами и отрицательно мотнул головой: — Только те девки любую циркачку переплюнут.

— Да брось ты, ради бога! — Иннокентий Валерианович с силой ткнул себя пальцем в переносицу, словно хотел поставить точку в конце пустого спора, и тут же болезненно поморщился. — Я знал одну гимнастку, с обручами работала. Так она по двадцать штук на своем теле крутила. Твоим стриптизеркам и не снились такие трюки.

— И что с того? — запальчиво возразил шофер. — Может, какая Марья Ивановна на валяльном предприятии двойной план за смену выжимает. Девочки из бара вряд ли и половину ее производительности дадут. Чего сравнивать божий дар с яичницей. То мастерство, а это искусство, — закончил он восхищенно. Причем переполнявшие его высокие чувства отнюдь не распространялись на валяльщицу Марию Ивановну.

— Значит, цирк для тебя мастерство, а стриптиз — искусство? — хохотнул Иннокентий Вале-

рианович, явно обидевшись за всех циркачей. — Ну ты загнул!

— Я мужик, а не пацан. Конечно, для меня стриптиз поважнее цирка будет. Не знаю, раньше было наоборот, но теперь...

Шеф сжал переносицу двумя пальцами, поняв, что попал в логическую ловушку. Еще чего доброго, собственный шофер обзовет его мальчишкой за неуместное восхищение не тем, чем нужно восхищаться приличному мужику. Он открыл окошко и в бессильной ярости плюнул на пыльную дорогу.

— А вы правы, это уже становится интересным. Сколько же можно гадить? — задался шофер тем же, что и шеф, вопросом и пожал плечами, так и не найдя объяснений чересчур долгому отсутствию Саши Косолапых.

В этот момент придорожные кусты осторожно раздвинулись. Из-за листвы на Иннокентия Валериановича глянули грустные глаза самого Саши. От неожиданности шеф поперхнулся и застыл, так и не осуществив своего намерения плюнуть на дорогу во второй раз.

— О! — Шофер развел руками, заметив Косолапых. — Чего это ты так долго?

— Дай чего-нибудь, — тихо проскулил тот.

— В смысле? Бумаги, что ли?

— Иди ты к этой матери! — Саша моментально побагровел. — Дай, говорю, куртку.

— Знаешь что! Скотиной ты был, скотиной и помрешь! — возмутился шофер. — Где это видано, чтобы курткой задницу подтирали. Я свою куртку даже для задницы Иннокентия Валериановича не

пожертвую! Даром, что начальство. Любого человека уважать нужно. А тем более того, который с тобой в одной сцепке!

Закончив экспрессивную тираду, шофер многозначительно отвернулся.

— Ну, чего ты сидишь в кустах?! — Шеф вцепился строгим взглядом в пунцовую физиономию подчиненного. — Мы же пропустим машину. И так уже черт знает сколько времени в этой глуши торчим. Быстро вылезай.

— Не могу я... — Саша всхлипнул.

— Ты что, в капкан попал?

Косолапых отрицательно мотнул головой и сглотнул подступивший ком.

— Вылазь из кустов, тебе говорят! — повысил голос Иннокентий Валерианович.

— Да не могу я! — перешел на шепот несчастный Саша.

— Почему — не могу, мать твою! Говорят ему — опаздываем, а он в кустах сидит. Вылезай!

— Нет! — с шепота Косолапых сорвался на фальцет.

— Совсем сбрендил! — ворчливо констатировал шофер. — Дурку косит. Сейчас слюной начнет поливать.

— Саша, друг мой, — лилейно позвал шеф, — хватит играть. Иди к нам, дорогой.

Лицо Саши искривилось в жалобной гримасе. Шофер понимающе хмыкнул: мол, а что я говорил!

— Давай, давай, потихонечку, — подбодрил Иннокентий Валерианович.

Повинуясь ласковым уговорам, Саша вылез из кустов, представ перед изумленными коллегами в том виде, в каком Адам когда-то покори́л сердце Евы. Причинное место он целомудренно прикрыл лопухом.

— Н-да... — после долгой паузы выдавил из себя шеф. — Видимо, мы что-то пропустили.

— Такое бывает, — со знанием дела молвил шофер. — Тихий-тихий, а потом в лес зайдет, догола разденется и ну по соснам скакать. Перво-бытный синдром называется. Лечат сильными транквилизаторами в изолированных интернатах. Мне телка одна рассказывала. Она в таком сестрой работала. Не поверите, чего эти шизики вытворяют. Скрутят из простыней веревки, к люстре подвешат и раскачиваются на них, как обезьяны. Словом, жуть...

— Заткнись! — рявкнул шеф и снова обратился к Саше: — Долго будешь кукушек смущать? А ну в машину!

Окрик возымел действие. Косолапых подпрыгнул, тенью метнулся в автомобиль, успев в полете гневно проорать:

— Найду и пристрелю сволочей!

С этим машина и рванула по дороге, унося за собой облачко коричневой пыли.

* * *

— Джеф! Джеф! Дже-е-еф! — истошно скандировали тонконогие девицы в коротких юбчонках.

Репер болезненно поморщился. Бремя славы сейчас казалось ему тяжелым как никогда. Мокрый, дрожащий, он тащился к вагончику сквозь строй истеричных почитательниц, едва сдерживаемых парой десятков охранников. Объемная одежда, которая и в сухом-то виде затрудняла движения молодой звезды, в мокром состоянии прижала его к земле, заставив ощутить притяжение родной планеты в полной мере. Кроме всего прочего, у Джефа начался совсем уж малодушный насморк, которым страдали хлюпики-очкарики и который для крутого пацана, хрипящего со сцены речитативы, сотрясающие сердца и мозги миллионов поклонников, был оскорбительнее, чем надпись «Слабак!» на лбу. Репер попытался взять себя в руки, даже брови свел к переносице, но предательская судорога, проскочившая электрическим разрядом по всему телу, свела на нет все его старания. Он все-таки хлюпнул носом.

И тут случилось страшное. Ужасное недоразумение, о котором несчастный Джеф будет вспоминать еще очень долго, а может быть, не забудет до самой старости. Тяжелый башмак круглым носком зацепился за подло возникшую на пути кочку. Репер запнулся и спикировал лицом в ближайшую лужицу. Стоявший к нему спиной и сдерживающий толпу статисток охранник дернулся, развернулся и подал руку «звезде» в намерении помочь подняться. Одна из особо вертких поклон-

ниц, почуяв брешь в обороне, метнулась к своему кумиру. С визгом и первобытным гиканьем, напомним всем находившимся в округе мужчинам о давних временах матриархата, когда женщины не только правили миром, но и успешно охотились, девичий полк ринулся к Джефу, сметающая на пути охрану. Образовалась свалка.

Продюсер Боря сначала схватился за голову, потом охнул и истошно завопил: «Стоять! Стоять!» Его крик потонул в потоке женской радости. Коридора, мужественно организованного охранниками, по которому и шел репер, теперь не было. Была куча тел пищащих, извивающихся, хаотично подминающихся друг под друга. Среди них, как в бурлящем море, копошились охранники. Их жалкие попытки раскидать девчонок в разные стороны пока не приносили результатов. Наоборот, многие пали под женские тонкие, с крупными выпирающими коленками ноги.

— Ой, бли-ин! — заскулил Боря, понимая, что уже ничем не может помочь своему подопечному.

То же самое проскулил и Джеф, когда первая истеричка в горячем порыве шмякнулась на него. А потом он понял, что ждать спасения бессмысленно. Если он сам себя не спасет, то погибнет — нелепо, в расцвете лет и творческих сил. Пользуясь неразберихой, творящейся наверху, он пополз к вагончику, активно работая руками и ногами. Воздуха не хватало, стало жарко, и, к своему великому удовольствию, репер наконец согрелся. Он полз и полз, разгребая чьи-то ноги и руки, стараясь не отвлекаться на дикие завывания над головой.

Он уже потерял надежду на исход своего нелегкого путешествия, он устал, почти ничего не слышал. И вдруг в конце живого тоннеля мелькнуло синее манящее небо. Джеф заработал руками активнее, оттолкнулся ногами от земли и лягушкой прыгнул в просвет. Очутившись на свободе, он затравленно оглянулся. За спиной осталась страшная картина свалки из извивающихся тел поклонниц. Из общего боевого клича все чаще вырывались визгливые нотки поверженных и ушибленных.

— Джеф! — обрадованно завопил продюсер, узрев репера живым и невредимым.

Вот этого окрика Джеф испугался больше всего. Он с не свойственной крутым парням резвостью подскочил с корточек и совсем по-мальчишечьи ринулся в ближайший пролесок.

«Отсижусь в кустах, пока все утихомирится», — думал он на бегу, уже не ругая себя за малодушие.

* * *

*До взрыва осталось
16 часов 05 минут 52 секунды.*

— Ну, все. Приехали! — прошипела Лина и повернула ключ зажигания. Мотор «девятки» послушно затих.

— И так понятно, что приехали, — зло усмехнулась Алиса. — Мы по самые уши в кювете. Вот уж приехали, так приехали. Надолго.

Она, конечно, преувеличивала из вредности. Автомобиль сначала подбросило на кочке, а по-

том лихо метнуло в кусты. Там он и осел, упав передними колесами в придорожную яму.

— Если бы ты не ныла мне на ухо и не пихала меня своей толстой задницей, я бы удержала машину. — Лина резко распахнула дверцу и вывалилась на воздух. — Ай! Черт! Тут крапивы полно!

— Что? Ошпарила свою матросскую попку? Теперь волдыри вскочат, — сочувственно заметила Алиса и вдобавок покачала головой: — И так-то посмотреть не на что, а еще и в волдырях... Не повезло.

— Заткнись! — Лина большими прыжками выскочила на дорогу. — Можешь не радоваться, у меня джинсы. А в самую крапиву все равно тебе лезть.

— Это еще почему? — возмутилась сестра.

— Потому что машину нужно выталкивать из куста. А я буду за рулем. К тому же масса твоего тела много больше моей вместе с машиной, так что тебе легче.

— Ну, конечно! Раскатала губы! — на сей раз Алиса не нашлась с ответом.

Ей оставалось лишь злиться, потому что, даже откинув обидную вторую причину, названную Линой и больше похожую на оскорбление, она понимала, что первая весьма существенная. Машину нужно вытаскивать из ямы, при этом кто-то должен рулить, а кто-то толкать. Рулить она не умела, выходило, что лезть в кусты, густо заросшие крапивой, придется именно ей.

Она нехотя открыла дверцу, спрыгнула на землю, скривилась, почувствовав, как острые иголки

жадно впиваются в голые руки и лодыжки. Попутно прокляла себя за то, что столь легкомысленно пустилась в трудное путешествие в коротких и легких бриджах. Блеснуть хотела, дурочка. Обрадовалась, что сбросила пару килограммов, сразу бриджики обтягивающие натянула. А могла бы не выпендриваться, надеть, как Лина, джинсы. Ну и пусть бы толстили! Какая теперь разница, в кустах-то?!

— Слушай, уже темнеет. — Лина закинула голову, вглядываясь в сереющее без солнца небо. — Может быть, пора тело закопать?

Алиса моментально забыла о крапиве. Ее мелко затрясло.

— М-может, еще п-проедем п-пару кил-лом-метров? — выстукивая зубами каждое слово, пролепетала она.

— В ближайший час мы вообще никуда не поедем, а там совсем ночь наступит. Что тогда? — веско заметила Лина.

Алису затрясло еще сильнее. Она обхватила плечи руками:

— Х-холодно что-то...

— Сейчас и согреемся заодно. — Алиса решительно двинулась к багажнику.

— Да что ты, железная, что ли?! — завывая на гласных, вскрикнула более нежная сестра.

Лина остановилась, посмотрела на нее в упор и тихо, но внятно ответила:

— Я не железная, я ответственная. Терпеть не могу оставлять на завтра то, что нужно сделать сегодня.

— Правильно, ты у нас отличница, — Алиса вознамерилась разреветься, — ты у нас красный диплом получишь.

— Ага... или пятнадцать лет в колонии строгого режима, — проворчала сестра, открывая багажник, — ...если нас тут кто-нибудь застукает.

— Фу... — Алиса заглянула под крышку.

— Перестань, ради бога! — взмолилась Лина, на глазах которой выступили настоящие, а не показные слезы.

— Как ты думаешь, это наш Бычок? — Алиса двумя пальцами откинула край покрывала, в которое было завернуто тело.

— У него зеленый свитер... — задумчиво проговорила сестра и всхлипнула: — Но как он очутился в моем багажнике?

— Он же говорил, помнишь, что у него дело возле той треклятой стекляшки. Он собирался его закончить и поехать с нами. Он же курьер, должен был доставить что-то на фирму.

— Может быть, он не знал, как опасно его дело. И его, наверное, убили, как ненужного свидетеля. — Лина опять всхлипнула.

— Точно, я такое как раз недавно по телику смотрела. Кино про наркомафию. Там нанимали пацанов, чтобы они доставляли товар в офис. А пацаны и знать не знали, что они везут. Вот один решил поинтересоваться, и его тут же пристрелили. Жуть какая-то! Я думала, такое только в кино бывает.

— Чушь. Такого в жизни действительно не бывает. Это фантазии режиссера.

— А это что? Тоже фантазии режиссера? — Алиса обеими руками ткнула внутрь багажника.

— Ты еще про тень в своей спальне вспомни, — проворчала Лина.

— И что? И что?! — возмутилась Алиса.

— А то! Тебе мужики даже в пустой комнате мерещатся!

— Я бы очень хотела, чтобы мертвый мужик в твоей машине был всего лишь моим миражом! — Алиса погрузилась.

Лина вздохнула и, наконец, согласилась:

— Я тоже.

— Слушай, а что у него за чемодан на груди? — Сестра показала на большой кейс из матово поблескивающего металла, лежащий на груди покойника.

— Хочешь проверить? — ехидно поинтересовалась Лина.

— Все равно вытаскивать... — Алиса потянулась к кейсу.

В этот момент кусты распахнулись, и из них на дорогу кубарем выкатился огромный ком мокрой одежды.

Сестры разом вздрогнули и застыли.

Ком вытянулся и превратился в дрожащего от страха и усталости Джефа.

— Кто это? — Лина округлила глаза.

— А это твои пятнадцать лет в колонии строгого режима. — Алиса молниеносным движением захлопнула багажник.

— Вы кто?! — хрипло спросил Джеф, тоже опасливо косясь на девушек.

— Лесные нимфы. — Лина оправилась от первого шока. Она очень надеялась на то, что парень не успел заметить страшное содержимое багажника и трясется по какой-то иной, одному ему известной причине.

— Значит, вы не из массовки? — Кажется, у него отлегло от сердца. Он даже порозовел.

Сестры переглянулись. Где-то вдалеке обозначился быстро нарастающий шквал женского писка.

— Куда едете? — Парень снова побелел и порывисто оглянулся на зеленые заросли, откуда только что появился.

— Мы никуда не едем, — Алиса усмехнулась. — Мы не можем.

— Почему?! — В его голосе слышалось отчаяние.

— Потому что застряли, — объяснила Лина.

— Тогда можно, я у вас в багажнике какое-то время полежу? — Он решительно двинулся к машине.

— Нет! — в один голос взревели сестры.

— Один лежит уж... — начала было Алиса, но Лина ее перебила, сорвавшись на крик:

— Он не открывается!

— Вы его только что захлопнули, — обиженно заявил парень.

— Знал бы ты, сколько нам усилий пришлось потратить, чтобы его открыть. — Лина почти не соврала, если учесть, что они забрались в самую глушь Подмосковья, чтобы свершить это действие.

— А может, все-таки попробуем уехать? А то ведь растопчут. — Джеф еще раз оглянулся на лес.

В глазах его блестела тревога, которая тут же передалась девушкам.

— Ну, если только вытолкаем... — Лина кивнула на передние колеса «девятки», сидящие в кустах по самый бампер.

— Это мы быстро. — Джеф подскочил к машине. — Ну?!

Сестры последовали его примеру. Все дружно подхватили автомобиль.

— Раз-два, — корчась от натуги, скомандовал единственный мужчина, — раз-два, взяли! Е-еще взяли!

— Тебе бы полком командовать, Гайдар хренов! — выругалась Алиса, явно намекая на малолетний возраст Джефа.

Но тому сейчас было плевать на ехидные замечания. Эти сопливые дурехи понятия не имели, каково спасать собственную жизнь, корчась под сотней тел обезумевших поклонниц. Повторения мерзкой бойни Джеф испытывать не желал. А куча визжащих, одуревших от погони девиц стремительно приближалась. Поэтому он решил не обращать внимания на оскорбительные слова белобрысой девчонки, которая может помочь ему выбраться живым из треклятого леса. И пускай потом Борис ругается, что он сбежал со съемок. Нужно было лучше своих дуболомов-охранников обучать, как беречь «звезду».

— И-и раз, два! Пошла, пошла, родимая! — вне себя от радости заорал Джеф, когда машина медленно покатила задними колесами по дороге.

Через пять минут «девятка», взревев отдохнувшим мотором, понеслась прочь. А еще спустя минуту, ломая кусты и вминая в землю длинные стебли крапивы, дорогу перелопатил ураган тонконогих девиц. С криком и истеричным гиканьем толпа понеслась дальше. Ее направление можно было угадать по качающимся кронам деревьев. За толпой брела съемочная группа во главе с режиссером, за ними охранники. Завершал процессию отупевший от раскаяния продюсер Борис. Он трусил, спотыкаясь и падая, сочиняя на ходу невнятные оправдания, которыми придется умасливать отца Джефа, когда тот узнает, как прошли съемки.

Когда шум затих в глубине леса, на дорогу, цепляясь за надломленные ветки кустов, выполз изрядно потоптанный агент 0014.

— Ну и работенка! — проскулил он, потирая глубокую царапину, оставленную на щеке шальным каблучком. — А еще говорят, что Чечня — горячая точка!

* * *

Продавщица сельпо Людка по-хозяйски оглядела полки, уставленные всякой дрянью, которую продавала день за днем своим не слишком разборчивым покупателям. Она глубоко вздохнула, ознаменовав тем самым окончание рабочего дня, открыла кассу и, сунув нос в засаленные купюры, разложенные по пластмассовым отсекам, принялась с увлечением подсчитывать, сколько она смо-

жет изъять в собственный карман без ущерба для репутации честного продавца. В столь интимный момент для человека, связавшего свою профессиональную биографию с наличием, дверь магазина открылась. Людка недовольно уставилась на припозднившихся посетителей. Их было двое.

— Водки нет. — Она подозрительно прищурилась.

— И не надо, — буркнул один из вошедших.

Что-то в этих посетителях склонило Людку к мысли, что водку у нее не потребуют. Настроены они были по-деловому. Кроме того, один из них был совсем гол, если не считать глянцевого журнала «Плейбой», которым он как назло прикрывал именно то место, которое обычно более всего интересует женщину в голом мужчине. Людка досадливо поморщилась, бросив взгляд на блондинку с обложки, ослепительная улыбка которой свидетельствовала о том, что ничего, кроме отбеливающей жвачки, она не ест.

— Шмотки есть? — Тот, который был одет в однотонно черные джинсы и футболку, подошел к прилавку и уперся взглядом в Людкину пышную грудь. Женщина моментально вспотела. Мужлан скривил физиономию и перекинул зубочистку из правого угла своих бесформенных губ в левый.

— Вон, — Людка вяло махнула пухлой рукой в угол, где на железной стойке висел жалкий ассортимент сельпо.

— Ну и вонища у тебя, тетка! — процедил нахал с зубочисткой и повернулся к своему голому

спутнику. — Так, Саша, посмотрим, во что мы тут сможем тебя обрядить...

Он подошел к тряпью. Мужик с «Плейбоем» подсеменил к нему.

— А из мужского есть чего-нибудь? — выдохнул он спустя минуту.

— А почему нет? — Людка пожала плечами. — Ищите.

— Да она издевается! — возмутился голый. — Тут одни халаты марки «Большевичка».

— А что ты ожидал увидеть в сельском магазине. Костюм от «Хьго Босс»?

— Нет, но в халат я тоже не обряжусь!

— Можешь ходить с журналом. Тебе идет, — франт с зубочисткой подмигнул приятелю.

Того скосило на все лицо, и он прошипел:

— Знай меру! Я тебе пошучу!

Мужик с зубочисткой хмыкнул и обернулся к Людке:

— Начнем с портков. Портки-то у тебя есть?

— Вам одноцветные или в цветочек? — ухмыльнулась она.

— Покажи и те, и другие, — скомандовал тот, который грыз зубочистку.

В этот момент продавщица смогла оценить ситуацию в полной мере. К ней в магазин в кои-то веки заглянули денежные покупатели. И они готовы купить самый лучший и самый дорогой товар. Они не станут торговаться, не станут выбирать подешевле. Они не такие. От сознания важности момента Людка приосанилась. Кровь прилила к

ее круглому потному лицу. Она величественно склонилась за прилавок, а разогнувшись, широким жестом вывалила кули со шмотками, которые прятала от праздного интереса своих односельчан.

— Вот, — с достоинством проговорила она, возложив пухлую длань на шуршащий полиэтилен, — спортивный костюм и майка марки «Рибок». Это мне Машка приносит. Сама из Турции везла. Товар хороший, заграничный. Наши авторитетные ребята берут.

Мужик с зубочисткой подошел к прилавку, снова бросив хмурый взгляд на источающую знойный жар грудь продавщицы, распаковал и повертел в руках шмотки.

— Слушай, Саша, — ухмыльнулся он, — придется тебе прикинуться братвой с соседнего рынка. Но я бы на твоём месте не выпендривался. Все-таки турецкие штаны лучше, чем «Плейбой».

— Это смотря в какой момент, — улыбнулся тот. Он и не думал выпендриваться. Он обрадовался, свободной рукой схватил обновки и тут же принялся натягивать их на голое тело.

Дверь снова отворилась. И тут Людка позабыла о шикарных покупателях. Сердце в ее груди екнуло и замерло. На пороге стоял мужчина ее мечты: красавец-блондин, богатырь с глазами цвета темного, предвечернего неба. Он оглядел торговый зал, как-то подозрительно покосился на странных покупателей и — о чудо! — остановив взор на Людке, улыбнулся ей широко и открыто. Несчастная зарделась, забыв про то, что для под-

держания жизни в организме следует хоть изредка дышать.

— Сколько стоит это барахло? — Мужик с зубочисткой дернул ее за руку.

— Ага... — пролепетала она, не в силах оторвать жаждущего взгляда от красавца.

— Что — ага?! — возмутился тот, понимая, что более не котируется на рынке женихов.

— У вас есть телефон? — тихим, но решительным голосом, выдающим в нем делового, уверенного в себе человека, поинтересовался красавец.

Людка моргнула, припала грудью к прилавку и вяло кивнула.

— Можно им воспользоваться? — Он сделал шаг в ее сторону.

Людка задрожала всем своим мощным телом. Прилавок тоже затрясся, издавая надсадный скрип.

— Мать! Долго нам тут торчать? Говори, сколько денег нужно? — не вытерпел покупатель с зубочисткой.

Людка не могла оторвать восхищенных глаз от нового посетителя. Все в нем было прекрасно. Даже жуткая кровоточившая царапина во всю щеку — и та его красила.

— Вам нужна медицинская помощь, — пролепетала она, таращась на рану.

— Да нет пока, — отмахнулся он, но во взгляде его мелькнула благодарность.

— Деньги платить или ты даришь? — взревел настойчивый покупатель. В пылу гнева он выплюнул зубочистку в сторону красавца.

Тот не заметил, но Людка оскорбилась:

— Плати две тысячи и выметайся! — рявкнула она, не глядя на нахала.

— Две тысячи?! — громогласно возмутился тот и повернулся к приятелю: — Это же больше двух сотен не стоит даже на рынке.

— Тогда снимайте все и выметайтесь. — Люд-ка хотела побыстрее отделаться от посторонних, чтобы остаться с красавцем наедине. А тот великодушно ждал этого момента.

— Отдай ей сто баксов, — испуганно зашипел мужик с «Плейбоем» в руках и обратился к Люд-ке: — Только я еще прихвачу носки и вон те шлепанцы.

— Да ради бога! — Людка даже не сообразила, что только что обогатилась на сумму, равную ее месячному окладу. Сейчас ей было плевать на деньги. Все ее сознание переполняла любовь.

Она не заметила, как покупатели исчезли. Не отрывая взгляда от прекрасного посетителя, она механически сунула в карман халата стодолларовую купюру.

— Так где телефон? — поинтересовался он.

— Та вона... — Людка взмахнула рукой с плавностью умирающего лебедя. Походило на то, что лебедь умирал от ожирения.

— Автомат? — Красавец подошел к висевшему на стене доисторическому телефону-автомату. — А жетоны есть?

— Та что вы! Он еще на двух копейках работал, — добродушно рассмеялась Людка. — Тока теперь двушек нет, так по нему стукать нужно. Два слабых, один посильнее.

— Жаль... — вздохнул посетитель, и его прекрасные глаза затуманились грустью. — Мне в Москву нужно позвонить. А в Москву отсюда — уже межгород. Как плохо, что мобильный мой растоптали.

— Та чего вы расстраиваетесь. По нему и в межгород можно. Тока наоборот: два сильных, один слабый.

— Быть не может, — удивился красавец.

— У нас все может быть. — Людка выбралась из-за прилавка и, подойдя к аппарату, решительно взяла трубку. — Номер говорите.

— Не могу, — смутившись, ответил он, — давайте я сам.

— Что ж... — Людка бросила взгляд на правую руку красавца. От сердца отлегло — нет кольца, значит, не женат.

Тот подошел к аппарату, искоса глянул на нее, мол, разговор будет конфиденциальный, посторонним не мешало бы удалиться.

Продавщица тут же покраснела и ретировалась назад, к кассе, чтобы не мешать делам своего новоявленного рыцаря.

* * *

*До взрыва осталось
15 часов 42 минуты 36 секунд.*

— Вовремя я в тачку вписался. — Джеф развалился на заднем сиденье и удовлетворенно вздохнул, переходя на реперский басок. — Ломовой

безмазняк. Стая герлов хуже саранчи. Если не сожрут, то потопчут. Клево скипнули, а то найтовал бы уже в райском Стебалково.

— Та-ак, — нахмурилась Лина, — хорошее начало. А теперь все то же самое, но по-русски.

— А я что, на древнекитайском спикировал только что? — обиделся Джеф.

— Это уж тебе виднее, — пожала плечами капризная собеседница.

— Ой, ну что тут непонятного! — Алиса ласково улыбнулась через плечо новому спутнику. — Человек говорит, мол, рад тому, что мы вовремя откатали. А то толпа разъяренных девчонок затоптала бы нас на метр в землю. И ночевали бы мы все уже на небесах, где прикалывались бы над нами всякие жмурики, как над последними неудачниками.

— Спасибо за литературный перевод. — Лина нахмурилась еще больше. — И где это ты подучилась подзаборному фольклору?

— В твоей машине часто звучит реп. Хочешь не хочешь, а всякой пакости наберешься, — парировала сестра.

— В моей машине реп звучит только тогда, когда ты свой поганный диск со своим поганным Джефом в проигрыватель суешь, — гаркнула Лина и покраснела от возмущения.

— Эй-эй! Мочалки! Потише! — выступил с мировой сам Джеф.

— Мочалки?! — Лина резко нажала на педаль тормоза.

Машина замерла на вершине очередной кочки. Повисла нехорошая пауза.

— У-у-у... — тихо протянула Алиса, — ...ты пропал, парень.

— Никого обидеть не хотел, — решил оперативно поправить ситуацию затюканный репер. — Даже клевые герлы, когда скалятся, на мочалок походят. Но раз вы так уж против мочалок, то сорри. Больше не буду.

— Значит, так. — Лина саданула ладонями по рулю. — Мне плевать, на каком языке ты привык болтать. В другом месте и в другое время можешь трендеть хоть на древнекитайском. А здесь, в этой машине, изволь выражаться так, чтобы я твои мысли понимала. И если я услышу от тебя «герла», «стебать» или еще что-нибудь в том же духе, вылетишь отсюда. А ты, — тут она сверкнула глазами в сторону Алисы, — если еще раз сунешь в проигрыватель свою реперскую тухлятину, тоже потопашешь по лесу пешком.

— А труп закапывать одна собираешься? — ехидно хохотнула сестра.

— О трупе мы после поговорим, — хмуро ответила ей Лина, но вдруг закусил губу и застонала.

В машине снова повисла пауза.

— Ни хрена себе... — ошарашенно прошептал Джеф и вжался в спинку сиденья.

Обе девчонки, не сговариваясь, резко повернулись к нему.

— А что я? — Джеф мгновенно побледнел. Он грустно усмехнулся, понимая, что окончательно

растерял остатки самообладания, и признался: — Знаете, в более паршивый расклад я еще никогда не залетал.

* * *

Полчаса Принц и его подчиненные тащились сквозь лес в полном молчании.

— Ну, — наконец не выдержал шеф, — и где «девятка»?

— Которая была впереди? — решил уточнить Кудрявый.

— Нет! Та, в которой мы сидим! — Принц зло сплюнул в раскрытое окошко.

— Где-то в лесу... — Кудрявый для пущей убедительности развел руками по сторонам, указав на густые заросли.

— Пристрелю сейчас, — пообещало начальство.

— Это уже не удивляет, — огрызнулся подчиненный. — А если вы имеете в виду ту «девятку», которую мы ищем, то она тоже где-то в лесу. Без базара.

— Ну, спасибо тебе, успокоил. И где же нам ее искать?

— В лесу...

Принц рассвирепел:

— Лес большой!

— А кто говорил, что будет легко...

Терпение шефа лопнуло. Он садистски надавил ногой на педаль тормоза, словно хотел выместить злобу на машине. Но та тоже лишь посмеялась

над ним, тут же заглохнув посреди дороги. Принц резко развернулся к Кудрявому, смерил его тяжелым взглядом, под которым наглый подчиненный лишь плечами пожал. Более безучастную тупую рожу Принцу еще видеть не доводилось. Даже у Беки физиономия была более осмысленной.

— Ты издеваешься, что ли? — просвистел он, глотая ярость.

— С чего вы взяли? — искренне удивился Кудрявый.

— А ты сам не догадываешься?

— Куда уж мне... — Кудрявый вздохнул.

Принц тоже вздохнул. Дело зашло в тупик. У него больше не было полумиллиона баксов. В его активе находились два подчиненных — тупые и лысые. Перспективы, с ними связанные, как признался себе в эту минуту Принц, сомнительные. С ними не то что деньги пропащие отыскать, с ними и самому до скончания дней своих плутать по лесам Подмосковья. И тут на него снизошло откровение. Он аккуратно положил руки на руль и тихо процедил:

— Вон.

— Как это? — округлил свои узкие глаза Бека.

— Вон пошли! — повторил шеф с тихой, но внушающей животный страх яростью в голосе.

— Не понял... — Кудрявый сглотнул сухой ком.

Принц так резко повернул к нему голову, что у него хрустнуло где-то между вторым и третьим шейным позвонком. Он болезненно поморщился и все-таки нашел в себе силы процедить:

— Вон из моей машины, из моего дела и вообще из моей жизни. Видеть вас обоих не могу. Меня сейчас стошнит от вас.

— Э-э-э... Когда тошнит, лучше выйти на воздух, — осторожно заметил Бека, но все-таки открыл свою дверцу.

— Вон! — отчаянный крик сотряс ближайшие деревья и потонул в густой листве.

* * *

— Почему? Скажи, почему, — недовольно бурчал Винтик, тащась вслед за Шпунтиком, — почему шикарные тряпки, пистолет и бумажник достались тебе? Ведь корячился же я!

— Бумажник и пистолет достались нам обоим и пойдут на развитие нашего нового предприятия, — уведомил его приятель.

— Да, но шмотки-то достались тебе! — не унимался Винтик.

— Посмотри, — Шпунтик ткнул пальцем надорванный воротник, — что хорошего в этом пиджаке?

— Он дорогой, — упрямо заявил Винтик, — вот в чем дело...

— Будет и на твоей улице праздник. — Шпунтик шумно вздохнул и откинул ветку, мешавшую их быстрому продвижению по лесной тропинке.

— Когда? — быстро отреагировал Винтик.

— Скоро...

— Когда?

— Не доставай!

— Нет, ты скажи, когда и я смогу надеть приличное барахло?

— Сказал же, скоро.

Винтик собрал лоб в гармошку, подумал немного и решил зайти с другой стороны:

— Скажи, мы с тобой деловые партнеры?

— Определенно...

— И между деловыми партнерами не должно быть никаких недомолвок. Так или нет?

— Конечно, так! — для пушей убедительности Шпунтик приостановился, повернулся к приятелю и утвердительно кивнул.

— Тогда ты должен раскрыть мне свои карты. Так?

— Ну... что-то в этом роде, хотя я не понимаю, Винт, какого черта?

— Тогда скажи, когда? — Винтик упер руки в бока и глянул на товарища исподлюбья.

— Что — когда? — опешил тот.

— Когда у меня будут такие же стильные шмотки?! — Винтик похлопал Шпунтика по плечу.

— О-о-о! — Тот закатил глаза и, оставив приятеля без ответа, продолжил движение.

— Не понял! — взревел тот.

— Если бы я дал тебе портки того хмыря, ты бы уgomонился?

— На хрен портки! Я про все остальное.

Шпунтик снова притормозил. На этот раз Винтик налетел на него и повис, цепляясь за плечи. В манерах же Шпунтика вдруг обнаружилось вели-

чие, присущее носителю дорогого костюма с галстуком, коим он теперь являлся. Он аккуратно поддел руки друга двумя пальцами, снял их с себя, как мертвые лианы, и глянул на него сверху вниз:

— Послушай... хм... у нас куча бабок и пистолет. Мы горы можем свернуть, а ты мелочишься. Я разрабатываю план, ты же мне только мешаешь своим нытьем.

— Какой план? — зачарованно пролепетал Винтик, от внимания которого не укрылись разительные перемены, происшедшие с другом за последние полчаса.

— Какой, какой... — Шпунтик нахмурился. — Как лучше использовать огнестрельную удачу, которая сама приплыла в наши руки.

— И?

— И! — передразнил он. — Я же не Архимед, чтобы орать «эврика» ни с того ни с сего. Я должен все обмозговать.

— А при чем тут костюм? — неожиданно напомнил ему Винтик. — Почему ты заграбастал себе костюм? И вообще, я уже испытываю по отношению к тебе классовую ненависть! Смотри, ты в пиджаке, при бабках и пистолете, а я все тот же трезвый голодранец. Это несправедливо, мать твою!

— Ну, не мелочись! — Шпунтик поморщился и легонько отпихнул его от себя. — Будет и у тебя костюм.

— Когда? — Разговор явно заиклился.

— Когда, когда... — проворчал Шпунтик, углубляясь в кусты.

Он вдруг замер. Винтик тут же налетел ему на спину.

— Тихо! — Шпунтик толкнул его в бок.

— Что — тихо? — Тот все-таки перешел на шепот. — Человек просто хочет узнать у лучшего друга, когда тот перестанет дурить и поделится с ним результатом...

— Тихо! — повторил Шпунтик, всматриваясь в просвет между ветками.

— Что — тихо? Я просто спросил, когда?!

— Когда? Да хоть сейчас! — Шпунтик нехорошо усмехнулся и кивнул на копошащихся в высоких зарослях крапивы Кудрявого и Беку.

В отличие от недавно пострадавшего Саши Косолапых, эти парни не носили шикарных костюмов, но их джинсы и кроссовки тоже имели вполне недурной вид.

* * *

— Я тебе говорил, что нужно молчать! — ворчал Кудрявый.

— Угу, — сдержанно отвечал ему Бека.

— Я тебе говорил, что никогда нельзя лезть в бутылку?!

— Угу...

— Особенно с нашим нервным шефом!

— Угу...

Кудрявый досадливо рубанул лопатоподобной ладонью по крапиве:

— Чего ты все заладил: угу, угу! Лучше бы ты в машине молчал!

— Угу, — не изменил себе Бека.

— А, что с тобой говорить. Тебя Принц задницей назвал!

— Тебя тоже, — тихо парировал Бека.

— Если бы ты не пришел чужака, мы бы сидели сейчас в шоколаде. — Кудрявый покалечил очередной ствол крапивы.

— А я телку на вечер заказал, — грустно вспомнил Бека.

— Зачем? — злорадно хохотнул товарищ по изгнанию.

— Как это?

— Как это! Что бы ты с ней делал, с телкой-то! В твои грабли, которые ты по недоумию называешь руками, вообще ничего доверить нельзя. Вон тебе Принц труп доверил, и что из этого вышло?! А?! А тут телка! Какая-никакая, а живой человек!

— Дерьмо ты! — после минутного раздумья изрек Бека.

— Ну да, конечно! — фыркнул Кудрявый. — Ты пристрелил постороннего человека, ты сунул его в чужую машину, ты эту машину проморгал, а я дерьмо. Очень логично!

— А кто трепался постоянно, так что шефа чуть не стошнило? — выказал неожиданное красноречие Бека.

— А кто прогнусавил последнее слово, из-за которого мы теперь по уши в крапиве?!

Он вдруг размахнулся и наотмашь врезал Беке по бритому черепу. Тот, охнув, повалился в жестокие заросли, откуда зло прошипел:

— Я тебе сейчас яйца откушу!

— Чего?! — Кудрявый развернулся, презрительно сплюнул и нырнул вслед за ним.

Крапива заходила ходуном, извергая двухголо-сье проклятий.

Этой несанкционированной баталией и воспользовались Винтик со Шпунтиком. Они подо-брались на полусогнутых к дерущимся и застыли над ними, изготовившись напасть. Шпунтик вытянул перед собой руку с пистолетом, нацелив его на более упитанного Кудрявого.

— Эй, братья, — громко взревел Винтик, — покайтесь, и разойдемся с миром.

Возня утихла. Кудрявый и Бека уставились на грабителей в немом изумлении.

— Это что еще за проповедники, мать вашу?! — наконец поинтересовался Кудрявый, опасливо косясь на дуло пистолета.

— Мы из секты борцов за голую веру, — нагло соврал Винтик и подмигнул Беке.

— И что это значит? — Кудрявый хотел было подняться, но Шпунтик предупредительно взвел курок. Желание размяться у Кудрявого улетучилось само собой.

— Это значит, — начал развивать свою мысль Винтик, — что вера должна быть чистой, не оск-

верненной всяким барахлом. Чтобы поверить в вечное блаженство, нужно стать ближе к богу, а потому скинуть с себя одежды. — Тут он смущенно хмыкнул и добавил уже тише: — А заодно отдать нам все свои сбережения.

— Что это еще за гребаная теория? — хищно оскалился Кудрявый. — Никогда не слышал ничего подобного.

Шпунтик дернул рукой с пистолетом, опередив его дальнейшие расспросы.

Малодушный Бека быстро стянул с себя майку и принялся лихорадочно расстегивать «молнию» на джинсах.

— Правильно понял меня, сын мой, — вошел в роль проповедника Винтик, — разденьтесь, и небесное блаженство снизойдет на вас быстрее, чем вы думаете.

— Да пошел ты! — возмутился строптивый Кудрявый. — Где это видано, чтобы сектанты вот так людей за здорово живешь в лесу раздевали. Ну, всякие там Аум Синрике — это я слышал. Там хоть уговаривают, наркотиками одурманивают. Это я еще понимаю. Человек дуреет и деньги несет в общую копилку. А вот так, внаглую, с пистолетом. Вы что, совсем с катушек свинтились, богомольники хреновы!

— Покайся, брат, — Винтик картинно всхлипнул, — тебе же лучше будет.

Бека уже успел стянуть с себя джинсы. В глазах его пылал благоговейный ужас, вызванный красноречивым проповедником.

Шпунтик снова потряс пистолетом в метре от носа Кудрявого.

— Разоблачись! И на тебя снизойдет царствие небесное! — грозно завывал Винтик.

Бека пустил слюни и снял носки. Дрожащей рукой он протянул Винтику свой пистолет.

— Да ты совсем охренел! — заорал на него Кудрявый.

Но Бека, окутанный религиозным дурманом, никогда не чувствовал себя ближе к создателю, нежели теперь. Ни один священник не говорил с ним так, как этот незнакомец. Надо заметить, что священники с ним вообще не говорили, поскольку за всю свою жизнь он зашел лишь в одну церковь, и то затем, чтобы умыкнуть оттуда икону Пресвятой Богородицы. После сего посещения с ним общался отнюдь не священник, а сотрудник ближайшего отделения милиции. Теперь Бека вдруг понял, как доставало ему раньше, в его прошлой никчемной жизни, слова духовного.

— Давай и ты, блаженный грешник, последуй примеру этого мирянина, — обратился Винтик к упирающемуся Кудрявому. — Оголись, ибо сказано, что покровы мешают душе открыться богу. И станут грешные праведниками. И откроется им царствие небесное!

— Ну, ты, блин, загнул! — восхитился Шпунтик, не забывая стращать строптивца пистолетом.

Кудрявый, недобро косясь на кротко внемлющего речам Беку, нехотя стянул с себя майку.

— Сначала оружием поделись, — напомнил ему Шпунтик.

— Тебе ствол или пулю? — прошипел Кудрявый.

— И то и другое, — усмехнулся Шпунтик.

— Покайся! — взревел Винтик, воздев руку с пистолетом Беки к небу. — Покайся!

— Срань господня! — ругнулся Кудрявый и откинул свой пистолет подальше в крапиву.

Спорить с двумя вооруженными придурками он посчитал делом бесперспективным, а потому, лишившись оружия, принялся стягивать с себя штаны.

— Очиститесь, братья! Идите с миром. Не отчаивайтесь! Бог всех простит, бог всех любит! Даже таких, как вы! — громогласно закончил Винтик, после чего резко направил пистолет дулом в лоб Кудрявому.

Шпунтик дернулся и боязливо покосился на приятеля:

— Эй, не перегибай палку!

Лес неожиданно наполнился странным, явно нарастающим завыванием. Бека затрясся всем своим голым телом и с мольбой обратился к потускневшему предвечернему небу.

— Добро пожаловать в рай, очистившийся грешник! — Винтик взвел курок.

— Говорю тебе: остановись! — рывкнул Шпунтик.

— Зачем? — Винтик склонил голову, рассматривая раздувающего, подобно разгневанному бы-

ку, ноздри Кудрявого. — Ему же самое место на небесах. Я этого хочу, он этого хочет, и бог этого хочет.

— Я этого не хочу! — хрипло возмутился Кудрявый.

— А воли бога для тебя недостаточно? — зло прищурился Винтик.

— Я же сказал: брось дурить! — заорал на товарища Шпунтик.

И тут на несчастные жертвы снизошло неожиданное спасение. Из-за деревьев хлынула толпа непонятно откуда взявшихся орущих девиц. Сметая кустарник и заросли крапивы, лавина поглотила в себе и Винтика, и Шпунтика, вмяла в землю голых Беку и Кудрявого, а потом с воем понеслась дальше. Когда шум утих, смятая трава вновь зашевелилась.

— Что это было? — Кудрявый боязливо огляделся по сторонам, ища грабителей с пистолетами. Но они сгнули в толпе девиц.

— Не знаю, — прокряхтел Бека, пытаясь встать на ноги, — может быть, божье благословение?

— Где ты видел такое божье благословение?! И вообще, какого хрена богу понадобилось тебя благословлять!

— Не все, что видимо, — истина! — многозначительно изрек Бека, явно сроднившись с ролью новоявленного праведника. — Это было очищение.

— Не знаю, что это было. — Кудрявый пошарил в крапиве, достал свой пистолет и, оглядев

его со всех сторон, удовлетворенно крикнул. Но мы с тобой теперь не только не при делах, но еще и без штанов. Хорошо, хоть трусы оставили.

Бека брезгливо покосился на приятеля. Он не понимал, как того все еще может занимать материальная ерунда.

— Давай подымайся, богомолец хренов! — командовал Кудрявый, не желая замечать душевное перерождение Беки. — Нужно где-то одежду раздобыть. А потом найдем Принца и бросимся ему в ноги. А то от этой святой жизни у меня уже мурашки по коже.

* * *

*До взрыва осталось
15 часов 04 минуты 47 секунд.*

Джеф хлопнул глазами и судорожно заглотнул воздух. В ушах у него стоял звон. Сквозь этот звон он слышал бурную перебранку двух незнакомых ему девчонок, и с каждым их новым словом тиски холодного ужаса все плотнее сжимали сердце. Оно уже не билось, а лишь слабо трепыхалось где-то у левой лопатки.

— А кто тебя за язык тянул! — кричала темненькая девчонка.

— Потому что ты жуткая зануда! — находя столь странный ответ вполне логичным, шипела та, что со светлыми кудряшками.

Джеф почему-то подумал в эту минуту, что темненькая более подошла бы ему для показательного

романа, именно такой и должна быть девушка молодой «звезды» — тонкая кость, ладное, упругое, как у молодой пантеры, тело, стильная короткая стрижка и полная независимость в черных глазах. Девчонка эта показалась Джефу такой колючей, что он не удивился бы, если бы и в самом деле увидел у нее на голове вместо волос иголки, как у ежа.

«Н-да... — подумал про себя репер, глядя на темненькую, — еще та стерва...»

Она бы точно сгодилась ему в подружки. Его продюсер просто рыдал бы от восторга и такую бы акцию в средствах массовой информации провернул, что скоро в каждой, даже самой убогой подворотне все пацаны и все девчонки знали бы, что у их кумира появилась вполне достойная зазноба.

И все-таки самому реперу больше нравилась вторая — со светлыми кудряшками. Она так трогательно походила на олененка, что Джеф сразу же придумал ей имя Бемби. Еще он с тоской подумал, что судьба-злодейка разлучила их, даже не познакомив. Ну как можно появиться на людях с девушкой, которая совершенно не подходит по имиджу? Она такая нежная, такая ранимая, хоть и кричит сейчас в машине так, что уши закладывает. Все равно Джефу казалось, что если бы речь не шла о каком-то мертвом парне, якобы хранившемся в багажнике «девятки», в которой они все сидели, и если бы тут не было стервозной брюнетки, так напористо наезжавшей на всех и

вся, то белокурая Бемби превратилась бы в трогательное существо. Ее синие глаза подернулись бы мечтательным туманом, а щечки — нежно розовым румянцем.

— И что теперь нам делать? — громко спросила брюнетка, в упор глядя на Бемби.

Та потупилась и грустно вздохнула. А Джеф замер, поняв, что, углубившись в совершенно напрасные мечты, пропустил нечто важное, касавшееся его собственной участи.

— Нет, ты напортачила, ты и решай, — настаивала стервозная брюнетка.

— Эй, девчонки. — Джеф попытался встрять в обсуждение. Вышло вяло и хрипло. Однако вполне результативно, потому что обе обернулись и требовательно уставились на него. Под этими взглядами он окончательно стушевался, а потому промышчал уже нечто совсем невразумительное: — Это... как бы... что-то я не...

Стервозная брюнетка помолчала с минуту, ожидая продолжения. Потом скривилась:

— Н-да. Впечатляющая речь! Ты что, под дождь попал? — Она ткнула пальцем в его мокрую грудь.

— Почему под дождь, — затравленно пролепетал репер, — под брандспойт.

— Только не говори, что ты пожарник. — Темная девица обидно хмыкнула, мол, никакой ты не пожарник, а самое настоящее дерьмо, еще и мокрое.

— Перестань издеваться, — хмуро приструнила ее Бемби. Кровь Джефа слегка потеплела от горячей благодарности.

Ободренный поддержкой, он ответил брюнетке:

— Если в солнечную погоду человек идет по лесу в мокрой одежде, значит, у него за плечами целая история.

Брюнетка склонила голову и, скупно улыбнувшись, заметила:

— Неплохо для трясущегося молокососа. Наверное, у тебя по литературе пятерка, мальчик.

— Перестань на него давить. — Бемби дернула ее за руку. — Пусть он идет своей дорогой.

— Ты хоть понимаешь, куда его ноги приведут после того, как он все узнал? — брюнетка даже задохнулась от возмущения.

— Ну, ты же не предлагаешь его убить? — Бемби пожала плечами и опасно покосилась на Джефа.

Что-то такое сверкнуло в этом взгляде, что наметнуло несчастному реперу о совсем не благоприятном исходе сегодняшнего муторного дня. Судя по всему, сама Бемби вполне допускала, что его — «звезду» молодежной эстрады — можно замочить как нежелательного свидетеля.

— Есть другие предложения? — Брюнетка окинула его еще менее приятным взглядом, от которого все самые пессимистичные предположения становились более чем реальными.

Джефа затошнило. Он не хотел признавать, но это был страх. Животный страх за собственную шкуру.

— Эй, — довольно звонко вскричал он, — хватит дурить! Вы что, не узнаете меня?!

Это был порыв отчаяния. Девчонки разом нахмурились, видимо, прикидывая, с кем сидят в машине. Достойных идей у них не нашлось.

— Надеюсь, ты не воскресший Элвис Пресли? — ехидно поинтересовалась брюнетка.

— Нет, я ныне здравствующий Джеф... Во всяком случае, пока здравствующий... — Он с трудом подавил малодушные рыдания.

— Ой! — Бемби всплеснула руками. — Я не верю!

— А чего не верить, — тускло удивился репер, — я тот самый Джеф, из-за диска которого вы переругались, а я, кажется, вляпался в историю по самые помидоры.

— Много ты знаешь о том, кто куда вляпался, — зло огрызнулась брюнетка, разглядывая его так, словно изучала букашку под лупой.

Джефу стало совсем холодно. Ему показалось, что эта суровая черноволосая тварь сдирает с него кожу, чтобы установить подлинность его личности.

— А что ты делал в лесу? — Синие глаза Бемби восхищенно распахнулись. Нет, в них не было тупого идолопоклонства, какое пылало у тех девиц, что гнали Джефа по лесу. В синих глазах Бемби полыхало удивленное восхищение, искрящееся сознанием собственного достоинства. Во всяком случае, так показалось Джефу.

Взгляд Бемби придал ему чуть-чуть уверенности. Он даже приосанился.

— Клип снимал, — хмуро поведал он.

— В лесу, — брюнетка снова растянула тонкие губы в ухмылке.

— Нужно было в лесу снимать, вот и снимали. Это же работа. — Репер вяло повел плечом, показывая несостоятельность ее недоверия.

— Ну, допустим, ты Джеф, — ехидно процедила черноволосая сучка, — хотя я в этом и сомневаюсь...

— А я нет! — выпалила милашка Бемби, в которую Джеф тут же благодарно влюбился. — Я его узнала.

— Это потому, что у тебя не только большая задница, но и голова пустая, — ругнулась брюнетка.

Джефа переполняли чувства. Ему хотелось задушить язвительную заразу. Даже руки зачесались.

— Ну что же, послушаем обладательницу плоской попки и большой, утяжеленной мозгами головы. — Бемби с надрывной надменностью хмыкнула. Она хотела показаться неуязвимой для грубых шуток спутницы. И все-таки на ее прекрасные глаза навернулись слезы, а щеки стали пунцовыми.

— Мне вообще плевать, кто засел в мою машину. Меня больше интересует, как его замочить!

— Что?! — в один голос взревели Джеф и Бемби.

— Пуль у нас не так много, — невозмутимо продолжала брюнетка, явно размышляя вслух, — а тупым ножом пилить шею... Брр, — она передрнула плечами, — ужасно нудное занятие. Это если я его еще удержу. Впрочем... — Она снова

оценивающе оглядела мгновенно скорчившегося на сиденье Джефа... — Впрочем, если навалиться и связать...

— Ты совсем охренела! — Из его груди вырвался писк. А хотелось кричать. Да так громко, чтобы лопнула треклятая машина, чтобы освободился путь к бегству. Толпа разъяренных поклонниц в эту минуту показалась реперу вполне приятной компанией. Он не прочь был встретиться с ними прямо сейчас. Немедленно!

— В самом деле, — Бемби испуганно икнула, — рехнулась, что ли?!

— Не знаю, как у вас, а у меня нет времени нюни распускать. — Голос брюнетки стал напоминать неприятный звук, какой получается, если с силой тереть наждачную бумагу о железо. — Уже почти стемнело. Еще час, может быть, полтора, и появятся звезды. А мне не хочется ковыряться с покойником до самого рассвета... — Тут она запнулась, покосилась на Джефа и процедила: — С двумя покойниками...

Джеф дернулся к дверце, вцепился в ручку окоченевшими пальцами, лихорадочно задержал ее, пытаясь вырваться на свободу. В какую-то из этих лихих секунд сознание его сжалось в горошину и спряталось где-то в мозжечке. Вся его деятельность теперь подчинилась одному импульсу — бежать. Бежать из этого кошмара.

Пыхтя от натуги, краем уха он слышал их голоса. Черная орала ему: «Сидеть!», беленькая, кажется, пыталась ее урезонить. Черная хватала его

за руки, мешая возиться с дверцей, беленькая лупила спутницу кулачками, всем своим нежным существом желая Джефу долгой и счастливой жизни. Джеф оценил ее порыв. Когда-нибудь он найдет ее. Возможно, ему придется туго, ведь если девушка, даже самая хорошенькая, связалась с такой черной акулой, долго ей на свободе не гулять. Но ничего. Когда-нибудь Джеф отыщет ее в далекой северной колонии строгого режима. Он зайдет к ней в камеру и подарит цветы. Большой букет цветов. Пускай знает, что не все артисты сволочи!

Дверца резко распахнулась. От неожиданности репер вывалился на грунтовую дорогу и замер. В машине не утихал шум женской битвы.

— Идиотка! — истерично заорала черная сволочь. — Дура толстозадая! Он же сбежал!

— И замечательно! — крикнула ей Бемби.

— Черт! Черт-черт-черт! — взвилась брюнетка. — Сто раз черт! Нам его не догнать!

Джеф не стал ее разубеждать. С необыкновенной для человека прямоходящего прытью он помчался в кусты подобно орангутангу.

* * *

— Дура! Дура! — кричала Алиса, молотя кулаками по сестре. — Сумасшедшая!

Лина вяло отражала удары, глядя вслед Джефу.

— Ненормальная идиотка! — Алиса схватила ее за плечи и сильно потрянула.

Голова Лины мотнулась взад-вперед. Она нахмурилась, а потом разразилась хохотом. Алиса испуганно замерла, забыв отцепиться от ее рук. А Лина все хохотала и хохотала. Сначала тихонечко, лишь всхлипывая, потом громче, судорожно глотая воздух и, наконец, истерично, до слез.

— Лина! — Алиса не на шутку испугалась за душевное здоровье сестры. Она отцепилась от нее, потом аккуратно тронула за плечо: — Лина, ты чего?

— Ой! — Та всхлипнула, замолкла, глянула на перекошенное лицо сестры и снова разразилась гомерическим хохотом.

— Лина! Линочка! Ну чего ты?! — Алиса нервно всхлипнула. — Перестань, пожалуйста!

Так продолжалось минут пять, а может быть, и все десять. Лина то затихала на мгновение, то вновь закатывалась в хохоте.

Потом Алисе надоело волноваться. Она отпустила ее и, откинувшись на спинку своего сиденья, зло проворчала:

— Вот еще только сумасшедшей сестрицы не хватает! Я даже до аптечки добраться не могу. Ну надо же додуматься — запихнуть аптечку в багажник! Никто не понимает, как важно хранить лекарства поблизости. Думают, что аптечка на крайний случай. Ну? Крайний случай уже наступил. И где ваша аптечка?!

Пока она ворчала, Лина пришла в себя. Все еще хихикая, она толкнула сестру в бок локтем:

— Здорово же мы его напугали!

— Я бы на тебя посмотрела, если бы кто-нибудь начал обсуждать методы твоего умерщвления, да еще с таким серьезным видом. Я тебя вообще не понимаю. То орешь, что я проговори-лась, то сама угрожаешь глотку перерезать первому встречному! — недовольно пробурчала Алиса.

— Надо же было как-то от него избавиться, раз уж ты так глупо проговори-лась, — пожалала плечами Лина, моментально приняв надменный вид. — Ты же только болтать да кокетничать способна.

— Я и не думала кокетничать, — огрызнулась сестра.

— Ну, конечно! Думаешь, я не видела, как ты пожирала его своими масляными глазками!

— Зато тебе стервой притворятся не нужно было. Потому что ты стерва и есть!

— А ты потаскушка самая настоящая. Только и ищешь, перед кем бы покрутить своей здоровенной задницей! Надо же, даже посреди леса нашла зачуханного малолетку и давай наяривать!

— Между прочим, это был Джеф, если ты еще не поняла. Джеф! Ты только что спугнула Джефа! — Алиса с досады брякнула ладонями о колени. — Поверить не могу!

— Может быть, он и Джеф, а на поверку обыкновенный зачуханный малолетка. Да еще и трус, каких поискать! — Лина фыркнула. — Только такие дурехи, как ты, способны рядом с ним визжать от восторга.

— Ты просто завидуешь, потому что я ему понравилась, а ты нет!

— О да! — Лина брезгливо сморщила нос. — Я

завидую. Я бы полжизни отдала, чтобы прыгнуть в его койку. Но ты опять выхватила у меня пальму первенства. В койку к мокрому, зачуханному, трусливому пацану первой влезешь ты! Только не задави его своим толстым задом.

— Господи, Лина, — Алиса утомленно вздохнула, — ну, почему ты такая зануда!

— По-че-му?! — Та резко развернулась к сестре и сильно толкнула ее в плечо. — Почему?! Да потому, что у нас в машине мертвый Бычок! Потому, что этот твой тщедушный Джеф несется сейчас в ближайшее отделение милиции, чтобы рассказать о самых страшных минутах своей жизни.

— Так ты сама его на это подвигла. Подумаешь, я ляпнула про труп. Могли бы свести все к шутке. — Алиса опять вздохнула. — Даже автограф не успела попросить. Ведь никто не поверит, что я вот так, посреди леса, сидела в одной машине с Джефом.

— Ну почему же! — Лицо Лины сверкнуло злой улыбкой. — В милиции тебе очень даже поверят. Особенно, когда ты предоставишь труп Бычка в качестве доказательства. Можешь не сомневаться, у тебя будет много благодарных слушателей и в следственном отделе, и на суде, и в камере. Лет пятнадцать будешь рассказывать.

— Но ты же сама его напугала! — Алиса удивленно уставилась на сестру. — Я и то на какое-то мгновение поверила, что ты его убить собираешься. Даже несмотря на то, что у нас ведь нет ни ножа, ни пистолета! А я поверила. Могу себе представить, как свято в это Джеф поверил.

— Да уж! Он, наверное, до сих пор бежит, остановиться не может.

— Ни фиги себе конспирация! Сама все рассказала, приукрасила и отпустила. Зачем?

— Затем, что труп при постороннем зарывать неудобно, поняла? Как бы мы от твоего Джефа иначе избавились? Он ведь не собирался вылезать из машины.

— А теперь он все расскажет в милиции.

— Вот поэтому у нас нет времени. — Лина повернула ключ в замке зажигания. Мотор мерно заурчал. — У нас совсем нет времени. Нужно отъехать подальше от этого места и закопать, наконец, нашего несчастного Бычка. В лучшем случае у нас есть час на это. Раньше Джеф не добежит.

— Но он ведь все равно расскажет! — не унималась Алиса.

— И что? — Лина хмыкнула, включила передачу и нажала на педаль газа. — Не будет же доказательств. Скажем, что пошутили. За шутки еще никого не сажали.

* * *

*До взрыва осталось
14 часов 32 минуты 09 секунд.*

Агент 0014 никак не мог справиться с проклятым телефоном. Ведь вот ирония судьбы — он знал абсолютно все про технику. Мог без труда установить любой «жучок», обнаружить и ликвидировать любую скрытую камеру слежения, а до-

потопный аппарат, которым он сто раз пользовался в школьные годы, отказывался функционировать. Краснея и покрываясь холодным потом, агент 0014 выстукивал по железному корпусу полагающуюся по Людкиной инструкции дробь — два сильных удара, один слабый.

Продавщица косилась на него с видимым одобрением. Но агент 0014 знал: скоро женское терпение кончится, и она полезет с советами. А этого ему не хотелось. Во-первых, не положено по служебной инструкции, а во-вторых, агент 0014 терпеть не мог женских советов.

В трубке трещало, завывало и крикало. Иногда прорывались чьи-то голоса. И вот наконец раздались долгожданные гудки. Они показались ему музыкой ангелов.

— Алло! — после пяти сигналов ответил хриплый женский голос.

— 5748, дробь 12, добавочный 0014, — отчеканил агент и затаился в ожидании ответа.

Девушка на коммутаторе должна была соединить его с начальством.

Ждать не пришлось.

— Опять нажрался! — отбросив всяческие инструкции, прокудахтала девушка.

— Гм... — Агент на секунду задумался, потом, обругав про себя качество связи, повторил гораздо громче и как можно более отчетливо: — Пять, семь, сорок восемь! Дробь двенадцать! Добавочный: Ноль! Ноль! Четырнадцать!

— Чего ты там бурчишь в трубку, срань пья-

ная. Я же знаю, что это ты. Где ты шляешься, сволочь? Думаешь, не догадываюсь, кто тебя поит, свинья. Я ей все космы повыдергиваю. А ну марш домой!

Агент глубоко вдохнул и рявкнул в трубку положенный код:

— 5748! Дробь 12! Добавочный 0014!!!

— Я те добавлю, вонючка подзаборная! Я те сейчас добавлю, потаскун! — Девушка завелась надолго.

Агент недоуменно покосился на продавщицу. Та, обложив кассовый аппарат огромной грудью, с невинным видом пересчитывала мелочь. Он пожал плечами и надавил на рычаг. Визгливая девица сменилась обыкновенным гудком. Он набрал номер еще раз и стукнул по правилам: два раза сильно, один раз слабо. Он вложил в эти удары все свое умение аккуратного обращения с техникой, всю любовь к своей службе и всю преданность своей Родине.

После непродолжительных гудков в трубке снова зазвучал женский голос. В отличие от предыдущего, более походившего на крик взбешенного попугая, этот ласкал слух:

— Расслабься... — тихо посоветовал голос.

Агент 0014 послушно расслабился.

— Что ты хочешь, я все готова исполнить для тебя... — прожурчало в ухе.

— Соедини меня...

— О да! — Голос не дал ему назвать код и перешел на задушевный шепот, от которого по телу

агента волной заскользили мурашки. — Я готова. Я расстегиваю свою кофточку. Пуговку за пуговкой. Маленькие перламутровые пуговицы горят в моих теплых пальцах. О-о-о! — отчего-то сладострастно застонала девушка на коммутаторе. — О-о-о! Я сделаю все, как ты захочешь. Только прошу тебя, будь нежен. Я такая неопытная... Моя кожа не знала мужской ласки, она мягкая и шелковистая...

— Гм... простите, — агент 0014 покраснел, — не могли бы вы...

— О да, — снова перебил его шепот, — я все могу. Я никак не могу расстегнуть лифчик. Я жутко стесняюсь. Пальцы меня не слушаются. Но сейчас... сейчас... я справлюсь... О-о-о, какое наслаждение! Моя упругая грудь вырвалась на свободу. Как приятно познать эту свободу кожей. Как ты думаешь, какой у меня размер?

Агент нахмурился, но на всякий случай повторил положенный по инструкции код:

— 5748, дробь 12. Добавочный 0014.

Повисла пауза. Агент облегченно вздохнул, пообещав себе по возвращении наекнуть начальству о нравах коммутатора. В трубке что-то щелкнуло.

— Алло, — воодушевленный удачей, крикнул агент, — 0014-й у аппарата!

— Я здесь... — нежно прошелестело в трубке. — Я никогда не слышала о таком размере. Но если ты так думаешь, если ты оцениваешь мою грудь именно так, что ж, я не против...

— Тыфу ты! — Агент в сердцах швырнул трубку на рычаг.

Продавщица глянула на него и покраснела. Агент 0014, нацепив на измученную неудачами физиономию добродушную улыбку, помахал ей рукой. Та совсем зарделась и кокетливо опустила маленькие глазки долу. После чего принялась суетливо перебирать засаленные купюры. Деньги то и дело валялись на прилавок. Руки отказывались ей подчиняться. А если бы агенту 0014 вздумалось послушать ее сердце, он бросил бы свои тщетные попытки достучаться до начальства и принялся бы названивать на «Скорую», потому что Людкино сердце грозило лопнуть от переполнявших его чувств.

Но он и не подумал приблизиться к аппетитно разложенной на прилавке податливой груди продавщицы. Он отвернулся и снова схватился за телефонную трубку. В глазах его блеснула маниакальная страсть.

Людкино томительное ожидание, наполненное страхами, волнением и еще бог весть какой чепухой, которая обычно теснится в женской душе в преддверии первого свидания, прервали неожиданные посетители. Их было двое. Они тихо вошли, смиренно приблизились к прилавку и застыли в метре от продавщицы, глядя на нее с плохо скрываемой мольбой. Оба они были лысы, оба одинаково подавлены, но самое странное было то, что оба они были голыми. Из всей одежды

на них были лишь трусы. Людка кинула на них злобный взгляд и процедила:

— Магазин закрыт.

— Видишь ли, тетка, — задушевно начал тот, который был покрупнее и, в отличие от второго, принадлежавшего не то к казахской, не то к еще какой степной диаспоре, являл собой типичного славянина, — мы не покупатели.

— А кто? Инкассаторы? — Продавщица недобро усмехнулась.

— И не инкассаторы, — вежливо уведомил ее Кудрявый.

— Ну? — Людка оторвалась от опостылевшего занятия и, покосившись на спину поглощенного телефоном агента, глянула на пришельцев.

— Нам одежда нужна.

— А-а-а, — понимающе протянула она, но закончила твердо: — Магазин закрыт.

— Бог не забудет тебя, — вдруг пискнул Бека, — великий бог видит все.

Спутник явно смутился от таких речей и дернул его за руку, призвав к молчанию.

Людка же изумилась. Потом решила, что с богом не спорят, и если уж ему угодно подкинуть двух голодранцев к дверям ее магазина, то пусть они облачатся в одежды. Тем более что ее свидание наедине откладывается на неопределенный срок. Тут она снова покосилась на спину возлюбленного своего и, утвердившись в своем разочаровании, вяло показала рукой на стойку, у которой совсем недавно ошивался Саша Косолапых.

Мужики ломанулись в указанном направлении.

— Чего это вы расхаживаете в голом виде? — недовольно буркнула она.

Бека, предоставив напарнику ковыряться в женских халатах, развернулся к ней, отвесил глубокий поклон и начал задушевым голосом народного сказителя:

— Волею судеб очутились мы в ваших краях, имея намерения черные и нехорошие. Но снизошла на нас божья благодать...

— За себя говори, придурок, — буркнул Кудрявый, тщетно пытаясь отыскать среди ситцевой продукции фабрики «Большевичка» хоть что-нибудь из мужского ассортимента.

— И познали мы истину, — нараспев вещал Бека, устремив взор к желтому, засиженному мухами потолку, — и открылись нам тайны бытия, и поняли мы, что есть над Землей царствие небесное...

— Придушить бы тебя, блаженного, к такой-то матери! — Кудрявый сплюнул под ноги.

Людка понимающе покачала головой и чувственно вздохнула, подумав, что судьба кидает на плечи иных людей большие испытания, нежели на ее собственные. Сердце ее, покрывшееся коростой страданий, было все-таки доброе.

— И прозрели глаза мои, и очистилась душа моя, — Бека всхлипнул, — и устремился я ввысь разумом своим, чтобы узреть радость...

— Потопали отсюда. — Кудрявый грубо толкнул Беку к выходу.

В огромных лапищах он сжимал нечто цветастое.

— Сначала к кассе подойдите, — начиная волноваться, напомнила Людка.

— И да услышишь ты глаз божий, как услышал его я... — блеял Бека, семена к двери.

— Эй, эй! Оплачивать будете?! — взревела продавщица и дернулась в том же направлении.

Но в руке Кудрявого вдруг оказался пистолет, который он направил на ретивую хранительницу сельповского товара. Людка, уже успевшая довольно проворно для своей комплекции взгромоздиться на прилавок, крикнула и застыла, так и оставшись стоять в двусмысленной позе на коленях.

Заслышав за спиной странный шум и еще более странные возгласы, агент 0014 прервал очередную бесплодную попытку дозвониться до начальства и развернулся лицом к торговому залу. Он сразу же оценил обстановку. Двое у дверей, один с пистолетом. Целится в продавщицу, которая раскорячилась на прилавке. От нее до дула метров семь, не больше. Словом, мишень для новичка. Это если не учитывать, что размер мишени предполагает меткую стрельбу даже для слепого новичка. В общем, задачка плевая. Тот, что с пистолетом, и пикнуть не успеет, как агент 0014 лишит его оружия да и сознания на добрых десять минут. Второй явно не расположен к активным действиям. Скорее всего, обмочится со страху. Агент 0014 присел, изготавившись напасть, но тут

фотографическая память зацепилась за лица грабителей. Он узнал этих двоих и понял, что никакого нападения не будет. Он обязан дать им уйти. Несмотря на то, что эти преступники напугали женщину, ограбили магазин и оскорбили его профессиональное достоинство, позволив себе разбойничать в его присутствии. Но агент должен уметь подавлять эмоции. Он должен отпустить этих нахалов. Он сочтется с ними. Потом. Но не сейчас. Он опустил глаза, чтобы не наткнуться на молящие взгляды продавщицы. Он ей не защитник. Он защищает интересы государства.

Когда Кудрявый выволок все еще причитающего Беку на улицу, агент 0014 все-таки дал волю чувствам. Он закрыл красное от стыда лицо ладонями и уперся лбом в холодную, равнодушную стену.

* * *

Винтик в который раз оглядел присвоенный пистолет и, скорчив недовольную гримасу, прогнусавил:

— У тебя лучше.

— Чем? — Шпунтик уже терял терпение.

— Н-не знаю, — капризничал Винтик, — но у тебя лучше. Блестит ярче...

— Оружие нужно чистить, — наставительно заметил приятель и снова двинулся по лесной дорожке.

— Не тренди! Ты, что ли, чистишь! И вообще,

я работаю, а ты только загребаешь. — Винтик хлопнул себя по груди, обтянутой теперь черной майкой Кудрявого. — На тебе костюм за 5 тысяч баксов, а у меня черт знает что... И вообще, знаешь, как мы с тобой посмотримся? Как босс и «шестерка». Это несправедливо.

— Ну кто же виноват, что костюм подошел мне, а не тебе. Хватит ныть!

— А часы?

— Что — часы? — Шпунтик повертел перед глазами запястье, украшенное Сашиными часами «Ролекс».

— Часы тоже под твой размер? — снова занудил Винтик.

— Прикажешь носиться по лесу за очередным обладателем часов или все-таки сесть и подумать, что нам дальше делать? — вспыхнул Шпунтик.

— Думать можно и завтра. Я бы лично выпил. Давай завалимся к Людке в магазин. Вот повеселимся. Теперь-то она нам не откажет. — Винтик хохотнул, потрясая в воздухе пистолетом Беки.

— Не-ет. — Шпунтик недобро прищурился. — Она уже закрыла магазин. К ней мы как раз придем завтра, в разгар рабочего дня...

— Как же быть? — Винтик растерялся. — Топать до ближайшего ларька часа два, а я устал как собака.

— Н-да... Была бы у нас тачка...

— Было бы хорошо, — грустно согласился с ним Винтик.

* * *

*До взрыва осталось
13 часов 15 минут 36 секунд.*

Лина остановила «девятку» у обочины дороги. Место выглядело тихим. Особенно сейчас, в сумерках. Тени стали густыми и тяжелыми. Ветер шумно вздыхал в листве. Настоящий медвежий угол в ближнем Подмоскovie.

Девчонки нехотя вылезли из машины и боязливо огляделись.

— Нам ведь нужно копать, — дрожащим голосом сказала Алиса.

— Да уж... — сестра кивнула.

— А лопата у тебя есть? Или хотя бы совок?

Лина хмуро глянула на нее и развела руками:

— Я похожа на работника передвижного похоронного бюро?

— Судя по твоей комплекции...

— У меня нет лопаты! — рывкнула сестра, решив пресечь надоевшую перепалку о достоинствах фигуры.

— И задницы у тебя нет, — все-таки продолжила свою мысль вредная Алиса.

— Зато твоей на двоих хватит, — огрызнулась Лина, ненавидя себя за то, что позволила сестрице затеять вечный спор.

Но та неожиданно сменила тему:

— А чем копать?

— Сейчас посмотрим... — Лина обогнула машину и подошла к багажнику.

— Только не открывай, умоляю, — проскулила сестра.

— Предлагаешь закопать Бычка вместе с машиной?

— Мне все равно.

— А мне нет, — отрезала Лина и решительно открыла багажник.

Но стоило ей кинуть взгляд на его содержимое, как силы оставили ее. Она зажмурилась и простонала:

— Я не могу.

Алиса крадучись подобралась к багажнику и заглянула под крышку.

— Почти ничего не видно, — прошептала она.

— А что видно из того, чего «почти не видно»? — пискнула сестра, все еще не открывая глаза.

— Да брось ты! — возмутилась Алиса. — Это же всего-навсего покойник. Чего его бояться?

Лине так не казалось. Ее сотрясала крупная нервная дрожь. Она обхватила плечи руками и, плотно прижав подбородок к груди, похоже, не намеревалась менять этой позы до скончания века. Или, по крайней мере, до утра.

— Послушай, — Алиса легонько толкнула ее в бок, — сама ведь говорила, что Джеф побежит в милицию. И, скорее всего, он уже успел добежать. Нужно спешить.

— Я вот все думаю, — Лина наконец открыла глаза и посмотрела на сестру, — похож этот покойник на Кевина Костнера или нет?

Алиса на это только плечами пожала. Потом,

глядя на озадаченную физиономию Лины, нахмурилась:

— Какая тебе разница?

— Ну... — туманно изрекла та, — может, посмотришь?

— Я не понимаю, чем отличается покойник, похожий на Кевина Костнера, от любого другого. — Алиса порывисто вздохнула. Ей тоже не хотелось заглядывать в багажник. — Покойник — он и в Африке покойник.

— Разве ты не помнишь? Бычок говорил, что похож на Кевина Костнера...

— Да мало ли что он о себе наговорил. Ты же сама смеялась, что себе он кажется Кевином Костнером, а на самом деле может оказаться чмом болотным.

— Тогда давай посмотрим, похож ли он хотя бы на чмо болотное, — принялась настаивать Лина.

— Да зачем?!

— Как зачем?! Что же мы, закопаем человека, так и не посмотрев на него как следует?

— Может быть, еще и сфотографировать, чтобы любоваться потом долгими зимними вечерами. Ты совсем с ума от страха сошла, — возмутилась Алиса.

— И, между прочим, совершенно не стыжусь этого! Я действительно боюсь до обморока. — Лина перешла на истеричный крик: — Я боюсь! А ты нет?!

— Я тоже боюсь, дура ты набитая! — взвизгну-

ла Алиса и всхлипнула. — Я боюсь прикасаться к нему, я боюсь закапывать его, но еще больше я боюсь, что он примется являться ко мне в страшных снах, как все покойники. Знаешь ведь, что рассказывают... Надо нам было отвезти его в милицию. Нашли бы его родственников, похоронили по-человечески, а не так, как зверя какого-то. В лесу, без памятника. Вообще не на кладбище...

Лина к концу прерывистой и хлюпающей речи Алисы уже пустила слезу.

Обе они почувствовали себя несчастными жертвами, загнанными в угол судьбы. Выхода никто не предлагал. Они стояли в этом углу и ревели. Обе они ощущали, что с этой минуты начинается для них иная жизнь: ни на одной вечеринке они не смогут забыться, ни один парень не сможет рассмешить их до слез, и даже любимый сериал «Беверли-Хилз» уже не казался им таким уж замечательным. Дальнейшая жизнь представилась чередой тусклых дней, наполненных сознанием вины перед незнакомым Бычком, и длинных, кошмарных ночей, утыканных иголками страха. Повинуясь порыву, сестры бросились друг к другу, обнялись и огласили лес дуэтом неумных рыданий.

И вдруг в их двухголосые стенания влилось нечто третье. Они не сразу поняли, кто им подвыывает, а когда осознали, было слишком поздно. Их «девятка» удалялась, набирая скорость. А они так и стояли, все еще обнимаясь, тупо глядя на уменьшающиеся красные огоньки габаритов.

* * *

Принц совершенно не представлял, где он. Мимо проплывали незнакомые ему пейзажи: лес сменялся пролеском, который в свою очередь снова превращался в лес. Иногда Принцу казалось, что он ездит по кругу. Он упрямо сворачивал то направо, то налево, он даже вспотел, пытаясь отыскать знакомую трассу, словно не на машине ехал, а брел пешком. Потом он окончательно сбился с пути и разозлился. Сначала он материл тупых подчиненных — Кудрявого и Беку, которые оставили его одного. Потом он клял судьбу за ниспосланные испытания. Потом поминал недобрым словом двух девчонок, которые увезли в багажнике своей машины его полмиллиона баксов (не забыв, разумеется, прибавить пару жестких эпитетов, метко характеризующих образ мышления все тех же Беки и Кудрявого, которые засунули его кейс в чужую «девятку»).

Когда он уже не смог вспомнить ни одного не произнесенного ругательства, душа его наполнилась тихой, пустой печалью, и он признался себе, может быть, впервые в жизни, что виноват сам. Нет, не во всем содеянном за сегодняшний длинный день. Такое он не готов был признать даже на страшном суде. Он виноват, но лишь в том, что столь необдуманно лишил себя подручных. Теперь он чувствовал себя Наполеоном, удрученным поражением при Ватерлоо. Но Наполеон в тот кошмарный для него день, по мнению Принца, такой похожий на его собственный, сегодняшний, хотя бы не блуждал по сумеречным ле-

сам Подмосковья. Он не чувствовал себя полным идиотом от того, что никак не может найти выход из лабиринта дорог. Он устал и готов был простить своих тупоголовых последователей, лишь бы разбавить свое одиночество. Он — лидер. Прирожденный лидер. А такому человеку очень тяжело одному ехать в машине, да еще в неизвестном направлении. Даже наорать не на кого.

Можно представить, как же он обрадовался, когда в просвете между темными стволами деревьев сверкнули жалкие огоньки какого-то поселения. Он совсем по-мальчишески хохотнул и надавил на педаль газа. «Девятка» взревела и, подпрыгивая на дорожных ухабах, понеслась навстречу хилой цивилизации.

* * *

Иннокентий Валерианович вздохнул и в который раз за сегодняшний день подбросил на руке кости. И снова результат выпал малоутешительный — два и пять. Он перевел хмурый взгляд на тихого с момента своего лесного приключения Сашу Косолапых. Парень сидел съезжившись, неотрывно пялясь в боковое окошко машины. За целый час он не произнес ни слова. По лицу его скользили тени пережитого. Он то сдвигал брови, то шевелил бледными губами, а то принимался тяжело сопеть.

Шофер сосредоточенно вел «Лексус» по неровной дороге и тоже молчал. Пауза становилась тягостней с каждой минутой.

— Ты пробовал связаться с курьером? — наконец не выдержал шеф.

— Все время пробую, — скупое ответил Саша.

— И?

— Не отвечает.

— Может быть, он заныкал наш товар и отключил телефон?

— Зачем ему этот товар? — Косолапых, не поворачиваясь, пожал плечами. — Я бы на его месте избавился от него как можно быстрее. Мало ли чего... образец-то опытный. К тому же, когда телефон отключен, нет гудков. А тут гудки есть.

— Может быть, он потерял телефон. — Иннокентий Валерианович раздул хищные ноздри своего аристократического носа. — Или случилось самое страшное?

— Если бы случилось самое страшное, не было бы не только гудков, но и нас с вами.

— Поверить не могу, — с тихой яростью проговорил шеф. — Пять миллионов долларов доверить сопляку. Практически выкинуть на помойку. Саша, ты хоть понимаешь, что раздел меня до нитки?

— Что вы понимаете в раздевании, — скорбно огрызнулся Косолапых, с отвращением оглядывая свои спортивные штаны, столь удачно приобретенные в Людкином магазине.

— О! — неожиданно изумился шофер. — Вы только посмотрите.

На обочине дороги действительно было на что посмотреть.

— А ты говоришь — раздевание, — усмехнулся

Иннокентий Валерианович. — Не те ли это парни, что ехали в машине Принца?

— Во что это они вырядились? — удивился Саша, таращась в окошко.

— Ты не зря говорил, что они порядочные придурки, — сказал шофер, обращаясь к Косолапых. — Чтобы так вырядиться, нужно совсем мозги растерять.

— Или ориентацию сменить, — заметил шеф.

— Да бросьте вы. У них на это ума не хватит, — отмахнулся Косолапых.

— Не нравится мне эта конспирация, — заключил Иннокентий Валерианович и кивнул шоферу: — Прибавь-ка газу. Нужно доехать наконец до этого, как ты там говорил, села Иванцы, что ли?

«Лексус» мягко покотил по направлению к редким огонькам, мерцающим у рыхлого вечернего горизонта, оставив позади две понурые мужские фигуры в женских ситцевых халатах фирмы «Большевичка».

* * *

*До взрыва осталось
13 часов 26 минут 06 секунд.*

— Круто! — ошарашенно выразила общую мысль Лина, когда красные габариты ее машины растаяли в вечернем тумане.

Алиса только моргнула.

— У меня складывается впечатление, что весь

мир ополчился против нас. — Лина подняла голову к небу и в отчаянии крикнула: — Ну, скажи! Какого черта? Чем мы тебе так насолили?!

— Он не ответит, — грустно констатировала сестра.

Лина и не ожидала ответа с небес. Просто хотела выпустить малую толику пара, которым ее распирало изнутри. Сделав пару жадных вздохов, она сжала виски и зажмурилась:

— Подожди, подожди, нужно что-то придумать. Нельзя пускать ситуацию на самотек.

— О чем ты говоришь? — Алиса нервно хохотнула. — Ситуация уже давно движется самотеком. Слушай, у меня есть план.

— Да? — Сестра открыла глаза и смерила ее таким взглядом, от которого у всякого нормального человека не только все планы пропадут, но и самоуважение упадет до нуля.

Но Алиса привыкла к подобным взглядам и просто не обращала на них внимания. А потому спокойно продолжила:

— Нужно бежать в ближайшее отделение милиции и заявить, что у нас угнали машину!

— Так... — Лина села прямо на дорогу и снова глубоко задумалась.

Алиса присела рядом на корточки:

— Чего тут голову ломать. Во всех боевиках так делают. Преступления совершают на угнанной машине.

— И? — Лина подняла на нее больные глаза.

— Труп остался в багажнике, так? — От избыт-

ка чувств Алиса вскочила на ноги и заходила вокруг сестры.

— Ну? — хмуро выдавила та.

— И мы понятия не имеем, как он туда попал, потому что до угона машины никакого труп в багажнике не было. Понятно? — Она просияла.

— А кто угнал машину?

Алиса развела руками:

— В самом деле, кто?

— Вот. — Лина многозначительно покачала головой и тоже поднялась с земли. — А если это твой Джеф?

— Исключено. Не бежал же он за нашей машиной.

— Почему нет? Во всяком случае, никого другого мы уже полдня тут не встречали. Глухое, богом забытое место. Откуда тут люди? С чего вдруг они решили угнать мою машину?

— Может быть, она сама? — В глазах Алисы сверкнул ужас. Наверное, такой же полыхал в глазах первобытных дикарей, когда они на своем примитивном языке обсуждали только что увиденную молнию.

— Ага, — Лина хмыкнула, тут же развеяв мифы, как древние, так и только что сочиненные, — в горку, набирая скорость.

— Тогда я пас, — сдалась Алиса, — идем в милицию.

— Что сделают в милиции, если мы примчимся с выпученными глазами и заявим об угоне «де-

вятки»? — Лина уставилась на нее, уперев руки в бока.

— Понятия не имею, — сестра пожала плечами.

— Объявят план-перехват, недотепа! Далеко угонщики вряд ли уедут, у меня в баке, между прочим, бензин на нуле. Я все искала, где бы заправиться. Это значит, что машину мою очень скоро найдут. И как ты объяснишь наличие трупа в багажнике?

— Я же сказала, что это уже не наша проблема, это проблема угонщиков.

— Какая же ты недалекая! — Лина вздохнула. — А если за рулем все-таки Джеф, которому очень хочется выбраться из леса? Ему труп никак не припишешь.

— Это еще почему? Вот, например, в сериале «Коломбо» все убийства совершаются в божественной среде. Чем Россия хуже Америки?

— Многим, — отрезала сестра, — в первую очередь тем, что на Джефа твоего любимого никто не наедет. А в нас вцепятся. Ну, это еще ерунда. Главное, что Бычка убили днем, если не раньше. Это легко определит эксперт. А Джеф в это время преспокойно снимал свой клип в компании сотни человек. У него превосходное алиби.

— У меня тоже превосходное алиби, — фыркнула Алиса, — я была в институте.

— У нас труп в машине! — что есть силы крикнула Лина, потеряв терпение в глупом споре. — Понимаешь? Всем плевать, где ты была в момент убийства. Это наша машина! И вещи там наши. И

тетрадки наши институтские, и документы! И фен твой дурацкий, без которого ты жить не можешь!

— Да чего ты вбила себе в голову, что угнал ее Джеф? — Алиса тоже мгновенно перешла на крик.

Лина задумалась. Потом устало промямлила:

— Не знаю. В любом случае тот, кто ее угнал, понятия не имеет, что там в багажнике. Зато, скорее всего, обладает алиби. И если «девятку» найдут сейчас, то нам от этого будет только хуже.

— И что делать?

— Пора звонить родителям. Я не понимаю, почему мы сразу этого не сделали.

— Хочу напомнить, — ехидно заметила сестра, — что наши телефоны угнали вместе с твоей машиной.

— Сквозь лес я видела огоньки. Наверное, там деревня или что-то в этом роде. — Лина взяла сестру за руку и, ускоряя шаг, двинулась по простывшему следу собственной машины. — Должен же быть в поселке хотя бы один телефон.

* * *

— Тачка так себе. — Винтик довольно ухмыльнулся, изо всех сил давя на педаль газа. Уж чего-чего, а машину он водил мастерски.

Шпунтик развалился на соседнем сиденье и блаженно потянулся:

— Не понимаю, ни хрена не понимаю, — сказал он. — Кажется, гребаная судьба наконец-то удосужилась показать нам что-то другое, кроме своей уродливой задницы...

— Да уж! — Приятель саданул ладонью по ручке переключателя скоростей. — Песня есть про нас: «Кто был ничем, тот станет всем».

— У меня от такого пера мозги закипают, — радостно признался Шпунтик. — Захотели бабки — вот тебе бабки, захотели оружие — пожалуйста, машину захотели — берите! Определенно, кому-то на небе выгодно, чтобы мы совершили нечто...

— Что?

— Не знаю пока. Посмотрим. Но если нам все плывет в руки, наверное, это кому-нибудь нужно.

— Точно, как в том фильме, когда парню дали выиграть в лотерею какой-то крутой круиз, а потом предложили спасти мир.

— Если мне такую хрень предложат, я пошлю, — отчеканил Шпунтик.

— Как это?

— Нет, ну пришить кого или спереть секретные материалы — это еще куда ни шло. Но целый мир... Не потянем.

— Почему ты знаешь?

— Исхожу из реальных возможностей. Мы же не супермены какие. Просто два придурка.

— Поправка, — хохотнул Винтик, — два чертовски удачливых ублюдка!

— Точно. И чертовски трезвых. Прибавь-ка газу. У меня трубы накалились.

— Сейчас хряпнем водки. Черт, настоящей водки, а не паршивого самогона. Шпунт! Я поверить не могу!

— А девок как мы обломали! Остались в лесу, бедолаги. Нужно было с собой взять. — Шпунтик покачал головой.

— Да ну их. Они так орали. И вообще, писку было бы. Ненавижу женский писк. Вот скажи, почему, если две бабы оказываются в метре друг от друга, они непременно найдут почву для ругани? Как собаки.

— Парадокс.

— А с машиной что будем делать?

— Бросим недалеко от дачи. Нам светиться с угоном не стоит. Нас ждут великие дела.

— Точно, — согласился Винтик, выруливая с грунтовок на старую бетонную дорогу, которая была настолько сильно испорчена временем, что по ней мало кто отваживался ездить.

Шпунтик включил проигрыватель.

...Девочка шла по тихой дорожке,
Шла слишком долго, стоптала все ножки,
Красная шапка сбилась на взмокий лоб.
Вдруг из-за дерева прыгнул к ней серый жлоб... —

ритмично захрипело из колонок.

— Что за дрянь? — Винтик поморщился.

— А мне нравится. — Шпунтик закачал головой в такт песне.

Приятель пожал плечами, но решил не спорить. Впереди пустынная дорога ожила парой ярких фар.

— Н-да, — протянул Шпунтик, рассматривая

приближающийся автомобиль, — кому-то везет еще больше, чем нам. На такой тачке я бы не отказался прокатиться.

* * *

— Твою мать! — вскричал Саша Косолапый, когда «Лексус» оказался в десяти метрах от встречной «девятки». — Да это же наша машина!

— Откуда ты... — начал было шофер.

— Номера! Это их номера.

— Поворачивай, быстро! — сухо приказал Иннокентий Валерианович водителю.

«Лексус», обиженно взвизгнув, развернулся и, прыгая на рытвинах старой дороги, покатил за уходящей «девяткой».

— Вот, — проворчал шофер, — после такой поездки непременно нужно будет шины менять.

«И машину, и шофера», — подумал шеф, брезгливо морща свой аристократический нос. Волею судьбы он вынужден был нюхать благоухающего потом водителя уже почти треть суток.

«Лексус» быстро нагонял «девятку».

— Чего это они? — Шпунтик озадаченно оглянулся на преследователей.

— Может, забыли чего? — предположил Винтик, нажимая на педаль газа.

— Не знаю... — Шпунтик на всякий случай вытащил из кармана пистолет, открыл окошко и приказал приятелю: — Прижмись к левому краю. Если решат обгонять, пускай обходят с моей стороны.

— Да чего ты паникуешь? — удивился Винтик, однако выполнил просьбу. «Девятка» скользнула на встречную полосу.

«Лексус» неумолимо нагонял «девятку», подобно акуле, настигающей свою жертву.

— От, блин, прет! — восхитился Винтик, подпрыгивая на каждой кочке дороги. — У них рессоры такие, что могут по перепаханному полю ехать и даже не почувствуют. А в этом дерьме мы на такой скорости себе все задницы отобьем.

— Не сбавляй, — крикнул Шпунтик, — чувствую, они за нами катят.

— Да не катят, а сейчас в бампер саданут. Смотри, начинают обходить. — Винтик опасно покосился вправо, где уже чернел корпус «Лексуса». — Может, гаишники?

— Где ты видел такие тачки у гаишников? Черт! — Шпунтик разглядывал затемненное боковое окно иномарки.

И тут стекло медленно поползло вниз.

— Твою мать! — в один голос вскричали Шпунтик и Саша Косолапых, которые тут же узнали друг друга.

— Прижимай их к обочине, — не своим голосом заверещал Саша водителю.

— Не на того напал, простофиля! — Шпунтик высунул руку с пистолетом из окошка и выстрелил.

Раздался хлопок, потом «Лексус» повело вправо. Водитель вспомнил все матерные слова, какие успел узнать за свою тридцатилетнюю жизнь. Саша орал что-то невразумительное. Иннокентий

Валерианович хранил гордое молчание. Он не проронил ни слова даже тогда, когда машина застыла в кювете.

— Теперь точно придется шины менять. Колесо прострелил, гад, — грустно констатировал водитель, с ненавистью глядя вслед удаляющейся «девятке».

* * *

Агент 0014 пребывал в плачевном состоянии. К нему вернулись все с таким трудом задавленные комплексы. Мало того, что он так и не научился как следует играть в теннис, что он не обладает внешностью, хотя бы отдаленно напоминающей маленькую японскую девочку, с которой нынешний Президент России мог бы состязаться на радость электората обеих стран, он вообще похож на крепкого американского бейсболиста, с которым у нашего Президента не может быть ничего общего. Мало всех этих несчастий на его голову. Так нет же, начальство ввергло его в задание, приносящее одни унижения. В него уже плевали деревенские тунеядцы, по его физиономии прошелся целый табун длинноногих бестий, теперь вот он вынужден отпустить настоящих грабителей. «Я неудачник, — шептал агент, тупо глядя на бесполезный телефонный аппарат, — я даже дозвониться не могу!»

Людка слезла с прилавка и застыла посреди

зала. Поначалу она растерялась. Попытки ограбить магазин происходили чуть ли не ежедневно, но она уже давно научилась пресекать эти противозаконные акты. Однако сегодня она впервые столкнулась с вооруженным ограблением. В ее магазин никто еще пистолеты не проносил. Нацеленное дуло показалось ей черной дырой, готовой втянуть в себя ее, «Людкину», живую душу.

Она глянула на своего рыцаря, и сердце ее сжалось. Таким несчастным, поверженным, растоптанным она любила его еще больше. Да и кому в России нужны сильные мужики? Что с них взять? Одна спесь и тупое упрямство. Русские женщины любят за страдания. Любят слабых и больных, униженных и оскорбленных, наверное, потому, что русская баба по своей душевной и физической сути могла бы и родить, и воспитать много больше детей, нежели принято в нынешние времена. Вот и обрушивает она на окружающих мужиков все неистраченное природное, экологически чистое душевное тепло да готовность уберечь от всех проблем. И зачем ей сильный мужик в таком случае? Да незачем.

Людка была настоящей русской бабой, а потому жалость к предмету своего сердца запылала в ее груди испепеляющим огнем. Мелко-мелко моргая, она глядела на него, и горячая нежность в ее глазах грозила растопить арктические льды. Их взгляды встретились. Людка зарделась, вспотела, и грудь ее заколыхалась, издавая шумные вздохи.

Агент 0014 оторопело попятился назад, но уперся в шершавую стену лопатками и замер. Продавщица медленно двинулась в его сторону.

«Ты попал!» — мелькнуло в голове агента. Лишь однажды в его жизни была сходная ситуация. Он вот так же был приперт к стенке, путей для отступления не находил, а на него с ускорением двигался БТР. Дело было вдали от родины, где-то в Азии.

Тело его превратилось в сжатую пружину, готовую выстрелить несокрушимым кульбитом по вражеской технике. Рука потянулась к одному из пистолетов, спрятанных под курткой. Но тут он снова взглянул в маленькие влажные глазки надвигающейся на него женщины, и силы оставили его. Он обмяк, словно невидимый враг вдарил ему по шее в том месте, где к коже подходит сонная артерия. Над бровями у него поплыло. Потолок навис грязно-белым, засиженным мухами облаком. Людкина жалость передалась и ему. Агенту вдруг стало жаль себя до хрипоты. Хотелось выть и причитать. Хотелось спрятаться за чью-нибудь широкую спину, как в детстве. В горле его образовался огромный ком, который становился все больше и больше и давил изнутри на глаза, пока в уголках не защищало солеными слезами.

— М-м-ма-ма! — сипло застонал агент 0014 и плюхнулся носом в мягкую Людкину грудь.

* * *

*До взрыва осталось
12 часов 00 минут 00 секунд.*

Всю дорогу Алиса ныла как заведенная. Лина все ждала, когда у нее внутри что-нибудь треснет или выйдет из строя каким-то иным образом и эта поломка прекратит слезливые стенания, так терзающие ее и все окрестности. Но ничего у сестры не ломалось, и этот невыносимый писк, все больше напоминающий Лине ночную монотонность залетевшего в комнату комара, не прекращался ни на секунду.

— А если все-таки машину остановят гаишники? — в сотый раз спросила Алиса.

— Да с чего им ее останавливать! — в сотый раз возмутилась Лина.

— Почему бы и нет, — сестра пожала плечами, — они кого угодно могут остановить. Это же гаишники!

— Слушай! — Лина наконец потеряла терпение, остановилась прямо посреди поля, на другом краю которого призывно мерцали огоньки человеческого селения, и гневно взглянула на нее. — Если гаишники поймут, что машина угнана, последнее, что им придет в голову, так это открыть багажник.

— Ты не права, — глубокомысленно занудила та, — они откроют багажник, увидят мертвого Бычка и наши сумки. Господи, я уже вижу заго-

ловки завтрашних газет: «Две студентки пришили приятеля, с которым познакомились по Интернету!»

— Хотя бы прославимся. — Лина махнула на нее рукой и пошла дальше.

— А если Джеф даст показания против нас? — не унималась Алиса.

— Да ты от страха совсем спятила. У этого парня язык отсох в тот момент, когда мы его напугали.

— Может быть, стоило его пришить по-настоящему...

Лина закатила глаза и ничего на это не ответила.

— Правда, — навязчиво продолжила сестрица, — нужно было стукнуть его камнем по голове или придушить шнурком от ботинок...

— Знаешь что, — Лина покачала головой, — ты слишком много смотришь телевизор. Поверь мне, сериалы типа «Крутой Уокер» только на первый взгляд кажутся безрбидными. Они атрофируют в человеке чувство реальности. Мы на лекциях по психологии массовой культуры такое проходили. Жуткая вещь.

— Что, лекции?

— Ну, и они тоже...

— Хочешь дам совет? — Алиса усмехнулась.

— Всю жизнь мечтала получать от тебя советы. Для того и родилась! — огрызнулась сестра.

— Не ходи на лекции. Никогда не ходи на лекции. От них вреда больше, чем от сериалов. И скука такая же.

Они добрались до края поля, вышли на проселочную дорогу и побрели на огоньки.

— Ты помнишь Кевина Костнера в молодости? — неожиданно переключилась Алиса.

— Откуда?

— Как ты думаешь, Бычок действительно на него похож?

— Понятия не имею. Вроде бы что-то есть от Кевина Костнера. Хотя я особенно не приглядывалась.

— Как-то неудобно, — Алиса вздохнула, — все-таки мы ему не чужие.

— В каком смысле?

— Ну... помнишь, как у Экзюпери: «Мы в ответе за того, кого приручили...»

— Не понимаю.

— Если бы не наше путешествие, он, может быть, был бы жив.

— Я никакой вины не ощущаю, — разозлилась Лина. — Я вообще не понимаю, что он делал в багажнике моей машины и почему его там пристрелили. А главное, я не знаю, кто это сделал.

— Может быть, какой-нибудь твой тайный воздыхатель? Увидел чужого парня в твоей машине, ну, и сдали нервы...

— У меня среди друзей нет маньяков.

— Почему ты знаешь? Я что-то не припоминаю, чтобы у какого-нибудь маньяка на лбу было написано: «Осторожно, маньяк!» Как раз наоборот, все с виду приличные люди.

— Тебя послушать, так ты всю жизнь имела дела с маньяками.

— Мне тебя достаточно. — Алиса фыркнула. — Вот помнишь Славика, который тебе под дверь цветы подкладывал?

— Сравнила. Цветы под дверь или труп в машину.

— Все равно — это ненормально.

— Ха! Да ты же просто завидуешь. Точно-точно! Тебе небось никто цветы под дверь не подкладывал.

— Во-первых, никто мне действительно цветы под дверь не подкладывал, потому что все мои кавалеры — нормальные люди, а не болезненно застенчивые прыщавые подростки. Они мне букеты лично дарят. А во-вторых, труп подложили в твою, а не в мою машину.

Когда они вышли на прямую дорогу, ведущую к приземистому, плохо сохранившемуся со времен застоя зданию сельпо, дорога вспыхнула желтым светом. Сестры оглянулись и едва успели отскочить в придорожные кусты. Мимо пронеслась зеленая «девятка».

— Ничего себе, — возмутилась Алиса, — это же наша машина!

— Хм... — Лина недоверчиво прищурилась, пытаясь разглядеть быстро растворяющиеся в сумеречном тумане номера. — Ни черта не видно.

Машина взвизгнула тормозами и застыла у магазина.

Сестры прибавили шаг, а потом и вовсе перешли на бег.

— Только бы это была наша машина, — запыхавшись, твердила Алиса.

Из «девятки» выскочил какой-то мужик и ринулся в магазин.

— Будем надеяться, что наша! — крикнула Лина и побежала с такой скоростью, что, наверное, побила все рекорды спринта.

* * *

Влетев в тусклое помещение сельпо, Принц застыл на пороге, с удивлением разглядывая живую картинку эпохи Возрождения: белобрысый бугай склонился в три погибели, уткнувшись физиономией в пышную женскую грудь. Женщина, она же, как решил Принц, продавщица, нежно поглаживала бугая по белобрысой голове. А тот совсем не мужественно всхлипывал. Тело его сотрясалось, судя по звукам, от рыданий. Принца тут же затошнило. Но он взял себя в руки и гаркнул так, чтобы его непременно услышали:

— Эй, тетка! Где здесь дорога на Москву? Отвечай, старая свиноферма.

Всхлипывания затихли. Белобрысый бугай оторвался от пышной груди и уставился на Принца таким недвусмысленным взглядом, что тот тут же понял: последнюю часть обращения он произнес явно сгоряча. Не нужно было упоминать про свиноферму. Однако извиниться он теперь уже не

мог. Не такой он был человек, чтобы извиняться. На всякий случай Принц нащупал пистолет за поясом.

— Ты что сказал? — плаксиво поинтересовался бугай и всхлипнул.

— Не нужно ему повторять, — попыталась урезонить мужчин Людка.

— Нет уж! Пусть повторит, — настаивал бугай.

— Что, уже нельзя и дорогу на Москву спросить? — Принц делано пожал плечами, мучительно раздумывая, что же ему предпринять в следующую минуту: стрелять или все-таки смаываться.

— Нет, ты что-то говорил про свиноферму, — настаивал бугай.

— Ничего он не говорил про свиноферму, — запротестовала Людка, которой было неприятно, что ее внешний вид вызывает столь нехорошие ассоциации. Да еще у мужчины. Да еще в присутствии рыцаря ее сердца. — И вообще, магазин закрыт. Я ничего не продам.

— Я что, спятил, чтобы что-то купить в такой дыре? — Принц приосанился. — Не нужна мне твоя тухлятина. Скажи, где Москва, и замолкни.

— Да ты, как я погляжу, совсем незнаком с правилами хорошего тона, — возмутился белокрысый.

— Если рыдать на груди у жирной тетки и есть правила хорошего тона, тогда прости, мужик, незнаком...

По тому, как глаза бугая налились красным,

Принц понял, что мордобоя не избежать. Оскорбить бабу в присутствии кавалера — это еще куда ни шло. Мужик с мужиком всегда могут договориться, а потом еще и дружить долгие годы, сойдясь во мнении, что все женщины — стервы. А вот оскорбить мужика в присутствии дамы — это плюнуть в душу, это растоптать мужскую солидарность, чего, разумеется, прощать нельзя. Во всяком случае, сам Принц уж точно бы не простил.

— Ну, ты меня достал! — как и ожидалось, взревел белобрысый.

Принц, к сему моменту уже сжимавший рукоятку пистолета, хотел было выкинуть руку перед собой, да почему-то не успел. В мгновение ока он оказался на полу, тупо глядя на проносящиеся мимо носа чужие кулаки. В конце концов, винить его не за что. Он же не знал, что имеет дело с агентом 0014. Да еще с агентом 0014, которому недавно пришлось закрыть глаза на ограбление, в результате чего пребывал он не в лучшем расположении духа. Попросту говоря, злой был как черт.

Людка с визгом забралась обратно на прилавок, откуда продолжала попискивать: «Мальчики, прекратите!» — явно гордясь своим рыцарем.

Агент 0014 уверенно восседал на расprostертом на дощатом полу Принце и лупил его что есть мочи, выкрикивая непонятные для непосвященных вопросы:

— Где тело, мать твою? Где тело?

Голова Принца моталась из стороны в сторону. Во рту он не просто чувствовал привкус крови, ему казалось, что сейчас он ею захлебнется. Не забывая скулить и ругаться, он принялся подсчитывать, найдется ли в связи с недавним прискорбным исчезновением всей его наличности пара тычонок, чтобы вставить недостающий теперь десяток зубов.

— Где машина? Где девки с телом? Я тебя спрашиваю! — кряхтел агент 0014. — Куда девалась вторая «девятка»?!

* * *

*До взрыва осталось
11 часов 18 минут 25 секунд.*

— Ты это слышала? — пролепетала Лина, которая уже пять минут наблюдала драку с порога магазина.

— Да уж... — вздохнула Алиса у нее за спиной.

— Нет, я в этом кошмаре не участвую! — Лина решительно подалась назад, выталкивая сестру на улицу.

— Что же делать?! — округлив глаза, прошептала та, когда они оказались на крыльце.

— Судя по всему, речь шла о нас и о нашей машине. А это значит, что те, что валяются сейчас на полу, охотятся за нами.

— Во всяком случае, тот, кто сверху, — точно! — испуганно прошептала Алиса и поежи-

лась: — Мерзкий тип. Такой прибьет и не заметит.

— Может, пойти туда и спросить, зачем мы им понадобились? — Лина задумалась.

— С ума сошла! — жарко заспорила сестра. — Мы же для них свидетели. Есть у нас машина с трупом или нет, не имеет значения. Они нас точно убьют. Особенно тот, кто сверху. Это прямо садист какой-то.

— Значит, так! — Лина занесла указательный палец над головой и даже присела, сознавая важность принимаемого решения. — Рот на замке. Мы как-то не подумали, что за нами будут охотиться. Теперь ни о каком трупе не знаем. Словно мы и не открывали багажник. А во-вторых...

— Интересно, это единственные парни, кому интересно, где мы и мертвый Бычок? — перебила ее Алиса.

— Может быть, и нет. — Лина вздрогнула. — Скорее всего нет. Вот поэтому, пункт номер два, нам нужно как можно быстрее добраться до родителей. Знаешь, я уже даже не тюрьмы боюсь.

— Ой, перестань меня пугать! — Алиса всхлипнула. — Я и без тебя уже до смерти напугана. Вон посмотри, как руки трясутся.

Она вытянула вперед обе руки, которые действительно ходили ходуном.

— Спокойно, — дрожащим голосом пролепетала Лина, спускаясь по ступенькам крыльца, — спокойно!

— Куда там! У меня сейчас истерика начнется. — Алиса порывисто всхлипнула. — Не могу больше.

— Значит, уходим полями. Потом перелесками...

— Далеко нам не уйти. Толстуха, по-моему, нас заметила, — проскулила сестра и обхватила плечи руками.

— Черт! Что же делать?

— Поехали на машине! — Алиса кивнула на стоящую в метре от крыльца «девятку».

— На чужой машине?!

— Есть другие варианты?

Лина сглотнула сухой ком в горле и тихо призналась:

— Пожалуй, что и нет...

Они подобрались к машине на полусогнутых, осторожно заглянули в темное открытое окошко.

— Приборы горят, — прошептала Лина, — этот придурок даже ключ не вытащил.

— Молчала бы лучше. Если бы ты закрыла машину у кафе, мы бы сейчас пили чай у бабушки на кухне! — проворчала Алиса.

— Сколько раз тебе повторять, что я закрыла машину. Я помню.

— У тебя память дырявая.

Лина открыла дверцу и скомандовала сквозь зубы:

— Запихивай свою толстую задницу в машину! На сей раз, учитывая опасность, Алиса не ста-

ла спорить. Быстро залезла в салон, перебралась на соседнее сиденье, уступив сестре место за рулем. Та прыгнула на него, захлопнула дверцу, завела машину и нажала на педаль газа.

* * *

— Бога нет, понял? — гневно выпалил Кудрявый, подкрепив свою версию увесистым тумаком по шее Беки.

— Да, брат мой, — смиренно согласился гонимый за веру, — он все равно тебя простит...

— О-о-о! — взревел гонитель и пошагал дальше по пыльной дороге, ворча под нос: — Мне сейчас нужно только одно прощение. Принца. Где же его найти, падлу?

Бека мелко семенил следом, причитая:

— Спроси у него. Спроси у него.

— У кого у него?

— У спасителя. — В черных глазах Беки вспыхнул фанатичный огонь.

— А, иди ты к черту! — отмахнулся от него Кудрявый, понимая, что теологический спор зашел в тупик. — Тащись с этим кретином по черт знает какой глухой местности да еще в этом отрепье. — Он зло дернул себя за полу цветастого халатика. — Я такое даже в кошмарах не видел. Слышь, ты, — он повернулся к спутнику, — еще раз заговоришь про бога, я башку твою дурную откручу. Она тебе все равно без надобности.

Вдали показались огоньки машины. Кудрявый

напрягся всем телом, нездорово покраснел, чертыхнулся про себя пару раз и поднял руку. При ближайшем рассмотрении это оказалась «семерка». Из ее открытых окон по окрестностям разносились звуки популярного в это лето шлягера Джефа про «Красную Шапочку», от чего машина напоминала передвижную радиоточку, созданную для окультуривания селян и селянок. «Семерка» притормозила. Из окна выглянул глыбоподобный бритый парень с непомерно толстой, явно накачанной упорными тренировками шеей. В затылок ему дышали еще двое — один с водительского места, второй с заднего сиденья.

— Эй, девахи, — с суровой добротой обратился к путникам парень, — водки...

Слова застряли у него где-то между пятым и шестым шейным позвонком в тот момент, когда к нему обернулся Бека. Парень икнул, потом перевел взгляд на Кудрявого и охнул:

— Ну и рожи!

— Водка — грех! — проблеял Бека, ничуть не смутившись. — Покайтесь, пока не поздно!

— Ну ты посмотри! — возмущенно выдохнул парень, обращаясь к своим приятелям. — По лесу носится целая толпа длинноногих девок, а мы нарывались на двух уродливых кликуш. Вот непраха!

Машина взвывала мотором и умчалась прочь.

— Все! — Кудрявый вытер крупные капли пота на физиономии. — До Москвы будем добираться лесами и огородами.

* * *

*До взрыва осталось
11 часов 00 минут 02 секунды.*

— Где тело? — устало выдохнул агент 0014, все еще восседая на Принце.

Тот поморщился и промычал нечто невразумительное.

— Ну? — Агент занес над его головой кулак. — Будешь говорить?

Принц лихорадочно закивал головой и снова промычал.

— Дорогая, — мелодраматичным тенором промурлыкал агент Людке, сидевшей верхом на прилавке, — дайте ему воды.

— «Колокольчик?» — пискнула та и засуетилась, сползая на пол.

— Вы что? — с искренней добротой удивился агент. — Мы же не в 37-м году. У него же рожа.. гм... простите... хотя, конечно, рожа, иначе не назовешь. Словом, это у него совсем разбито. Дайте что-нибудь без соды, без газа и без сахара.

— Водки, что ли? — подозрительно сузила глаза Людка, вспомнив, что она все-таки продавец сельпо, которому негоже разбазаривать водку.

— Да ну вас, в самом деле, — потерял терпение агент, — дайте минералки без газа. Вон у вас стоит.

— Я лучше из-под крана принесу. — Она с достоинством удалилась в подсобку, а минут через пять появилась с ведром, полным воды. Подошла

к изголовью распростертого под агентом Принца и деловито осведомилась: — Куда ее?

— Да лейте, милая.

Принц снова замычал и лихорадочно замотал головой. На сей раз отрицательно.

— Лейте, лейте! — подбодрил отшатнувшуюся было Людку агент 0014.

Под шквалом воды мычание потерпевшего перешло в отчаянный крик, перемежающийся с вполне внятным матом. Когда вода в ведре закончилась, а он перестал плевать и отфыркиваться, агент снова занес над его головой кулак и строго спросил:

— Почему вы его застрелили?

Людка охнула и присела, сознавая, что стала свидетельницей криминальной тайны.

— С-л-лучай-йно, — запинаясь, выдавил из себя превращенный в истекающее кровью ничтожество Принц.

— И вы решили вывезти тело из Москвы, — продолжал допрос агент 0014. — А почему запихнули тело не в твою, а в другую машину?

— Случай-йно.

— Тебя заело, что ли?!

Агент снова занес кулак над головой несчастного. Тот зажмурился и разразился неимоверно длинной и жаркой тирадой:

— Правду говорю, сначала Бека стрелял в Кудрявого, а попал в того хмыря, потом решили слинять. Бека с Кудрявым сунули хмыря в машину, а она уехала!

Во внезапно наступившей тишине агент ухмыльнулся и процедил:

— И ты хочешь, чтобы я в это поверил?

— Твое дело. — Принц вздохнул, предчувствуя второй этап мордобоя.

— Я похож на идиота?

Принц оценивающе взглянул на него снизу вверх:

— Немного... — Но, увидев, что кулак агента снова дернулся над его головой, быстро поправился: — Совсем немного. Почти незаметно.

Агент смущенно покосился на Людку. Та с деланным безразличием разглядывала муху, скользящую по потолку в направлении подсобки.

— У вас сговор? — посуровел агент.

— С кем? — прохрипел Принц.

— С империалистическими державами.

Принц помолчал, соображая, затем задумчиво изрек:

— Вот теперь похож.

— В смысле? Что похож?

— В смысле, похож ты теперь на идиота.

— Значит, у вас нет сговора? — решил окончательно прояснить ситуацию агент 0014. — Может быть, вы действуете по заданию китайской разведки?

— А что, китайцы платят теперь? — округлил заплывшие глаза Принц.

Агент задумался на мгновение, даже почесал затылок, потом несколько недоуменно ответил:

— Насколько мне известно, они всегда платили.

— Ни фиги себе! — Принц с досадой саданул ладонью по дощатому полу. — И много платят?

Агент пожал плечами:

— Да кому как...

— А нам сколько бы дали?

— Ну... лимонов пять зеленых отстегнули бы...

— Что?! — Принц даже голову поднял. — Слушай, друг! А как связаться с китайской разведкой?

— Ты что, хочешь Родину продать, мразь?

— На хрена китайцам наша родина? — отмахнулся Принц. — Столько ртов кормить. Им самим, поди, жрать нечего. Нет, я бы им себя продал. Если они готовы отвалить такую сумму, так прямо со всеми потрохами и продан бы. И этих своих дебилов — Беку с Кудрявым — тоже загнал бы. Как ты думаешь, они за таких дураков пару лимонов накинут?

— Ой, а может быть, им и я сгожусь? — с воодушевлением пискнула Людка.

— Я тебе сейчас сам накину! — рассвирепел агент. — За кого вы меня принимаете? За вербовщика китайской разведки?

— Нет, ну что вы! — оба изобразили искреннее недоумение на лицах. — Как можно! Просто интересно...

Агент 0014 не знал, как завершить неприятный и совершенно выскользнувший из-под его контроля разговор, а потому решил завести новый:

— Куда вошли пули?

— Что я, рассматривал?

— Ну, хотя бы примерно.

— Две в грудь, кажется, одна в живот.

— Плохо, — констатировал Агент.

— А как было бы хорошо? — удивился Принц.

— Хорошо, чтобы вы вообще не стреляли, Рэмбо хреновы. Ну, на худой конец, чтобы пули вошли куда угодно, только не в грудь и не в живот. А вы его раздевали?

— Слушай, ты за кого меня принимаешь? — возмутился Принц. — С какой стати мне труп раздевать. Я не некрофил.

— Щелчок слышали? Когда пули вошли, мог быть щелчок.

Принц вздохнул и пустился в долгие объяснения, отчего быстро сам себе опротивел, так как показался себе похожим на Кудрявого. А посему голос его становился все громче и все злее:

— Представь, что в этот магазин сейчас входит незнакомый человек. И вот эта баба, — он ткнул пальцем в Людку, — выхватив пистолет, его застрелит, даже не спросив, стоит ли это делать. Что будет? А будет вот что: ты заорешь на нее, обзовешь стервой или еще каким дурным словом. Потом все начнут суетиться. Можно в таком гаме услышать какой-то щелчок?

— Нельзя, — согласился агент, ясно представив себе описанную картину.

— Ну, так вот и я ни хрена не слышал.

— Плохо, — снова уверил себя агент 0014.

— А если был щелчок, китайцам это понравится? — забеспокоился Принц.

— Да что ты привязался со своими китайцами? — обозлился на него агент 0014.

— Ну как это чего?! Они же деньги платят!

— Ха, разве это деньги за такую штуковину. Так, подачка для бедных, — усмехнулся агент. — Вот если бы ты на ЦРУ вышел, там бы и десятку не пожалели. А может быть, и больше. Это как торговаться.

— Ну почему? — взвыл Принц. — Почему я не знал! Мать твою за ногу. Корячишься тут за гроши. Встречу Беку с Кудрявым, убью, к чертовой матери.

Агент вздохнул, положил руку ему на плечо и задумчиво изрек:

— Только если эта зараза все-таки щелкнула, деньги никто не заплатит. Да и не нужны они будут.

— Деньги всегда нужны, — возразила Людка и с удовольствием смяла стодолларовую банкноту в кармане своего замызганного халата. Она-то знала толк в деньгах.

— Поверьте мне, глупые вы люди! — Агент покачал головой в такт своим невеселым мыслям. — Бывают ситуации, когда деньги становятся мусором.

* * *

Генерал ФСБ с немужественной фамилией Авоськин с недоверием покосился на подтянутого молодца — подполковника Стрельникова. Лицо его тут же искривила невольная гримаса злой

зависти. Стрельников же и бровью не повел. Он с увлечением тыкал указкой в карту Подмосковья, браво докладывая:

— Все три машины выехали из Москвы и углубились в лес.

Ни районов, ни направлений дорог Стрельников не назвал, памятуя о том, что из этого кабинета каждый чих становится достоянием десятков чужих ушей. У него тут даже собственный микрофончик имелся, да в таком месте, где его никто не догадается искать. Нужно же знать, что на уме у начальства. А теперь, учитывая сложившееся положение, совершенно недопустимо дать знать конкурентам из других отделов ФСБ, да еще и из контрразведки, какие проблемы решаются здесь и сейчас. Иначе опередят, вырвут задание — и прости прощай повышение вместе с прибавкой к жалованью. Нет, дел у ФСБ хватает, да и у контрразведки тоже, но это, которое сейчас свалилось на голову, Стрельников почитал за шанс, преподнесенный судьбой на блюдечке с голубой каемочкой. Похоже, и Авоськин думал точно так же.

— Зачем им понадобилось углубляться в леса? — прохрипел начальник, пытаясь вернуть на лицо достоинство.

— Мы как раз сейчас это выясняем.

— Та-ак, — протянул генерал, лихорадочно придумывая какое-нибудь умное продолжение, но в голову, как назло, ничего не приходило.

— Думаю, местных подключать пока не стоит? — плюнув на субординацию, которая не по-

зволюла мешать начальнику думать, встрял Стрельников.

Авоськин вздохнул:

— Рано. Не нужно привлекать внимание. Операция все-таки секретная. А ну как разнесут по всему белу свету?! — Он покосился на урну, которая стояла несколько криво.

Стрельников догадывался, чей там «жучок», потому усмехнулся. Ничего-то они не узнают. Вслух он сказал:

— Агент 0014 докладывал, что к делу подключился некий Френк.

— Кто такой? — живо отреагировал Авоськин.

— Репер. Подсел в машину в лесу.

— А он-то с какого боку?

— Выясняем. У него же отец... ну, вы меня понимаете, — он многозначительно поднял глаза к потолку.

Генерал хлопнул себя по коленям и воскликнул:

— Господи Иисусе! Неужели тот самый? Но я не думаю, чтобы отец ему позволил...

— Когда такие дела творятся, и детей не жалеют, — на сей раз горестно вздохнул Стрельников. — А потом, вы же сами говорили, что преступность сейчас молодеет и меняет пол. Так, кажется?

Он еле заметно усмехнулся. Однако это обидное действие не укрылось от пытливого взгляда генерала.

— А что у него с полом? — багровея от бесильной злобы, поинтересовался он, стараясь придать голосу безразличие.

— Да пока все в порядке. Как был бесполом, так и остался. Что еще можно ожидать от... — Тут он осекся, поняв, что допустил грубейшую ошибку. Ведь до конца так и не удалось выяснить, все ли «жучки» в кабинете выявлены. А ну как не обнаружили именно тот, который донесет обидные слова отцу о сыне.

Авоськин обрадовался смущению подтянутого подчиненного и тут же радостно посуровел, наконец поняв, чем может зацепить выскочку:

— Давно выходил на связь агент 0014?

Ядовитая стрела попала в самое сердце. Стрельников опустил голову:

— Очень давно, товарищ генерал. Агент 0014 никогда не отходит от правил.

— А говорили, лучший, — разочарованно протянул Авоськин, с удовольствием давя на большую мозоль подчиненного. — Как можно было доверяться какому-то агентишке. С вашим-то опытом.

— Он лучший, — упрямо заявил подполковник.

— Я читал его досье. Это же сценарий для плохой комедии, а не досье. Вы-то сами читали? Он от психоаналитиков не вылезает. У него большие проблемы с самоконтролем. Он планировал сделать пластическую операцию на груди!

— Гм... — Стрельников потер подбородок. — Операция на груди была необходима для выполнения особо важного задания в Колумбии.

Авоськин задумался, пожал плечами:

— Не понимаю, какую пользу может принести двухметровый мужик с женской грудью в колумбийских джунглях?

— Например, обезвредить целый клан наркомафии.

— Все равно не понимаю. — Авоськин брезгливо поморщился. — И зачем мы лезли в колумбийские джунгли, да еще под прикрытием двухметрового мужика с женской грудью? Своих наркодельцов нам не хватает, что ли?

— Дело-то прошлое, — тактично заметил Стрельников. — К тому же грудь у него сейчас нормальная, плоская.

— Двухметровый мужик с плоской женской грудью, — Авоськин покачал головой. — Что может быть отвратительнее...

— Но до этого он прекрасно справлялся с любым порученным заданием. Причем без всякой помощи. Он настоящий профессионал. Либо победит, либо...

— Так, может, уже и... — В это «и» Авоськин вложил смысл целого абзаца.

— Не, — Стрельников покосился на кактус, в иглах которого при должной любознательности можно было углядеть маленькую антенну, — в

этом деле, если бы такое произошло, мы бы видели. Отсюда бы видели.

— Что правда, то правда. Так что с агентом?

— Нужно ждать. Этот парень впивается в задание, как бультерьер в жесткую задницу английской домохозяйки. Пока до кости не догрызет, не отцепится. — Стрельников, к великому удовольствию Авоськина, слишком поздно испуганно побледнел.

Сегодня был решительно не его день. Проговориться два раза за полчаса плохо даже для самого никудышного агента, не говоря уже о подполковнике ФСБ. Забыть, что нынешняя внешняя политика направлена на потепление отношений с Великобританией, чей «жучок» торчит между пятой и шестой панелью левой стены, — непростительная оплошность! Нет, явно нервы расшались! Уж слишком долго нет никаких новостей от проклятого агента 0014.

Стрельников икнул и, повернувшись к щели между пятой и шестой панелью левой стены, сконфуженно добавил:

— Я слышал, как примерно то же самое сказала английская королева о Майкле Курте — лучшем агенте национальной разведки.

Авоськин только хмыкнул. В конце концов, это уже не их дело, как национальная разведслужба Великобритании примется выяснять отношения со своей королевой.

* * *

*До взрыва осталось
10 часов 51 минута 33 секунды.*

— Ну и вонь в этой машине. — Алиса скривилась и дернула за покрытую прошлогодней пылью пластинку ароматизатора, подвешенную к зеркалу заднего вида.

— Не тронь, — сквозь зубы процедила Лина, — это чужое.

— Да ладно тебе, — отмахнулась сестра и с хозяйской уверенностью открыла «бардачок».

Машину подбросило на кочке. Из «бардачка» на колени Алисы вылетела ополовиненная бутылка рома Баккарди и стопка пластиковых стаканов.

— Неплохо живут, — проворчала она, запихивая бутылку обратно в «бардачок». — Возят в машинах хорошие спиртные напитки, не то что некоторые — трупы прячут в багажниках.

— О господи! — Лина вздохнула. — Знаешь, мне кажется, что мы с тобой как по волшебству вылетели из собственной жизни.

— Как это?

— Да черт его знает, как. Еще вчера в это время я на полном серьезе решала, как лучше убить время: сходить в кино или посмотреть телепередачу. А сегодня я еду в угнанной машине, пытаюсь убежать черт знает от кого. Наверное, от себя в первую очередь. Я пытаюсь выпутаться из спирали, понимая, что это совершенно дурацкая затея,

потому как есть всего два выхода: тюрьма и смерть.

— Слушай, этот спич смахивает на монолог из мексиканской мелодрамы. Прекрати, а то меня стошнит.

— Это случилось где-то между завтраком и обедом, — задумчиво продолжала Лина, не обратив внимания на протест аудитории. — Мы ведь даже подготовиться не успели.

— А я с самого начала не хотела ехать, — напомнила Алиса. — Если бы ты положилась на мою интуицию...

— Да нет у тебя интуиции! — крикнула сестра. — Дело не в интуиции. Неужели ты не понимаешь?! У нас больше никогда не будет той жизни, какая было до сегодняшнего утра. Никогда!

— Не драматизируй. Вот увидишь, доберемся до родителей, и они нам помогут. Мы же ни в чем не виноваты! — Алиса предприняла жалкую попытку усмехнуться. Вышло неубедительно.

— Н-да... — протянула Лина. — Мы виновны как минимум в двух вещах: мы не отвезли труп в милицию и угнали чужую машину.

— Слушай-ка, а что будет, если предположить самое худшее? Что нас остановит на краденной машине гаишник, а потом найдут твою машину с трупом Бычка в багажнике?

— Помнишь, я говорила тебе о 15 годах в колонии? Умножь этот срок на два, — хмуро ответила сестра.

* * *

Саша Косолапых плюнул в угасающие сумерки.

— Охренел совсем! — ответили сумерки хриплым голосом водителя. — Расплевался тут? Колесо поменять не даст. Отойди от машины... вон хоть в кусты, и плюй себе сколько душе влезет.

— Он уже отошел один раз в кусты, — холодно заметил Иннокентий Валерианович.

— До сегодняшнего дня у меня не было кровных врагов, — сквозь зубы процедил Косолапых, — а теперь есть.

— Эй, мы не на Кавказе. Сейчас это не модно, кровников-то иметь, — прокряхтел водитель, возясь с передним колесом.

— А мне чихать! Эти гады мне два раза в душу нагадили.

— Не забудь, что они еще и деньги твои вытащили, и пистолет. Кстати, я даже загадывать боюсь, что они на твой ствол повесить могут. Лихие ребята. — Последнюю фразу Иннокентий Валерианович проговорил с некоторым подобием уважения.

— Колесо ваше они уже на Сашкин ствол повесили, — отозвался водитель.

— Не нравится мне все это. — Иннокентий Валерианович подергал себя за кончик носа, потом вытащил из кармана кости, намереваясь подкинуть их на ладони, дабы прояснить свое ближайшее будущее.

— Ясное дело, кому ж это понравится, — опять встрял шофер.

— Да заткнешься ты или нет! — взревел шеф. — Кто тебя спрашивал?

Он со злостью швырнул кости в темный силуэт, склонившийся над передним колесом.

— Ну вот, — после некоторой заминки послышалось с земли, — два и четыре. Результат не самый блестящий, но...

— Кто тебя все время тянет за язык? — хмуро поинтересовался у него Косолапых, предчувствуя развитие скандала.

— Я всегда говорю правду, — обиженно заявил водитель. — Конечно, я мог бы соврать, что выпали равнозначные стороны и мы обречены на успех. Но кому от этого станет лучше?

— Тебе, идиот! — Саша невесело ухмыльнулся.

— Так что будем делать, господа? — Иннокентий Валерианович сдвинул брови. — Как я уже говорил, перемены с машиной мне не по душе. Откуда эти парни вообще взялись? И почему девчонки отдали им свою машину? Что-то тут нечисто. И такое ли это недоразумение, как выглядело с самого начала? Хм...

— Что вы имеете в виду? — Косолапых глянул на шефа исподлобья.

— Когда пойму, тебе скажу первому. Пока у меня смутное ощущение, что история эта очень странная, — затягивая каждое слово, проговорил Иннокентий Валерианович и оглянулся на дорогу, где разрывали ночную завесу две желтые автомобильные фары. — Скажу вам, господа, у меня

странное предчувствие, что нас обвели вокруг пальца...

Он покосился на Сашу. Во взгляде его скользнуло едва различимое недоверие. Впрочем, если бы Косолапых в темноте и смог углядеть столь неприятную для себя тенденцию в очах шефа, он не стал бы сокрушаться, поскольку тот слыл человеком маниакально подозрительным, вечно «гоняющимся за ведьмами» и всегда готовым навесить на приближенного любых чертей.

— Интуиция меня редко подводила. — Иннокентий Валерианович меланхолично вздохнул и снова глянул на приближающуюся машину. — Ну, вот как сейчас. Я чувствую, что эта «девятка» непременно затормозит.

— Им же хуже, — проворчал водитель, хмуро глядя на желтые фары чужой машины.

* * *

— Я совершенно не понимаю, где мы! — раздраженно констатировала Лина. — Ты смотрела карту?

— Кому нужна карта! — Алиса взглянула на нее как на умалишенную. — Даже если бы она была. На деревьях же не написано ни улиц, ни номеров. Как ты поймешь по карте, где мы?

— Предлагаешь ориентироваться по звездам? — окончательно разозлилась Лина.

— Если учесть, что мы ехали на юг, потому что Тула от Москвы на юге.

— На юго-востоке!

— Да какая разница, нам все равно нужно ехать на Полярную звезду, потому что она на севере.

— Ты хоть представляешь, как выглядит Полярная звезда?

— Ну... как звезда, наверное. — Алиса задумалась. — Яркая такая звездища.

— Слушай. — Лина сделала глубокий вздох, приказав себе успокоиться. — На небе уйма звезд. И если ты поймешь, какая из них Полярная, я обещаю выдать тебе рублевый эквивалент Нобелевской премии за повторное, но не менее важное открытие, сделанное в области астрономии.

— Жаль, — опечалилась Алиса, — жаль, что я в школе линяла с уроков астрономии. У нас был мерзкий учитель, от него всегда воняло рыбой и еще какой-то дрянью. Я этот запах перенести не могла.

— А литераторша тоже рыбой воняла? — усмехнулась Лина. — Иначе почему я писала вместо тебя сочинение на вступительных экзаменах?

— Она была лесбиянкой. Когда она вызывала меня к доске, мне казалось, что она сейчас начнет меня насиловать.

— Что за ерунду ты говоришь, — возмутилась Лина. — Ирина Сигизмундовна — семидесятилетняя старушка. Она и слова-то такого не знает!

— Это не имеет никакого значения. Думаешь, каждый маньяк знает, как его диагноз звучит по-латыни?

— Я тоже у нее училась. И когда она меня вызывала...

— Это потому, что ты ее не привлекала, — перебила ее Алиса.

— Почему же?

— Потому что у тебя задницы нет, — отрезала сестрица.

— Тебя послушать, так все мироздание крутится вокруг задницы, — фыркнула Лина.

— Может быть, и не крутится, но я тебе точно скажу — весь мир движется в задницу. Все мироздание. И наше путешествие тому доказательство.

— Знаешь, практически каждый философ был помешан на своих комплексах. Я вот сейчас подумала, что невозможно создать философскую теорию, не имея комплексов.

— Это ты к чему? — прищурилась Алиса.

— К тому, что каждый, кто строит какую-либо теорию, всего-навсего стремится оправдать свой собственный недостаток. Вот ты совсем помешалась на диетах, жутко страдаешь оттого, что у тебя 46-й размер бедер, а не 42-й, как у меня, а потому сдвинулась головой в сторону задницы.

— Ну а ты... А ты...

— Заткнись! — рявкнула Лина, понимая, что в этом изматывающем споре силы оставляют ее. — Нужно остановиться и спросить дорогу.

— У кого, — Алиса развела руками, — у ясеня?

— Вон у тех трех мужиков на краю дороги, видишь?

— Ты же не сделаешь этого, — испуганно зашептала Алиса, вцепившись в локоть сестры.

— Конечно, сделаю, — спокойно отозвалась та, плавно давя на педаль тормоза.

— Перестань меня пугать. Не смей этого делать!

— Да что случилось? — Лина пожала плечами. — Мужики меняют колесо.

«Девятка» была уже в пяти метрах от «Лексуса».

— Их трое здоровенных мужиков, — истерично всхлипнула Алиса, — кругом ночной лес и ни души. Ты хоть понимаешь, что они с нами могут сделать!

— Посмотри на хозяина машины — крупный босс. Из тех, которые уже настолько богаты, что стали интеллигентными людьми. Поверь мне, он с удовольствием объяснит двум заблудившимся дурам, как доехать до Москвы. А чтобы не смущать его своей соблазнительной пухлой попкой, сиди в машине.

После этих слов Алиса обиженно поджала губки и более не проронила ни слова.

Лина затормозила машину.

— Вы видите, Иннокентий Валерианович, это же машина с номерами Принца, — успел шепнуть Косолапых, пока дверца не открылась и над крышей не показалась милая девичья головка.

— Вот уж не ожидал, — от избытка чувств Саша даже икнул.

— А я как раз этого и ожидал. Теперь мне многое стало понятным, — тихо промурлыкал Иннокен-

тий Валерианович. — Непонятно только одно: есть ли предел наглости у этой шайки? Давай-ка их приостановим.

Саша, сохраняя добродушную сдержанность на физиономии, приблизился к «девятке» и заглянул в салон.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровалась Лина. — Скажите, пожалуйста, как нам добраться до магистрали на Москву?

— Что? — Косолапых приставил ладонь к уху. — Не слышно.

— Простите, — повысила голос Лина, — как нам добраться до Москвы? Мы заблудились.

Саша жестом показал, что следует заглушить мотор, а сам обогнул «девятку» и тактично остановился по другую сторону открытой дверцы.

Лина послушно повернула ключ зажигания, и наступила тишина, в которой явственно прозвучал комментарий Алисы по этому поводу:

— Идиотка!

— Вы не знаете, как лучше проехать к Москве? — строго спросила Лина, решив на всякий случай пресечь любую попытку любезничать.

— А... — понимающе кивнул Косолапых и улыбнулся девушке. — Конечно. Значит, разворачиваетесь и по этой дороге доезжаете до первого поворота направо. — Он отступил на полшага в сторону и махнул рукой в указанном направлении.

Лина инстинктивно повернула голову назад. В этот момент цепкие пальцы впились в ее запястье

и потащили на дорогу. Она вскрикнула и забарахталась, хватаясь за дверцу. В этот момент водитель подлетел с другой стороны машины и, распахнув дверцу, вытащил изо всех сил визжащую Алису.

— Отпусти меня! Отпусти меня, гад! — Она пнула водителя, особо не понимая, куда именно.

Тот охнул, но лишь сильнее стиснул ее плечо грубыми грязными лапищами.

— Оставь в покое мою сестру, уродина! — взревела Лина, хотя сама находилась не в лучшем положении, нежели Алиса. Косолапых тащил ее через дорогу к «Лексусу».

Морщась от натуги и лихо уворачиваясь от пинков и тумачков жертвы, он проскрипел:

— Иннокентий Валерианович, найдите, чем связать сучек.

Шеф развел руками и улыбнулся:

— Если бы я хотел участвовать в этой похабщине, я бы не платил тебе такие деньги.

— Отцепись, скотина! — ни на минуту не замолкая, верещала Алиса.

Поняв, что увещевания не помогают, она перешла на пронзительный крик, разорвавший ночь на лоскуты:

— А-а-а!

Лина вступила в крик своей партией, более низкой, но не менее громкой:

— А-а-а!

Все мужчины на секунду присели. А когда обрели способность действовать дальше, то Косола-

пых и водитель, не сговариваясь, вырубили свои жертвы одним ударом.

— Сразу нужно было сделать это. — Иннокентий Валерианович недовольно поморщился. — Они не зря такой ор подняли. Наверное, ожидают помощь. Грузите их в машину. Нужно найти место потише и допросить как следует.

* * *

Агент 0014 оглядел сидящего на полу Принца и удовлетворенно кивнул. Собственно говоря, любоваться было не на что. После избиения Принц выглядел неважно: правый глаз заплыл, левое ухо вдвое толще, чем следовало бы, из распухшего носа все еще текли струйки крови, которые несчастный размазывал по всему лицу, отчего и щеки его, и подбородок, и шея, и руки были неэстетично красно-коричневыми. А улыбке Принца теперь позавидовал бы монстр Франкенштейна — до того она была беззубой.

— Так, до окончания операции посидишь в подсобке, — определил его дальнейшую судьбу агент 0014.

Принц не возражал, тем более что сил на иное времяпрепровождение у него все равно не осталось.

— Как это в подсобке? — неожиданно возмутилась доселе лишь умиленно вздыхавшая Людка.

Агент 0014 поразмыслил с секунду и решил применить свое главное оружие. Он глянул на

продавщицу бархатными глазами и улыбнулся ей так очаровательно, как только мог.

Людка моментально вспотела, а грудь ее вздыбилась, подобно цунами, готового порушить все сущее своей роковой природной страстью.

— Посидишь в подсобке, — повторил агент уже не столько для Принца, сколько для влюбленной продавщицы, — пока ты не продал Родину черт знает кому.

— Да кому она нужна, господи... — вяло огрызнулся Принц, но агент его не слушал. Он схватил его за ворот и поволок к двери, услужливо указанной Людкой.

И вдруг агент замер, прислушался, потом повернулся к толстухе:

— Слышала крик?

— Нет... — бойко ответила было та, но засомневалась, не желая выглядеть в глазах обожаемого ею мужчины тугой на ухо. Потом добавила: — Кажется...

— Нет, я точно слышал крик. Женский крик.

— Ах, это; — отмахнулась Людка с напускным легкомыслием, — бабы в поселке развлекаются. Затащили какого-нибудь мужика на сеновал и орут от счастья.

— Ну и развлечения у вас, — ужаснулся агент 0014, который много чего видел, но чтобы женщина пленила мужчину на сеновале и изводила его криками, которые во всей округе даже глухим спать мешают, с такими обычаями он не сталки-

вался даже в глухих дебрях низовья Амазонки. А там нравы у аборигенов еще те.

Он снова прислушался. Потом отрицательно мотнул головой:

— Не-е, так на сеновале не кричат. Даже если речь идет об этнических извращениях.

Он резво сунул Принца в темную каморку, запер на ключ, который тут же положил в один из многочисленных карманов жилета. Людка поджала губы, обидевшись на такое недоверие.

— Нужно проверить. — Агент замер. — Кажется, из леса доносится.

— Да будет тебе. — Продавщица тронула его локоть пухлыми пальчиками. — Что же мне, и магазин теперь не закрыть?

— Людмила, — агент обнял ее за плечи и проникновенно заглянул в глаза, — я объявляю это здание оперативным штабом. Иначе нельзя. Ты остаешься на посту. Это важное государственное задание.

Людка сначала обомлела, а потом с пониманием сказанных простых слов к ней вернулась давно забытая пионерская готовность к подвигу. По-детски чистая и наивная. Всепоглощающая от невозможности осознать требуемого от тебя и так тобой желаемого. Ей захотелось крикнуть: «Всегда готов!», но она сдержалась, вовремя оценив свой возраст и габариты.

— Подсобку охраняй. Там содержится государственный преступник. А я должен проверить, что это за крик.

— Это как-то связано с нашей операцией? — Людка перешла на шепот.

Агент 0014 расправил плечи и заявил:

— Я всегда делаю только то, что связано с операцией.

Затем он скользнул в окутавшую поселок ночь.

* * *

— Нет, ты подумай, как нам прет! — Винтик отхлебнул водку прямо из горлышка и с удовольствием крикнул. — В один день и деньги, и шмотки, и пистолеты, и машина. Еще и ларек оказался открытым! Я чувствую себя гребаной Золушкой.

— Главное, чтобы к утру все это не превратилось в тыкву, — проворчал Шпунтик, жадно косясь на ополовиненную бутылку в руках приятеля.

Винтик тоже оглядел бутылку со всех сторон, проверяя, не начался ли процесс превращения. Он остался доволен осмотром и снова хлебнул греющего душу напитка.

— Хорошо-о-о, — протянул он.

— Дай втянуть, а? — Шпунтик протянул трясущуюся руку. — Нет сил больше.

Теперь он вел машину.

— Если остановят, а ты пьяный за рулем? — съехидничал Винтик, но, глянув на алчно трясущегося друга, сжалился, отдал ему бутылку.

Тот с жадностью присосался к ней. А когда оторвался, глаза его подернулись хмельной поволокой. Он вздохнул и изрек:

— Все хорошо. Теперь самое время подумать о том, что нам делать дальше.

— Не уверен, что ты выбрал подходящее для этого время. — Винтик хмыкнул.

— Нужно начинать дело. Деньги должны работать, — упрямо продолжил Шпунтик.

— Это ты правильно сказал. Кто-то должен работать за нас, потому как самого меня хрен заставишь работать.

— Ты дурак. Деньги работают только тогда, когда дашь им ход. Понял?

— А сам-то ты понял, что сказал? — Винтик горестно покачал головой. — Нельзя было тебе читать ту книжку. Книжки тебе противопоказаны. Был ведь нормальный мужик, а теперь вона как у тебя крышу сдвинуло.

— Ты не прав. Нам нужно как-то зарабатывать на жизнь. Ведь тебе же нравится таскать пять тыщ баксов в кармане?

— При чем тут это?

— А при том, что хоть ты и ругаешь книжку под названием «Как заработать миллион и не помереть от счастья», я тебе скажу, что некоторые мысли в этой книжонке очень даже неплохие. Например, та, что, если удача кидает тебе в ладони пять тыщ баксов, умей их приумножить. Иначе прожрешь, и все. Не каждому такой шанс выпадает. Некоторые горбатятся всю жизнь, а больше сотни в руках за раз не мнут. А мы с тобой везунчики. Нужно это использовать.

Винтик хлебнул водки и вздохнул:

— Мне с тобой теперь очень тяжело. Что за прихоть такая, искать приключений на собственную задницу. Никогда я не пахал и пахать не буду. И плевать мне на удачу. Прожил без нее тридцать лет и еще столько же протяну. Подумаешь, пять тыщ баксов. Это еще не повод устраиваться на завод слесарем.

— Никто тебя туда и не тащит. — Шпунтик сплюнул в открытое окошко. — Я же говорю, нужно думать, как жить дальше.

— Слушай, — Винтик похлопал его по плечу, — выпей еще водки. Она лечит. Вот в прошлом году, помнишь, как меня пробрало с бабкиных огурцов, не слезал с толчка. А выпил пол-литра, и все как рукой сняло. Может, и от твоего бреда водка вылечит...

Желтые фары высветили жалко сгорбленный тщедушный силуэт на обочине. Силуэт стоял с призывно поднятой рукой.

— Кого носит по лесу в такую темень? — удивился Винтик.

— Может, грибник?

— Слушай, это, должно быть, какой-нибудь совершенно сдвинутый грибник, — усмехнулся Винтик.

— Тогда кто?

— Может, дачник?

— Дачники давно сидят по дачам.

— Может, этот за водкой ходил?

— Посмотри на него, его от одного запаха своротит. И выглядит, как глист в скафандре.

— Спорим, что за водкой ходил? — не унимался Винтик.

— Ну что, останавливаться, спрашивать? — вяло засомневался Шпунтик.

— А чего тебя ломает? Давай поспорим.

— Ладно, спорим баксов... — Шпунтик задумался.

— На твою тысячу, — быстро определил Винтик.

Шпунтик остановил машину, едва не наехав на Джефа, переминающегося на обочине.

— Ты кто? — крикнул ему из окна Винтик.

— Джеф, — оторопело ответил Джеф.

— Иностранец, что ли? — Винтик прищурился, разглядывая его.

— Почему иностранец? — удивился Джеф. — Я просто заблудился.

— Грибник? — решил уточнить Шпунтик.

— Да вы что, мужики! Дури обкурились? Говорю же, я заблудился.

— А чего ты вообще в лесу делаешь?

— От мочалок спасаюсь.

— От девок, что ли? — Винтик хохотнул с недоверием. — И много их у тебя?

— Я не считал. Голов тридцать, может, больше.

— И на кой ляд тебе столько? — Шпунтик прищелкнул и высунулся из окошка, чтобы получше разглядеть человека, за которым охотятся сразу тридцать особ женского пола. Ничего особенного он в Джефе не нашел, а потому разочарованно спросил: — Брешешь ведь?

— Ну, конечно. Именно для того я в лес и по-

тащился, чтобы вешать лапшу на уши проезжающим лохам, — обиженно прохрипел Джеф.

— Так на кой тебе было столько баб? — повторил вопрос Шпунтик.

— Вот и я говорил: на кой? — зло буркнул Джеф. — Это все Борис верещал: нужно больше, нужно больше. Я в этом лесу от двоих еле ноги унес, пришить хотели. А еще полсотни носятся, растоптать хотят. Нет, для меня теперь бабы — закрытая тема.

— Хочешь в гомики податься? — хохотнул Шпунтик.

— Для начала я хочу добраться до дому, принять ванну с лавандой и поужинать, — с достоинством, как подобает настоящему реперу, ответил Джеф. — Если подбросите до Москвы, заплачу сколько скажете.

— У тебя таких денег нет, — с достоинством, свойственным владельцу пяти тысяч долларов, ответил ему Шпунтик.

— У меня есть любые деньги. — Джеф распрямил плечи. — В пределах разумного, естественно.

«Откуда у мальчика деньги?» — усомнился Винтик, еще раз оглядывая парня с ног до головы.

— Ребята, — не выдержал тот, — ну, посмотрите на меня. Я же Джеф!

Вообще-то представляться, да еще так навязчиво, было не в его правилах. Жизнь научила его не сообщать людям ни своего имени, ни рода своих занятий. Обычно знакомство не доставляло ему удовольствия. Люди либо тут же начинали

клянчить автограф, либо заводили долгие беседы об отечественной эстраде, почему-то веруя, что он не только знает, но и с удовольствием расскажет любому встречному, сколько пластических операций сделала какая-нибудь попсовая прима за последние полгода. Это еще если люди нормальные попадались. А если встречались девицы, да еще те, которым не больше пятнадцати, — это же вообще караул. Сразу визжат и лезут щипаться.

Но сейчас у Джефа просто не осталось сил. Он так вымотался, блуждая по лесу, что готов был сочинить любую байку про любую эстрадную звезду, расписаться на чем угодно, хоть на голой заднице, и заплатить любые деньги, лишь бы его поскорее доставили домой. Однако его имя ничего странным парням в машине не разъяснило.

— И что с того, что ты какой-то там вонючка с иностранным именем? — прогнусавил Шпунтик. — Откуда нам знать, что у тебя есть деньги?

Джеф вздохнул и, с мольбой глянув на него, прохрипел:

— У вас что в машине играет?

Винтик озадаченно уставился на приемник, потом пожал плечами:

— Радио, кажется...

— Это же моя песня, — Джеф развел руками.

— Подожди... — Шпунтик почесал затылок. — Ты что, тот самый Джеф?

— Да, — он обреченно кивнул, предчувствуя просьбу дать автограф.

— А чо такой мелкий? — удивился Винтик.

— Болел в детстве, — проворчал репер.

— Да ладно тебе брехать, — не поверил Шпунтик. — Чем докажешь?

Делать было нечего. Джеф расставил ноги чуть на ширину плеч и по реперски вскинул руки так, как умел только он — словно посылал весь мир к черту.

— Ух ты! — с восхищенным удовлетворением выдохнул Шпунтик. — Сколько дашь, если до Москвы довезем?

— Ты же не сделаешь этого! — Винтик дернул его за руку: — Ты не можешь.

Шпунтик пнул его и, подмигнув, шепнул:

— Я же сказал, что мы должны зарабатывать.

— Извозом, что ли? — округлил глаза приятель. — Такого я даже от тебя не ожидал. Вот что книжки с нормальными людьми делают.

— Винт, — Шпунтик проникновенно взглянул на него, — я тебя никогда раньше об этом не просил. И больше не попрошу. Но сейчас это важно, поверь мне. Заткнись, ладно?

Винтик не был уверен в важности момента, но, глядя на друга, столь решительно настроенного заработать деньги нелегким трудом, решил не спорить. Уж очень возбужденным он выглядел. Так не выглядят, когда собираются всего лишь подвезти уставшего бродягу. Пускай и Джефа, пускай и до Москвы.

Шпунтик кивнул Джефу, и тот быстро залез на заднее сиденье «девятки».

* * *

Мотоцикл с ревом летел сквозь ночь, и сонные ветки хлестали агента 0014 по шлему. Сбавив скорость, он свернул на заброшенную трассу. По его мнению, жуткий крик доносился именно с нее. Вокруг ничего подозрительного не наблюдалось, если не считать неряшливо стоящей посреди дороги «девятки». Агент затормозил у машины. Несмотря на то, что она была пуста, в ней еще чувствовалось недавнее присутствие людей. Во-первых, горели габаритные огни, во-вторых, мотор не успел остыть, хоть и не работал.

— Эй! — громко позвал агент, оглядываясь по сторонам. — Чья машина?

Собственно говоря, он прекрасно знал, чья это машина. Согласно номерам, машина принадлежала Принцу. Однако почему она стоит посреди заброшенной дороги, в то время как ее владелец сидит в сельповской подсобке под бдительной охраной продавщицы Людки, агент понять не мог.

— Не идиот же он, оставить машину в лесу, чтобы пойти пешком спрашивать дорогу? — бубнил он себе под нос, огибая «девятку».

— Ку-ку! — разлилось по сонному лесу.

— Тут все наперекосяк, — обозлился агент, — кукушка ночью бодрствует, словно филин, бабы меж деревьев мотаются, как по подиуму. Дурдом какой-то!

На всякий случай он присел и оглянулся. Никого не увидел, открыл дверцу машины со сто-

роны водителя. Что-то во всем этом его настораживало. Понесся на душераздирающий женский крик, а прибыл к открытой машине с неостывшим мотором. В воздухе витал дымок только что совершенного злодеяния. Это агент нутром чувствовал. А душок этот агент не переносил. С него его тянуло совершить подвиг. За эти дурацкие порывы спасти кого угодно, даже если его об этом и не просят, агент себя ненавидел. Вот однажды на такой же крик ворвался в дряхлый сарай на берегу залива. Дело было в Ираке. Так потом пришлось драться с одной весьма рассвирепевшей от собственной стыдливости особой, а заодно с ее дружкой, бандой контрабандистов, оказавшихся так некстати поблизости, отрядом пограничной службы и чертовыми американскими «Морскими котиками», которых прислали на подавление конфликта спустя три минуты после его начала. В общем, когда все это скопом свалилось на голову агента, он предпочел уйти по-английски, вернее, по-самурайски (зарылся в горячий песок по самую макушку, как учили в школе ниндзя, и сидел так с трубочкой в зубах, чтобы не задохнуться, пока рассвирепевшая особа, которую агент так неосторожно накрыл за прелюбодейным занятием, не отметелила всех остальных, включая и собственного любовника). Об этом потом даже в газетах писали. Особенно америкашки расстарались. Раструбили: мол, знай наших. «Буря в пустыне!», «Буря в пустыне!». Саддама приплели. Он-то вообще во всей этой истории крайним оказался. Уж

как потом корил себя агент 0014 вместе с подполковником Стрельниковым. Черти в аду, наверное, перекрестились. И кто его звал в тот проклятый сарай? Тьфу! А все эта жажда навести справедливость и тупая уверенность, что раз кто-то кричит, значит, просит о помощи. Вот и сейчас, чего он поперся в лес, сам себе ответить не может. Однако тут дело позапутаннее иракского конфликта. Ну, хотя бы эта машина Принца. Как она оказалась посреди заброшенной дороги?

— Ку-ку! — снова разнеслось над головой. — Ку-ку...

— Ну, и сколько же мне жить осталось? — вяло поинтересовался агент 0014, продолжая осматривать «девятку».

— Недолго, — прохрипела кукушка человеческим голосом.

Если бы агент был простым мужиком, он бы вздрогнул от неожиданности. Но агент 0014, несмотря на пережитые за трудный день испытания, все еще оставался самим собой, а потому он лишь присел, изготовившись пантерой кинуться на засевшего в кустах врага. Впрочем, враг и не думал прятаться в лесу.

— Если не отойдешь от машины, пристрелю. — Кудрявый добавил еще парочку крутых выражений для убедительности и вышел на дорогу. Перед собой он торжественно нес пистолет, нацеленный в голову агента 0014. Агент усмехнулся, переведя взгляд с его широких бедер, обтянутых цветастым ситцем женского халатика, на дуло.

— Отойди от машины, брат мой, — проблеял Бека, вылезая из крапивы.

— Какой он тебе, на хрен, брат! — возмутился Кудрявый, бешено вращая глазами. — Посмотри на себя и на него. Вы похожи друг на друга, как мартышка на банан.

— Все люди братья, — Бека смиренно скосил глаза к переносице, — все мы дети божьи.

— Если бы у меня был такой сынок, — Кудрявый с презрением глянул на приятеля и сплюнул ему под ноги, — я бы застрелился. Бог твой, наверное, волосы на башке рвет от отчаяния.

— Бог всех любит, — с тихой уверенностью прогнусавил Бека.

Агент 0014 терпеливо ждал окончания перебранки. Даже зевнул.

— Вот посмотри на него. — Кудрявый повернулся к агенту. — Который час изводит меня своими бреднями. Терпеть его не могу. А пристрелить жалко. Убогий все-таки...

— Воздастся тебе за доброту, — процедил агент.

— О! — округлил глаза страдалец. — И этот туда же. Да что у меня за жизнь пошла паскудная! Одни блаженные кругом. А ну, скидывай портки! — Он ткнул дулом пистолета в агента.

— Зачем? — равнодушно поинтересовался тот.

— Ты снял, я надел, — счел нужным пояснить Кудрявый. — Думаешь, хорошо мотаться по лесу в этом... дерьме бабском. Были бы хоть шмотки приличные, а эти... — Он растянул полы халата,

обнажив волосатые ляжки. — Короче, скидывай портки, а то я за себя не ручаюсь!

Он дернул рукой, сжимающей пистолет.

— Бог все видит, — пискнул Бека.

— Ага, — кивнул Кудрявый, — ему только и дела до блаженного узбека в бабском халатике. Во все глаза пялится, налюбоваться не может.

— Ребята, вы либо нападайте, либо спорьте. — Агент 0014 шагнул в сторону от машины. — Что за безобразие, в самом деле. Выглядите, как приличные люди, а ведете себя, как придурки.

— Думаешь задобрить, — зло прищурился Кудрявый. — Нечего меня байками умасливать. Я знаю, что приличные люди так не выглядят. А раз мы выйдем, как полные придурки, то и вольны вести себя подобающим образом. Так что ты тут не разглагольствуй, а раздевайся. И поторапливайся, поскольку я так свыкся с ролью идиота, что понятия не имею, что сделаю в следующую минуту. Может статься, и на курок нажму. С идиотами такое случается.

— Не может быть! — Агент сделал еще один шагок в сторону. — Это сказочный лес какой-то! Только что думал об этом: девки тут как взбесившиеся нимфы носятся, мужики в халатах нападают. Тут даже кукушка ночью не спит. Что за гребаное Лукоморье?!

— Тоже мне Пушкин! — не внял ему Кудрявый. — Будешь ты раздеваться?

— Всенепременно! — С этим агент 0014 куль-

битом сиганул через капот «девятки» в сторону бандитов.

Перевернувшись в воздухе, он обрушился на них, сокрушив обоих одним ударом. Все произошло за считанные секунды, по прошествии которых оказалось, что Кудрявый с Бекой лежат у ног агента в бессознательном состоянии.

— Ну, вот и славно. — Он потер кадык, огляделся и, схватив Кудрявого под плечи, потащил к машине.

* * *

*До взрыва осталось
09 часов 02 минуты 10 секунд.*

Первое, что увидела Алиса, были маленькие, прищуренные глазки незнакомого мужика. Это потом, спустя минуту, она вспомнила, что перед ней на корточках сидит тот самый пассажир «Лексуса», который напал на них давеча на дороге. Физиономия мужика расплзалась в разные стороны, как ускользающий мираж. Алиса никак не могла сконцентрироваться. Моргнула пару раз, даже головой мотнула, чтобы мозги встали на место, но тут на веки ей навалила тяжелая боль.

— Эй, мы теряем ее! — мужик крикнул.

— Не стоило так сильно прикладываться. Нужно понимать, что девчонку бьешь. Я вообще удивляюсь, как она жива осталась, — раздалось откуда-

то сбоку. — Вон вторую ты, похоже, пришиб. Она и не дышит.

Страшный смысл сказанного дошел до Алисы, и она дернулась.

— Не-е-е, — протянул мужик, который сидел рядом, — эта в норме. Жить будет.

— Посмотри, что со второй, — снова донеслось сбоку. Тот, который сидел с Алисой, и не думал отходить. Принялся хлопать ее по щекам.

Она вспомнила, что в «Лексусе» было трое человек, так что тот, третий, наверное, сейчас лупит по щекам Лину. Сердце ее сжалось.

— Где сестра? — прохрипела она, с трудом разлепив сухие губы. — Где?

— У вас что, семейный подряд? — осведомился тот, что сидел с ней рядом.

Она снова приоткрыла глаза, пытаюсь разглядеть своего мучителя. Мужиком он был неприятным. «Все дело в глазах, — тут же решила Алиса. — От человека с такими въедливыми, как сверла, глазками можно чего угодно ожидать».

— Ну, чего пялишься, выздоровела, что ли? — мужик оскалился улыбкой.

— Лина, — прошептала Алиса.

— Ну, а меня можешь Сашей звать, — представился тот.

— Лина, — упрямо позвала она.

— Это не ее Лина зовут, а эту... прижмурившуюся, — отозвалось от соседнего дерева. — И кто тебя так лупить просил!

— Да они обе так орали, что рука сама садану-

ла, — попытался оправдаться тот, который назвался Сашей. — Разве мог я рассчитать. По силе децибелов, пожалуй, самолет на взлете превзошли.

— Вот и возись теперь с мертвяком, — проворчал тот, невидимый.

— Да что ты ноешь! — скривился убийца. — Одна-то в состоянии говорить. Ее и допросим.

Алису мелко затрясло. Чутье подсказывало ей, что мужики эти напали на них неспроста. Что они караулили на дороге именно их и теперь намереваются допрашивать, а может быть, и пытаться. Кстати, как там насчет «их»? Тут Алису затрясло посильнее. Тот, который ошиивается у дерева, совершенно уверенно заявил, что ее сестра — Лина — мертва!

— Лина! — хрипло крикнула Алиса. — Где Лина?!

— А ну замолчи! — мужик по имени Саша занес над ее головой здоровенный кулак.

— Только не вздумай ее лупить, — раздался сбоку голос третьего, который, судя по всему, заправлял в этой шайке. — Если и эту прикончишь, мы снова окажемся в тупике.

— Говори все, как есть, — гаркнул Саша в лицо Алисе, — выкладывай начистоту, а не то задушу вот этими руками!

Та сжалась в комок и тоненько запищала:

— Не знаю, что вы от меня хотите услышать, но я правда ни в чем не виновата. А то, что мы с Васькой в банковскую сеть залезли, так это неча-

янно, просто хотели реферат по экономике скачать, но мы же не хакеры, мы даже коды сломать не смогли. Просто счета видели, и все. И, честное слово, я ни одного не запомнила...

— Так, — протянул Саша, — приехали. Кто тебя спрашивал о каких-то банковских счетах? Плевал я на счета! Ты о деле говори. О нашем деле.

— Да я не знаю, что у вас за дела, — продолжала Алиса. — Ну, подсунула свою зачетку, когда препод собирался пятерку нашей ботаничке поставить. За это ведь не убивают. А то, что на первом курсе звонили про бомбу под актовым залом, так это не я, я даже не знаю, кто. И вообще, если бы вы знали нашего препода по статистике, вы бы поняли. Он же зверюга! Что бы вы сделали в день экзамена по статистике?! Вот вы точно бы настоящую бомбу заложили, лишь бы экзамен этот не сдавать. А еще я плюнула из окна на голову завуча и свалила все на утку из зоологического кабинета. Но это было в пятом классе, и меня все равно наказали...

— О боже! — Саша хлопнул себя по лбу.

— А кто просил тебя лупить ее с такой силой? — зашипел сбоку Иннокентий Валерианович.

— О! Вторая очухалась! — радостно крикнул шофер.

— Ну, слава богу, — вздохнул шеф. — Умирать им пока рано. Тащи ее сюда, будем их разом допрашивать.

Послышались возня и стоны. Алиса испуганно затихла. А в следующее мгновение на нее кинули вялое тело сестры. Лина охнула и, развернувшись, села рядом, как и Алиса, опершись лопатками о ствол дерева. Алиса сжала ее холодную ладонь и шепнула:

— Надо держаться. Они точно не маньяки, но все равно какие-то сумасшедшие.

— Так, — голос Лины был непривычно тихим и неуверенным, — давайте выясним, чего вы от нас хотите.

— Ха! — удивился шофер. — И они еще спрашивают!

И тут над ними навис человек весьма интеллигентной наружности. Сразу ни за что не скажешь, что бандит. Высокий лоб, тонкий нос, холеный подбородок с ямочкой. Словом, очень недурной типаж. А еще сестрам показалось, что они это лицо уже видели, и не один раз.

— Где тело, девочки? — мягко, словно желал спокойной ночи, спросил он.

— Тело? — выдохнула Лина.

— Тело, — кивнул импозантный красавец и душевно улыбнулся. — Так что вы скажете?

— Какое тело?

Алиса поняла, что Лина решила придерживаться принятого решения делать вид, что ни о каком теле в собственной машине они и слыхом не слыхивали.

— Тело, которое лежало в вашей «девятке», — терпеливо разъяснил Иннокентий Валерианович.

— Слушайте, это уже слишком! — вполне естественно возмутилась Лина. — Если бы в моей «девятке» лежало чье-то тело, я бы тут сейчас не сидела и всех бы этих приключений не хлебнула, а поехала бы сразу в милицию. Нет, никуда бы не поехала, а просто позвонила в милицию, потому что представить, как я сяду в машину, в которой лежит тело... Брр...

— Хорошо, — снова улыбнулся Иннокентий Валерианович. — Зайдем с другого конца: почему вы оказались в машине Принца?

— В чьей машине?

— Принца. — Он слегка побледнел.

— Вы ничего не путаете? — Лина прищурилась. — Вы уверены, что эта «девятка» действительно могла бы принадлежать принцу?

— Ну, ром-то там был вполне подходящий для принцев, — заметила Алиса.

— Эта «девятка» Принца, — слегка повысил голос Иннокентий Валерианович, покрываясь красными пятнами.

— Простите, какой страны принца? Вы меня извините, но человек с таким титулом вряд ли станет ездить на девятой модели волжского завода. Вот помните, к нам английская королева приезжала? Так она свой лимузин из Лондона привезла. Принц, конечно, не английская королева, но все-таки, я думаю, он имеет право рассчитывать хотя бы на «Мерседес». И потом...

— Молчать! — взревел Иннокентий Валерианович. — Молчать!

В наступившей тишине раздался сдавленный смешок шофера. Шеф медленно повернулся. Посопел в том направлении, потом строго глянул на сестер и тихо поинтересовался:

— Вам когда-нибудь ноги простреливали?

— Если вы так из-за принца обиделись, то ради бога, пускай это будет его «девятка». Я больше не спорю, — с неожиданной смелостью заявила Лина. Однако голос ее предательски дрожал.

— А пальцы ломали? — спокойно продолжил Иннокентий Валерианович.

— Да что вы в самом деле! — пискляво возмутилась Алиса. — Вы бы еще про разорванные ноздри припомнили. А у нас, между прочим, не 37-й год!

— Ты подумай, какие языкастые стервочки! — Косолапых сплюнул в сторону.

— Будете под дур косить? — Шеф распрямил спину, отчего показался сидящим на земле сестрам необыкновенно представительным и злоеющим. Как Мефистофель.

— Ничего, и не таких обламывали, — пообещал Саша.

— Ни под кого я не кошу, — Лина спрятала руки за спину, — я просто не понимаю, о чем вы.

— Но ответить, почему вы ехали в чужой машине, ты можешь? И заметь, раз я знаю, что это была не твоя машина, значит, я знаю и про все остальное. И про труп, и про сообщников. Все!

— Тогда что вам от нас нужно, раз вы все знаете? — удивилась Алиса.

— Да что с них спрашивать, — обозлился вдруг Косолапых, — как пить дать, они на Барышкина работают. Его организация. Почерк чувствуется.

— Ну вы же взрослые люди! — с отчаянием крикнула Лина. — Ведь это проще пареной репы! Мы пили колу в кафе, ждали Бычка, чтобы захватить его с собой. Мы собирались поехать к бабушке в Тулу. Но Бычок не пришел. Мы прождали час, а потом сели в машину и поехали. Потом вспомнили, что сумки свои сунули в багажник. А в сумках телефоны. Мы открыли багажник и увидели мертвого Бычка. Как он туда попал, мы понятия не имеем. Может быть, его ваш принц нам подсунул, а может, еще дурак какой. Ну, господа хорошие, откуда нам знать! Мы перепугались, хотели выехать из Москвы и выкинуть мертвого Бычка из багажника, потому что мы с ним договаривались везти его живым, а не мертвым. И умереть у меня в багажнике с его стороны форменное свинство. А потом мы заблудились в лесу, потому что хотели забраться в чащу, подальше от людей. А потом у нас угнали машину. Мы пошли в поселок, чтобы позвонить, а там дерутся и машина стоит открытая. Мы испугались, потому что только тогда поняли, что труп в багажнике просто так не появляется. Ну, и сели в чужую машину, чтобы поехать к родителям...

Саша вдруг скакнул к Лине, схватил ее за горло и заорал:

— А ну колись, стерва, иначе бошку откручу!

— Не тронь ее! — взвизгнула Алиса и, не

помня себя, полоснула ногтями по его небритой роже.

Косолапых с воем отлетел в темноту.

— Спасибо, — с чувством поблагодарила сестра.

— Ну вот, Александр Васильевич. Теперь тебя не только раздели и ствол отобрали, еще и рожу раскорябали, — хихикнул шофер.

— А ты не умничай, — оборвал его шеф, — иди сюда и продолжай допрос.

Шофер осторожно приблизился к дереву и присел. Но сидел на корточках нервно, ерзал, явно опасаясь нападения. Наверное, не очень ему хотелось получить такую же отметину на физиономии, какая теперь украшала щеку Косолапых.

— Ну-с, дорогие мои, — слащаво пропел Иннокентий Валерианович, — так мы когда-нибудь доберемся до сути?

— Хорошо, — сдалась Лина, — вы нам не верите.

— Ни единому слову, — кивнул шеф, — потому что ваш рассказ кажется мне полным бредом. О таком даже кино не снимают. Ну надо же, понятия они не имели, откуда у них труп в багажнике!

— Уговорили. Мы остановились на некоем принце, которого вы усадили в отечественную «девятку», — тихо напомнила Лина. — Но если для вас эта тема неприятна, давайте поговорим о другом. Например, о том, когда вы нас отпустите.

— Об этом говорить пока рано, — шеф потер переносицу. — Если опять начнете притворяться,

будто не знаете, кто такой Принц, то мы вообще вряд ли о чем-нибудь договоримся.

— Но я правда не знаю никакого принца! — Алиса принялась было хныкать, но, получив тычок в бок от сестры, всхлипнула и замолкла, предоставив ей поле для фантазии.

Чем та не преминула воспользоваться.

— Ладно, мы действительно работаем на Барышкина. — Она изобразила на лице мучительную борьбу между долгом и желанием выжить. В конце концов победило последнее. — В банде.

«Ну мы и попали! — подумала Лина. — А ведь возьмут и примут за своих, то есть за бандиток. Ну и ну... Мы в банде. А в банде только девушки...»

— А! — раздалось из темноты. — Что я говорил?!

К ним подскочил Саша:

— И как же все удумали, гаденыши?

— Не стоит называть господина Барышкина гаденышем, — поправила его Лина. — Он этого не заслуживает.

— Это как поглядеть, — снова хохотнул шофер.

Алиса пожала плечами:

— Человек, который придумал и осуществил столь смелую операцию, вряд ли заслуживает эпитета «гаденыш».

— А я и не про него, — обозлился Саша, — я про вас и ваших сообщников, которых когда достану, я... — Он набрал в легкие побольше воздуха и выпалил: — Я с них шкуру сдеру!

— Охолонись! — рявкнул Иннокентий Валерианович и снова обратился к сестрам: — Продолжайте.

— Ну, давай. Ты у нас мастер на эти дела, — Лина снова пихнула сестру в бок. Шеф и его помощники вряд ли поняли, что она имела в виду, говоря про «мастера». А Алиса, конечно, поняла. Только она умела сочинить байку за считанные секунды, да такую, которая похожа на правду больше, чем сама правда. А что поделаешь, большой опыт опозданий на лекции. Тут ведь одной бабушкой, переведенной через дорогу, не обойдешься.

— Значит, так... — она нахмурилась. — Принц ехал за нами в своей «девятке». Гм...

— Но ведь он орал на своих идиотов за то, что те сунули труп в вашу машину, — озадаченно проговорил Косолапых.

— А это потому, что Принц никакого отношения к делу не имеет. Его идиоты работают на Барышкина, вот и все. Принц приказал им сгрузить тело в свою машину и вывезти за город. Он же не знал, что тело это такое важное. Ну, а мы просто подогнали свою вовремя. Потом идиоты Принца сунули груз в багажник, и мы поехали.

— Все равно не понимаю, — удивился Иннокентий Валерианович. — Чего же он за вами погнался?

— Ну... так ведь и было задумано. Это же тонкая штука — психология. Господин Барышкин все точно рассчитал, мол, Принц, как узнает, что

тело сунули в чужую машину, захочет догнать. Он ведь не понимает, что груз нарочно увезли, а думает, что мы простые лохушки, которые, обнаружив труп в собственной машине, кинутся в милицию. Ну, и те сразу на него выйдут.

— Уж лучше бы мы были простыми лохушками, — тихо проворчала Лина. — Как-то неуютно я себя чувствую в шкуре продвинутой девицы.

— А зачем Барышкину нужна эта погоня?

— Как? А подстраховка?! — Алиса округлила глаза, давая шефу понять, что он сморозил глупость. — Дело-то рискованное. Пока мы до леса бы добрались. Господин Барышкин понимал, что вы можете за нами погнаться. Правда, обещал, что вы не так расторопны. Вот в этом он ошибся.

— Еще бы! — пробасил польщенный Косолапых.

— А дальше? — на Иннокентия Валериановича грубая лесть не произвела никакого впечатления.

— Дальше идиоты Принца сдали самого Принца и смылись. Ну, перед этим мы совершили обмен машинами.

— Так, и где теперь ваша «девятка»?

Алиса пожала плечами:

— Наше дело было доставить машину до леса. Дальше господин Барышкин нам рисковать ни за что бы не позволил. Да он в это дело и не втравил бы нас, если бы знал, как все обернется. Вот она, — она кивнула на Лину, — она же его девушка!

Лина икнула и нехорошо покосилась на сестру.

— Барышкин ваш — полный придурок, если пустил в дело собственную кралю, — прошипел Косолапых.

— Так ведь дело того стоило. Дело серьезное, допускают только своих. Я, между прочим, тоже ему не чужая, а племянница.

— Это похоже на Барышкина, — задумчиво изрек Иннокентий Валерианович. — Подозрительный он, гад.

— Нет, ну как все продумал, а? — зло восхитился Саша.

— Ага, — снова хохотнул шофер, — только нас не учел.

— Ты сказала, что Принца сдали, — напомнил шеф. — Кому?

— Агенту Барышкина, разумеется, — не моргнув, ответила Алиса. — У него же в этом лесу целый батальон. Теперь пытаются Принца в сельпо, не узнал ли он чего, пока ехал в машине со своими идиотами. Ну, на предмет, может, они проговорились. Они хоть и купленные с потрохами, а все равно идиоты. Могли ляпнуть что-нибудь при нем.

— Господи, чего его допрашивать. Прикончили бы, и все, — изумился Косолапых, — хоть одной мразью меньше.

— Не-ет, — зловредно протянула Алиса, — у господина Барышкина с Принцем свои дела. Вы его просто не знаете. А он человек не такой уж и никчемный. Он связи обеспечивает.

— Принц?! Связи?! — возмутился Косолапых. Алиса снова пожала плечами:

— Я же говорю, что ничего вы про него не знаете. Убить его — больше лишиться, нежели приобрести.

— Погоди-ка, — Иннокентий Валерианович подергал свой аристократический нос. — Выходит, знать о том, где находится машина, может только Принц, который сейчас в сельпо? Кстати, а почему в сельпо-то?

— Они там вроде базы устроили. В общем, окопались. Место стратегически выгодное.

— Точно! — шофер хлопнул себя по лбу. — Я говорил, что все дороги ведут в Иванцы. Ну Барышкин, ну стратег!

— То-то они распоясались в лесу. Людей раздевают! — погрустнел Косолапых. — Надо же, штаб устроили. А мы, получается, торчим на вражеской территории? — Он оглянулся по сторонам, видимо, ожидая найти в ближайших кустах засаду.

— Так! — Иннокентий Валерианович приосанился. — Хватит время терять. Нужно подбираться к этому сельпо.

Он повернулся к Косолапых:

— Девчонок береги, как собственную задницу.

— Не стал бы я делать таких сравнений. Особенно после его выхода из леса, — усмехнулся зловредный шофер.

— Чего?! — Косолапых скорчил презрительную гримасу и шагнул в его сторону.

— Без глупостей! — прикрикнул шеф, потом подобрел немного, похлопал Сашу по плечу: — Когда все закончится, я отдам тебе его. И можешь свернуть ему башку, если захочешь. А сейчас береги девчонок. Они — наша единственная надежда на возвращение потерянного. — Он кивнул шоферу. — Свяжи их пока.

Тот не без удовольствия принялся исполнять приказ и так скрутил сестрам локти и лодыжки, что те взвыли.

— Поаккуратнее! Понимай, с кем дело имеешь, — напомнил ему Иннокентий Валерианович. — Если войну с Барышкиным развязывать, то не из-за двух же дурах. Это было бы несерьезно.

Он вытащил из кармана пиджака мобильник и принялся давить на кнопки, приговаривая:

— Нам теперь без подкрепления не обойтись. Трое в эпицентре барышкинской группировки — шутка ли. Ну приятель, ну хитер, ворюга паскудная! Алло! Коля? Бери ребят и выезжай к Иванцам. А я не просил рассказывать мне, какая это дыра! Сам вижу! Я говорю, выезжай. Потому что нужен ты здесь, дурак! Да... всех ребят бери, и с полным вооружением. И чтоб через час, больше не продержимся. Да, все именно так серьезно.

Он отключил телефон и глянул на связанных сестер. Видимо, остался доволен результатом, даже улыбнулся как-то умиротворенно. Еще бы, девчонки и пошевелиться не могли. Шофер постарался на славу. Потом шеф кивнул Косолапых:

— Мобильный при тебе?

— С чего бы ему иметь мобильный? — весело удивился шофер. — В последний раз, как он пописал, он даже без трусов остался. Здорово парня пробрало, да?

— Я телефон в машине оставлял! — сквозь зубы процедил Саша.

— Тогда будем держать связь.

С этим Иннокентий Валерианович растворился в тенях деревьев. Шофер, подмигнув Саше, скользнул за ним. А Косолапых разразился долгим шипением, из которого явственно слышались лишь предлоги «в» и «на».

* * *

— Мать, дай водички... дай водички, мать твою... — скулил в подсобке Принц.

Поначалу Людка, движимая порывом сострадания к арестанту, хотела было пожертвовать для него бутылку «Колокольчика», но, подойдя к запертой двери, содрогнулась и отступила.

«А что, если жажда только предлог, чтобы обмануть доверчивую женщину? — подумала она. — Что, если я открою дверь, а он возьмет да и сбежит? И меня уколошит? А у меня ведь жизнь только начинается...»

Перед ее глазами предстал красивый образ белокурого борца за справедливость и порядок (именно так она называла про себя агента 0014, что в принципе вполне соответствовало правде).

Людка мечтательно вздохнула и ласково пропела:

— Хрен тебе, а не попить. Стану я рисковать ради такого дерьма.

— Ах ты, ведьма многожирая! — изысканно обозвал ее арестант. — Чтоб ты подавилась, чтоб зубы у тебя повыпадали... — Он набрал в легкие побольше воздуха и истерично крикнул самое обидное, что смог придумать: — Чтоб ты потолстела еще на двадцать кило!

Людка набычилась, плюнула на дверь, потом пнула ее со всей силы.

Дверь подозрительно «крякнула». Продавщица в испуге отскочила в сторону, чтобы больше не подвергаться искушению пинать дряхлую дверь. В порыве гнева она как-то забыла, что находится в сельпо и что все здесь, включая и эту чертову дверь, существует со времен царя Гороха.

— Ну ты, жиртрест! — хохотнул Принц, намеренно желая вывести женщину из терпения. — Бройлерная свинья! Ты на себя давно в зеркало любовалась? А ты приглядишься, если, конечно, сможешь вытащить свои глазки из щек.

Людка заскрипела зубами, но, схватившись за край прилавка, удержала себя на месте. Только процедила:

— Вот придет... — Тут она запнулась, поняв, что не знает имени мужчины своей мечты.

— И что? — издевался за дверью Принц.

— Он тебе зубы проредит. — Людка раздула ноздри.

— Уж не за тебя ли, красавица?

— За всех! — Ее пальцы впились в прилавок.

— Ага. А особенно за такую перебродившую сивуху, как ты! Ты что себе там навоображала, мать сотни поросят, что такой видный блондин полезет драться из-за тебя?! Я же говорю, в зеркало-то посмотри!

— Заткнись! — рявкнула Людка, глотая слезы. — Заткнись ты лучше!

— С чего бы мне затыкаться? — вяло, но громко отозвался Принц. — Я ж правду говорю. Я тебя как увидел, так на полгода всякое мужское желание потерял. Уж лучше бы я и не заходил в твой вонючий магазин. А что до твоего горячего финского парня, так он сбежал, милая. Крик в лесу! Ха-ха-ха! Стандартный трюк, чтобы отвязаться от прилипчивой уродины. А ты-то свои губищи красной дорожкой раскатала! Ха! Да ты не печалься, это ж сразу понятно, кто он, а кто ты. У него девах с длинными ногами больше, чем у тебя волос под мышкой.

— Заткнись! — горячая слеза скатилась по Людкиной щеке. — Заткнись, иначе я за себя не ручаюсь!

Принц потер руки и с энтузиазмом продолжил:

— Тебе бы по своему...гм... уровню парня найти. Ну, где-нибудь в местной тусовке. Зацепи тракториста или лучше... скотника. А знаешь, хорошая пара получится: скотник и его толстенная

свинья. И тебе хорошо будет: скотник ведь знает, как со скотом обращаться!

— А-а! — сиреной взревела Людка и, презрев осторожность, ринулась к ненавистой двери.

Амбарный замок, запиравший ее, отлетел на добрых три метра и брякнул под подоконником, но Людка этого уже не слышала. Рывком она открыла дверь, и прежде, чем Принц успел что-то сообразить, двинула ему кулаком промеж нахальных глазенок. Он даже не пикнул, а рухнул мешком на пол, где и застыл.

— Гаденыш! — прошипела продавщица, пиная ногами беззвучное тело. — Сам свинья, тушенка тухлая, падаль...

Захлебываясь самыми грязными и изысканными ругательствами, которые только приходили в голову, разгневанная женщина лупила своего обидчика. Так, наверное, продолжалось бы довольно долго, может быть, до самого утра, и в этом случае от Принца бы мало что осталось. Но тут Людкины плечи обхватили сильные мужские руки и потянули ее, не в обиду будь сказано, упитанное тело вон из подсобки.

— Мразь, дрянь, падаль подзаборная, алкаш хренов! — неистово тараторила Людка, стараясь вырваться из чужих объятий и вернуться к прерванному занятию.

Сильные мужские руки попытались объять ее талию, но поскольку это было невозможно, то ухватились за шею и прижали головой к мощной мужской груди.

— Успокойся, успокойся, — зашептал агент 0014, глядя ее по всклокоченным волосам. — Ну, что еще стряслось?

— Ты?! — Она подняла заплаканное лицо с болезненно красными щеками. — Ты вернулся?

— Да. — Он улыбнулся ей улыбкой, способной вывести из строя промышленный рефрижератор.

— Ох... — Людка упала лбом на его плечо и захлюпала.

Плечи ее сотрясались с такой неистовой силой, что шаткие половицы под ее ногами жалобно заскрипели и агент 0014 едва сохранил равновесие.

— А я новых приволок, — торжественно, словно охотник, вернувшийся с промысла, объявил он, чтобы как-то разрядить слезливую атмосферу, — ты их знаешь.

Людка глянула на сваленных в кучу все еще недвижимых Кудрявого и Беку и всхлипнула:

— Господи-святые! А этих-то бандитов ты зачем приволок?

— Ну, они ведь только с пистолетом бандиты, — легкомысленно отмахнулся агент, — а так просто животные. Представляешь, хотели меня ограбить.

Людка улыбнулась ему и, закрыв глаза, произнесла:

— Какой же ты герой!

Судя по легкому румянцу, тронувшему щеки агента, похвала пришлась ему по душе, однако, обладая изрядной скромностью, столь приличест-

вующей сильным и смелым, он смутился и буркнул под нос:

— Да какой там герой, право слово. Геройство: двух сопляков уложить...

— Нет-нет, не отпирайся! Ты действительно герой, — жарко заспорила продавщица, все еще не открывая глаз.

А когда все-таки разомкнула веки, его уже не было рядом. Он с мальчишеской прытью подскочил к подручным Принца и с задором спросил:

— И куда же нам их пристроить?

Людка, разочарованная столь внезапной кончиной романтической сцены, вяло пожала плечами.

— В подсобку нельзя, — сказал Агент, оглядывая торговый зал сельпо. — Они ведь выйдут когда-нибудь из спячки. Дверь хлипкая, втроем они ее одолеют.

— Ну... — растерянно протянула она. — ...у меня же все-таки магазин, а не КПЗ.

— Ага! — обрадованно воскликнул агент, вытаскивая из кармана жилета наручники. — Мы их сейчас прикуем к чему-нибудь.

— Это к чему, интересно? — забеспокоилась продавщица.

— А вот смотри, какая симпатичная стойка с халатиками, — агент ей подмигнул, — как раз в гамму.

— Так что это получится: покупатели и халат у меня купить не смогут?

— А давно в последний раз покупали? — Агент удивленно вскинул брови, оглядывая жалкий ас-

сортимент женской одежды, висящей на означенной стойке.

— Да в прошлом году, кажется... Бабка Рая приобрела... — Она вздохнула и добавила: — Покойница...

— Ну, в таком прет-а-порте действительно очокуриться можно со страху. Как глянешь на себя в зеркало в эдаком прикиде, и все! — Агент провел ребром ладони по шее и усмехнулся.

— Да, молодежь нынче за шмотками на рынок ходит. Валька косоглазая так только там и одевается.

— Бедные вы, — вздохнул агент.

— Не все, — с достоинством буркнула Людка и распрямила плечи.

— Ну, в общем... — Он не знал, что на это ответить. Социальные темы всегда заводили его в тупик. Поэтому он решил, что лучше займется делом. А потому перетащил тела Кудрявого и Беки к стойке и с ловкостью киношного полисмена пристегнул наручниками к железному остову.

— Все, теперь никуда не денутся, — довольно оглядывая плоды своего труда, возвестил агент.

Он вытер вспотевший лоб ладонью, и вдруг Людке показалось, что он посмотрел на нее как-то странно. Она поняла, что настал решающий ее судьбу момент. Припадая на обе ноги, продавщица посеменила к мужчине своей мечты.

Увидав такое, агент неестественно дернулся к окну, но, взяв себя в руки, распрямил плечи. Люд-

ка сокращала расстояние с каждой секундой. Агент икнул, пискнул: «Только позвоню!» — и метнулся к телефонному аппарату, изображая ужасную занятость.

* * *

Джеф снова посмотрел в окошко. На сей раз уже с тревогой. Они ехали добрых полчаса и по всем здравым рассуждениям давно должны были попасть на какую-нибудь бетонную магистраль. Однако вместо этого все глубже забирались в ночной лес.

— Эй, парни, — позвал он, — а куда мы едем?

— В Москву, как заказывал, — весело отозвался Шпунтик.

— А почему по лесу? — почему-то не на шутку забеспокоился Джеф.

— Так короче. — Шпунтик довольно усмехнулся.

Винтик повернулся к пассажиру и красноречиво пожал плечами.

Тот замер, ожидая чего-то очень нехорошего.

— Ты нам лучше Расскажи пока, много певцы зарабатывают? — спросил Шпунтик.

— Кто как... — Со страху Джеф едва ворочал деревянным языком.

— И кто как?

— Ну, не знаю... «Звезды» очень много, а те, кто по мелочи... в общем, по-всякому.

Разговор как-то не клеился.

— А ты много? — настаивал Шпунтик.

Джеф вырос в приличной, даже интеллигентной семье, во всяком случае, по линии матери, а потому не мог не ответить на обращенный к нему вопрос. Он вздохнул:

— Я же не певец. Я — репер.

— А какая, хрен, разница? — удивился Шпунтик. — На сцене же торчишь, концерты даешь, значит, певец. Не танцор же и не юморист.

Джеф не был воспитан настолько хорошо, чтобы пуститься в просветительскую беседу (все-таки по линии отца не все в роду были достаточно интеллигентны), а потому пропустил обидное смешение репа и попсы и просто ответил:

— Тысяч пять за концерт.

— Да ну! — удивился Винтик. — Потоптался, покряхтел — и пять штук?!

— Не совсем так. — Джеф решил проглотить и эту обиду. Все-таки лес кругом темный, их двое, он один. В таком положении лучше не вступать в опасные споры. — Нужно написать программу, отработать ее и вокалом, и с подтанцовкой. Еще аранжировщикам бабок отвалить, так что труд и вложения тоже немаленькие. Это из зрительного зала кажется, что человеку на сцене все просто дается. А на самом деле очень тяжело.

— Не понимаю, — изумился Шпунтик. — Нет, я еще могу понять, зачем там «Любэ» или даже Алла Пугачева столько сил прикладывают. У них хоть получается хорошо. Музыка какая-никакая, песни. В общем, двигают культуру.

— Это ты загнул! — возмутился Винтик. — «Любэ» не никакую музыку пишут, а самую что ни на есть какую!

— Сейчас не об этом! — оборвал его приятель. — Я про то, что люди, у которых получается, не зря трудятся, а ты-то зачем пашешь. Ведь все равно хрипишь и топчешься, как ни утруждай себя. Это значит, не получается у тебя ни хрена. И чего зря стараться?

Джефа перекосило. От подобных зрительских мнений его с самого начала ограждали, а потому ничего подобного он и не слышал никогда. Обида застыла в горле раскаленным куском. Он поперхнулся ей и прошептал:

— Многим же нравится.

— Кому? Девкам молодым да пацанятам? — брезгливо скривился Шпунтик.

— А чего они, не люди? — защитил своих поклонников репер.

— Какие же они люди? — искренне не понял Шпунтик и пояснил: — Они же просто недомерки.

— Они люди будущего, — с достоинством, защищая все свое поколение ответил Джеф.

— Хорошенькое у нас будущее. — Шпунтик сплюнул в открытое окошко. — Что же вы сможете сделать, если уже сейчас хрипите и топчетесь?

Джеф тоскливо посмотрел на него. Такие разговоры были ему хорошо знакомы. Каждый вечер мать его этим самым донимала.

— Мы будем просто жить, — уверенно ответил он, — по возможности счастливо. И не мешать

друг другу. И терпеливо принимать то, что нравится хотя бы одному из нас, потому что каждый человек — это личность. Люди не стадо, которому нравится одно и то же. А если одному нравится хрипеть и топтаться, а другим нравится это смотреть и слушать, значит, в жизни этому должно быть место. Разве не так? — Отчасти красноречие Джефа усиливал тот факт, что машина наконец выбралась из леса на открытую дорогу и устремилась прямо на редкие огоньки окон.

— Да ты философ, как я погляжу, — процедил Шпунтик. — А куда денется твоя философия, если тебе деньги перестанут платить?

— В нашей жизни спрос диктует предложение. Обычная рыночная система, — пояснил репер. — Не будут платить, найду себе другой заработок. А песни станут моим хобби.

— Ну, а пока твои песни не перешли в разряд твоих хобби, — Шпунтик нехорошо усмехнулся и перескочил на деловой тон, — ты богат.

— Достаточно, — кивнул Джеф.

— Это хорошо, — одобрил Шпунтик.

— Да, в общем-то, не жалуюсь...

— Делиться любишь? — осведомился Шпунтик.

— Смотря с кем.

— Значит, не любишь делиться. А придется.

— В каком смысле?

Винтик снова повернулся к нему и многозначительно пожал плечами: мол, сам ничего не понимаю, приятель.

— Отстегнешь нам пару сотен тысяч.

— Сколько?! — Джеф аж подпрыгнул на сиденье. — Ну вы, ребята, загнули. К тому же мы еще не доехали до Москвы, чтобы торговаться.

Машина как раз въезжала в дачный поселок.

— Кто сказал, что мы собираемся торговаться? — удивился Шпунтик и, повернувшись к Винтику, повторил вопрос: — Мы собираемся торговаться?

Тот изобразил на физиономии полное недоумение, а вдобавок еще и руками развел.

— Вот, торговаться мы не собираемся, — констатировал Шпунтик. — К тому же кто сказал, что мы едем в Москву?

— Но вы же... — Зубы у Джефа предательски заклацали.

Клацнули зубы, под ребрами сжалось.

Смерть моя близко, не нужно, пожалуйста...

Тут же родилось в голове.

Джеф непроизвольно поморщился оттого, что от строчек явно несло попой.

Шпунтик увидел это в зеркало заднего вида и усмехнулся:

— Что, не нравится?

— Не нравится что? — решил уточнить репер.

— Место не нравится? — Шпунтик кивнул на неопрятные домишки, стоявшие вдоль колдобистой дороги, по которой они ехали.

— Это не Москва, — ответил Джеф.

— Ясное дело, — уверил его Шпунтик. — Но все равно мы уже приехали.

— Не понял?

— Допустим, ты должен нам за поездку в Москву пять сотен тысяч долларов. Ты же сказал, что заплатишь любую сумму, какую мы запросим, — ласково пояснил Шпунтик. — Таких денег у тебя при себе, разумеется, нет. Мы же рады бы тебя довезти до Москвы, да уж больно мы недоверчивые, понимаешь. Ведь как бывает, докинешь человека до дому, он побожится, что вынесет деньги, а потом в подъезд шасть — и ищи его свищи. Вот потому ты позвонишь домой, тебе привезут деньги, ты нам их отдашь, ну а мы с радостью отвезем тебя куда нужно. Правда, Винт?

Винтик зачарованно кивнул, в который раз за этот день дивясь уму и красноречию своего приятеля.

Зато Джеф не разделил его восхищения. Он насупился:

— Что-то я не понял...

— Это очень просто. — Шпунтик подмигнул ему в зеркале. — Пятьсот тысяч баксов, то есть пол-лимона, носят в большом железном кейсе, а руки у тебя пустые. Кейса я не вижу, значит, и денег таких при тебе нет.

— Это мне как раз понятно. Я не понял про остальное. Вы что же, берете меня в заложники?!

— Ага! — радостно улыбаясь, кивнул ему Винтик, до которого наконец дошел смысл всего сказанного.

— Но это же дикость какая-то! — возмутился репер.

— Кому дикость, а кому стабильный доход, — рассудил Шпунтик.

Он въехал в покосившиеся раскрытые ворота, за которыми стоял очень старый, по большей части облупленный дом, заглушил мотор, повернулся к перепуганному Джефу и одарил его лучезарной улыбкой.

* * *

Генерал Авоськин шумно допил пятый стакан чая и выдохнул горячим паром. Подполковник Стрельников отвернулся к окну, незаметно поморщившись. Он не первый год служил под началом генерала, прекрасно знал, что мыслительный процесс Авоськина всегда выражается в громко причмокивающем распитии горячего чая, тем не менее не смог справиться с собой. Слушать это хлюпанье ему было неприятно.

«Салага!» — отстраненно подумал Авоськин, все равно заметив гримасу подчиненного.

— Фью-ить... — Он блаженно зажмурился, но быстро вышел из сладостного посапывания и деловито спросил: — Итак, что мы имеем?

Стрельников отвернулся от окна и уставился в противоположную стену. Час назад он уже признался себе, что начал потихоньку тупеть. Как ни крути, а вторые сутки пошли без сна и какого-либо отдыха. И все без толку. Тело не найдено.

— Понятно, — изрек Авоськин, кинув косой

взгляд на подчиненного. — Есть вести от агента 0014?

— Он начал действовать, — туманно доложил подполковник.

— И в чем это выражается?

— Пока не знаю. Но в чем-нибудь, да должно наконец выразиться. — Стрельников почувствовал легкое раздражение, скорее всего от усталости.

— А... — неопределенно протянул Авоськин и усмехнулся: — Мало того, что он спутал нам карты в пяти странах, окончательно испортил отношения с Ираком, чуть было не развязал войну с США, так теперь еще половину родины разнесет к чертовой матери. А что еще можно ожидать от мужика с женской грудью!

— У него уже нет женской груди! — буркнул Стрельников.

— Тем хуже для него. С грудью у него хоть шансы были...

— Как это?

— Да бес его знает, как, но из всех передряг первыми вытаскивают седых и грудастых. Ну, еще малолетних. Только за малолетнего твой 0014 вряд ли сойдет.

— Может, пора послать отряд в этот район?

— Не-е-е, — помотал головой Авоськин, — рановато. Я вот что тебе скажу. По-моему, четырнадцать — это несчастливое число. Я много думал об этом. Не дюжина, не чертова дюжина, еще не уверенная «пятнашка», а так, что-то невразу-

мительное. Подростковое какое-то... И у меня зародилось подозрение...

Какое подозрение зародилось в мудрой голове начальника, Стрельников так и не узнал, потому что зазвонил телефон экстренной связи. Да зазвонил так, что вздрогнул и сам генерал, и подчиненный, и все те, кто в этот момент припали ушами к наушникам, дабы узнать, какие тайны скрываются за толстыми стенами этого кабинета.

— Алло, — сухо ответил в трубку Авоськин и вдруг вскочил, словно его стул снизу проткнули здоровенной иглой и она впиалась в мягкое место генерала по самое ушко. — Как?! — нервно крикнул он. — Что?! Нет!

Он кинул трубку на рычаг, рухнул обратно на стул и, обхватив голову руками, еле слышно прошепел:

— Вот и все!

— Не понял? — Стрельников нагнулся почти подобострастно.

— Чего же тут непонятного? — тускло ответил ему генерал. — Счетчик-то, оказывается, работает. С того самого выстрела и работает. Так что жить нам всем осталось не более восьми часов.

Он повернул болезненно искривленное лицо к Стрельникову:

— У тебя грудь есть?

— Да будет вам, — возмутился тот. — Что вы зациклились на груди-то!

— Очень советую занять, — вполне серьезно

изрек Авоськин. — Помни, при таких делах спасают только детей, стариков и грудастых.

— Может, все-таки послать подкрепление в квадрат «26»?

— Тихо. — При упоминании точного места операции испуганно зашипел на него начальник, а потом махнул рукой, мол, чего уж теперь, и молвил: — Валяй.

Стрельников схватил трубку телефона внутренней связи и принялся отчаянно молотить по рычагу.

— Ищите, ищите эту чертову «девятку», — ныл Авоськин, слабонервно упав щекой на стол.

— Алло! База! — кричал в телефон Стрельников. — Срочно отряд спецназа в квадрат «26». Да, тот самый, с центром в селе Иванцы. Да! Все, что можно: людей, боеприпасы, технику и робота по обезвреживанию. Вы что там, совсем мозги пропили?! Какой, к этой матери, плановый техосмотр?! У нас военная операция. А мне плевать! Найди мне робота где хочешь!

* * *

— Ну посмотри, Шпунт! — Винтик показал на крепко привязанного к стулу Джефа. — Как думаешь, кляп нужно вставлять?

— Парни, — слабым голосом позвал репер, — не нужно кляпа. Тут что кричи, что не кричи. Я ж нормальный человек. Я понимаю.

— Ладно, — великодушно согласился Шпунтик. — Не нужно ему кляп пихать.

Он почесал всклокоченный затылок:

— Что теперь делать-то, а?

— Ну, как... — Винтик тоже почесал затылок. — Обычно в таких случаях звонят кому-нибудь и деньги требуют.

— Это-то я понимаю. Только вот кому звонить и откуда? — Шпунтик повернулся к Джефу: — Ты ведь крутой?

Тот пожал плечами.

— Раз «звезда», значит, крутой, — заявил Шпунтик, — значит, у тебя должен быть мобильник.

— Нету у меня ни хрена! — буркнул репер.

— Врет, — предположил Винтик, — нужно его обыскать.

— Ищите, ищите, — усмехнулся Джеф. — Очень нужно мне телефон от вас прятать. Можно подумать, я тут до конца века сидеть собираюсь. Был бы телефон, стал бы я ловить машину в лесу, а? Нет у меня трубы. Я же клип снимал. Телефон оставил в вагончике.

— И где этот вагончик? — поинтересовался Шпунтик.

— Смеетесь! Я понятия не имею, в какой области нахожусь. Вагончик! Ха!

— Ладно. — Шпунтик погрузил обе руки в косматую шевелюру. — Что-то нужно придумать...

— А чо тут думать, — Винтик пожал плечами, — идти нужно к Людке в ее магазин.

— С ума сошел! Рассвет скоро, она его еще вечером закрыла.

— Не-а, — Винтик подмигнул, — мы мимо проезжали, помнишь? Все окна горели. Какие-то у нее там шашни.

— Слушай, я не хочу напороться на чьи-то шашни, тем более на Людкины. Ты же знаешь, какая она стерва.

— Да, — погрустнел Винтик, — стерва еще та. Всем известно. Но делать нечего. Если только на машине опять до дороги съездить...

— И где там телефон? — изумился Шпунтик.

— Ну... у каждого поста ГАИ обязательно должен быть телефон, — принялся рассуждать Винтик.

Но Шпунтик не дал ему закончить мысль.

— Совсем рехнулся! — раздраженно крикнул он. — ГАИ! Это же не наша машина! Может, сразу в отделение милиции поедем? А что, попросим позвонить. И начнем прямо в кабинете у опера выкуп требовать. Даже, может быть, забавно получится.

Оба захихикали. Когда успокоились, погрустнели. Винтик вытащил из принесенной сумки бутылку водки. Откупорил, приложился к горлышку, потом передал приятелю. Тот тоже глотнул, глянул на несчастного Джефа, предложил:

— Хочешь?

— Не, — тот замотал головой, — я не пью.

— Что, совсем? — удивился Винтик. — Вот бе-
долага. Язвенник?

— Нет, просто не пью, и все.

— И никогда не пробовал?

— Нет.

Винтик вздохнул, посмотрев на пленника с сожалением:

— Ты много потерял, приятель.

— Дай ему, пусть глотнет. А то взорвется сейчас, — великодушно разрешил Шпунтик. — Ситуация-то нервная. Вот если бы меня так к стулу привязали, я б тут же сдох. А этот крепкий парень, держится. Уважаю.

— Реперы все крепкие, — не без гордости отвечал Джеф.

— А ты правда с бандитами стрелялся? — поинтересовался Винтик. — Помнишь, ты еще пел даже при этом. Ну не пел словом, басил там что-то.

— Ну вы, ребята, даете! — усмехнулся Джеф. — Это же клип был. Художественное кино.

— А... — разочарованно протянул Винтик. — Значит, и бандиты ненастоящие. Но ты все равно выпей. Тут же не клип все-таки.

Он приставил горлышко бутылки к губам репера. Тот сначала вертел головой, протестовал. Потом смирился, поняв, что не отстанут от него. Глотнул водки, закашлялся.

— Ну как? Душевно? — осведомился Винтик. И, видя мучения репера, успокоил: — Ничего, сейчас осядет, станет душевно. Правду тебе говорю.

— Так что? — прервал его Шпунтик. — Неужели к Людке тащиться?

Винтик вздохнул:

— Больше не к кому. — Он сочувственно посмотрел на приятеля. — Не страшно?

— Все-таки оружие теперь есть. — Шпунтик вытащил из кармана и покачал на ладони тяжелый пистолет. — Разберусь с ней как-нибудь.

Винтик с недоверием покосился на пистолет и заметил:

— Такую тушу, как Людка, только китобойным гарпуном приструнить можно.

— Ничего, прорвемся, — с геройской удалью заверил его Шпунтик. — Кому звонить-то? — Он нагнулся над все еще фыркающим Джефом. — Этому твоему, как у вас там у всех есть... продюсеры, кажется?

— Нет, — прохрипел тот. — У Бори таких денег нет. Звони отцу, что ли...

— У тебя что, папашка бабцы отбирает? — усмехнулся Винтик.

— Почему отбирает? — изумился репер. — Просто он может внести выкуп, а остальные нет.

— Ладно, диктуй телефон.

Джеф назвал номер, Шпунтик записал его прямо на руке. Потом направился к двери. На пороге обернулся, еще раз оценил, хорошо ли привязана жертва похищения. Видимо, остался доволен, но для устрашения хмуро приказал другу:

— Смотри за ним и не вздумай водку лакать. Дело серьезное.

С этим он и вышел на улицу.

* * *

— Значит, так... — Генерал Авоськин крепко задумался, тупо глядя на телефонный аппарат городской связи. — Нужно выезжать из Москвы. Я должен позвонить жене, дочери, любовнице, своему зубному врачу и теще. Хотя нет, теще, пожалуй, я звонить не буду. Она мне уже скоро сорок лет как кровь сосет. Черт с ней...

Стремительное появление Стрельникова прервало его размышления. Он поднял на подчиненного глаза и грустно улыбнулся:

— Все-таки в глобальной катастрофе есть свои плюсы. Вот, например, что касается моей тещи...

— Агент 0014 вышел на связь, — пренебрегая субординацией, гаркнул Стрельников. — Будете с ним говорить?

К великому удивлению подполковника, начальник вздохнул и, поднявшись из-за стола, пробубнил:

— Нет уж, голубчик. Сами, сами. — Он глянул на подарочные командирские часы. — Столько дел, знаете ли. К тому же через полчаса у меня назначен визит к священнику. Мало ли чего может случиться? Лучше уж подстраховаться...

* * *

У Людки сжалось сердце. Мужчина ее мечты говорил по телефону всего каких-нибудь пять минут, но за это время повзрослел лет на двадцать. Положил трубку на рычаг уже пожилой че-

ловек, сломленный годами и болезнями. Плечи агента 0014 опустились, обмякли, глаза потускнели, заморщинились в уголках, на скулы легли скорбные тени, а нос заострился. Он глянул на часы, охнул, посмотрел на продавщицу. В глазах его мелькнуло сожаление, которое та приняла на свой счет и тут же зарделась. «Важные дела, — подумала женщина, — не позволяют ему разделить со мной страсть этой ночи».

Однако она ошибалась. Если бы она могла прочесть мысли агента 0014, то крайне удивилась бы или, что более вероятно, поскольку женщины склонны принимать все на свой счет, жутко оскорбилась бы. Ведь в голове у агента роился клубок слов, сплошь нецензурных. Такое количество разнообразных ругательств он не употребил за всю свою жизнь. А вот теперь в одно мгновение всплыло все: и новое, и старое, и даже давно позабытое. Он взглянул на оцепеневшую у окна продавщицу:

- Все-таки они сделали это.
- Кто они? — не поняла Людка. — Что сделали?
- Они его включили.
- Что включили?
- Счетчик.

За свою практику в сельском бизнесе продавщица знала только один «счетчик». Вернее, два, но тот, который за электричество и по которому на селе никто никогда не платил, был не в счет. А вот по поводу первого она слыхала немало историй, в которых на «счетчик» ставили должника.

Это означало, что на задолженную сумму начисляли проценты, и, если должник не возвращал деньги с этими процентами, его просто убивали. Людкино сердце сжалось, а глаза вылезли из толстых щек. Она заломила руки и пискнула:

— Сколько?! Сколько ты должен?

— Я? — удивился агент 0014.

— А кого же поставили на «счетчик»?

— Ах, ты в этом смысле. — Он натянуто улыбнулся, не забывая ругаться про себя отборными словами (момент был соответствующий — мир в опасности). — Нет, тут другое. Видишь ли, счетчик автоматический. Он переключил механизм в режим саморазрушения. Но механизм-то создавался для террористической акции, а потому вместе с саморазрушением заработала основная программа. Так что если я не найду ту «девятку», то всем нам, мягко говоря, хана.

— А грубо говоря? — решила уточнить Людка, которая, несмотря на романтический склад натуры, в денежных делах и сферах, недоступных ее пониманию, предпочитала ясность результата.

— Грубо говоря... — Агент задумался. — Существует много определений. Но за подобные слова, произнесенные в публичном месте, раньше сажали на 15 суток. А еще раньше вызывали на дуэль.

Продавщица хлопнула глазами, решив, что раз уж разговор зашел о 15 сутках лишения свободы, то дело действительно очень серьезное.

— А что значит «хана»?

— Ну... — Он очертил рукой круг в воздухе. —

Механизм, о котором я говорил, не что иное, как аналог ядерного чемоданчика, который носит Президент страны. Технологии год назад были выкрадены из закрытого НИИ, а шифры украли совсем недавно. У нас же страна умельцев. Собрали второй ядерный чемоданчик, потом заменили коды первого на свои. Так что наши ракеты с ядерными боеголовками теперь слушаются сигналов этого дьявольского механизма.

— А президентские приказы, значит, не слушают?

— Нет. Теперь президентские приказы для них пустой звук. Развалилась страна, — грустно подытожил агент 0014.

— Тю! — процедила Людка. — Нашу страну отсутствием президентских приказов не развалишь. У нас от него, от Президента этого, 10 лет как одни пустые звуки исходили.

— Ты не понимаешь! — вскричал агент 0014. — Запуск ракет можно остановить, только выключив таймер в этой машине. Ни с какого другого пульта этого сделать нельзя. Так что, если я не найду «девятку», через несколько часов начнется Третья мировая война.

— А как же ее искать?

— У меня есть только один план: прочесать местность. «26»-го квадрата, ну, того, в котором мы сейчас находимся, «девятка» не покидала. Значит, она все еще тут. Но вот где?

— Знаешь, — Людка прищурилась, — из всех жителей этого квадрата самые подозрительные

двое: некие Винтик и Шпунтик. Они не местные, москвичи, ошиваются тут на даче. В соседнем поселке, за лесом. Это недалеко. Так вот, какая бы гадость в нашем квадрате ни случалась, они всегда были к ней причастны. Они и местных грабят, и дачников, и вообще... даже в мой магазин заявлялись. А теперь еще и чулки на бошки цепляют, думают, не узнают их. Сволочи, одним словом. И я думаю, такие они гады, что и Третью мировую войну развяжут, не поморщатся. Помяни мое слово — уж кто-кто, а они точно участвуют во всем, что ты тут наговорил. Так что если и прочесывать район, то начинать нужно с них.

Агент 0014 взглянул на нее испытующе, потом горячо поблагодарил:

— Спасибо, Люда. Родина тебе этого не забудет.

По чести сказать, продавщица совсем не рассчитывала на признательность родины. Ей вполне достаточно было благодарного света, льющегося из прекрасных глаз мужчины ее мечты. За этот свет, за теплоту, понизившую его голос на полтембра, она готова была не только довести его до известной дачи, но и самолично поймать и Винтика, и Шпунтика, связать их, а если окажут сопротивление, то и прибить. Она глянула на агента. Как же он был прекрасен! Эти глаза, этот волевой подбородок, эти плечи... Руки у нее задрожали, на глаза навернулись горячие слезы. А в сердце что-то булькнуло. Наверное, любовь.

* * *

*До взрыва осталось
07 часов 22 минуты 48 секунд.*

— Ну и заварила ты кашу! — шепнула Лина. — Ты хоть понимаешь, что пять минут назад развязала войну между двумя мафиозными группировками? Бедное село Иванцы.

— Почему двумя? — Алиса, как могла со связанными руками, пожала плечами. — Господин Барышкин со своими бандюгами сейчас, наверное, в каком-нибудь казино культурно отдыхает и знать не знает про село Иванцы.

— Господи, ну откуда у тебя такая богатая фантазия!

— Я всегда тебе говорила, что, вместо того, чтобы тратить впустую время на институт, нужно телик смотреть. А вообще-то мне очень жить хочется. К тому же никто не заставлял их мне верить. Да и вообще, они все сами насочиняли, я только сплела их брехню в одну веревочку. Пускай теперь по лесу носятся.

— Когда-нибудь они поймут, что ты их надула, — мрачно изрекла Лина.

— Не-а, — в отличие от сестры, Алиса была сама беззаботность. — Они слышали то, что хотели услышать, а потому поверили в мой рассказ, как в «Отче наш». И даже если сам господин Барышкин им на Библии присягнет, что никакого отношения к их чертовому трупу не имеет, они ему не поверят.

— Н-да. А нам-то что теперь делать?

— Эй, вы там! О чем шепчетесь? — гаркнул из темноты Саша Косолапых. — Мало вам наkosten-лял, что ли?

— Нет, спасибо. Вполне достаточно, — успокоила его Лина.

— А ты языкастая, сучка! — Его лицо светлым блином выплыло из тени и очутилось напротив Лениных глаз. — Как ты Барышкина развлекала, а?

— Тебе я про такое не расскажу, — она усмехнулась, — рангом не вышел.

— Ты, значит, только по боссам специализируешься. — Белый блин полоснула косая черта ухмылки. — А что если я сам проверю?

— Не сбережешь меня, не сбережешь собственную задницу, — напомнила ему Алиса, вцепившись пальцами в локоть сестры. — Тебе что шеф приказал? Беречь нас, как задницу свою. Вот и отвали.

Саша шумно вздохнул. Приказы Иннокентия Валериановича он привык исполнять неукоснительно. Делать было нечего.

— Ладно. Не знаю, как все закончится, но, когда закончится, мы вернемся к нашему разговору.

— Я не была бы столь самонадеянна. — Лина хмыкнула. — Если все закончится хорошо, мы уже никогда не встретимся.

— У нас разные представления о слове «хорошо». — Косолапых сплюнул и исчез в темноте.

То, что произошло дальше, девчонки не увидели, а смогли лишь услышать.

— О, привет! — раздалось из-за деревьев. — Давно не виделись. Какая удача, у тебя мобильного нет?

Саша почему-то зашипел, подобно рассерженной гремучке, и, судя по звуку, без слов кинулся на того, кто его столь радостно приветствовал. Потом что-то треснуло, потом хрустнуло, потом ойкнуло, потом вздохнуло и неприятно ругнулось, вспомнив чью-то мать, потом раздался хлопок, похожий на выстрел. Сестры вздрогнули и теснее прижались друг к другу.

В наступившей тишине послышалось удаляющееся топанье, сопровождающееся довольным баском:

— Нет, этот день нужно занести в гребаную книгу рекордов Гиннеса. Чтобы так везло. Е-мое! Мне так никогда не везло. Ну надо же, на пустом месте! Захотел телефон — и вот тебе, пожалуйста, прямо на дороге лопух с телефоном. Даже выдумывать ничего не нужно! Спасибо тебе, кто бы ты ни был там, на небесах, за то, что так меня любишь! Интересно, и чем уж я тебе так приглянулся?

Сестры переглянулись.

— Эй! — позвала Лина. — Эй, помогите нам!

В ответ раздалось слабое шуршание листьев. Это предрассветный ветер гулял по веткам деревьев. Саша молчал.

— Похоже, тот тип его пристрелил, — предположила Лина.

— Похоже на то, — согласилась Алиса. — Нам

нужно сматываться, пока не вернулись остальные.

— Хорошее предложение, — ехидно заметила сестра. — Только как?

— Ну, попробовать-то стоит.

Алиса завозилась, пытаясь высвободить руки.

— Подожди, — прокрихтела Лина. — Тут вон сучок, если им подцепить веревку...

— Ой, мамочки! — Алиса изогнулась и дернула зубами узел.

— Нет, не так. — Лина тоже нагнулась к коленям и, ухватившись зубами за другой, принялась его жевать.

Минут десять напряженного сопения принесли свои плоды — узлы ослабли. Дальше девчонки уже быстро выскользнули из пут.

— Все, бежим отсюда! — шепнула Лина.

Но Алиса медлила, косясь на ближайшие кусты:

— Слушай, там же этот валяется. Может, ему помощь нужна. Нехорошо бросать раненого.

— Лично я надеюсь, что он не ранен, а убит, — процедила Лина, схватив ее за руку и потащив прочь. — И, честно говоря, меня это несколько не расстраивает.

* * *

Агент 0014 шел молча. Людка семенила за ним, боясь проронить ненужное слово, а потому крепко сжимала губы. Она не хотела мешать его раздумьям, хотя вряд ли смогла бы это сделать.

Агент 0014 ни о чем не думал. Перед ним маячила цель — найти пропавшую «девятку», отключить механизм саморазрушения на самопальном ядерном чемоданчике и тем самым спасти мир от глобальной катастрофы. Думать тут было не о чем. Нужно было действовать. И побыстрее. Агент вообще не привык думать после того, как принимал решение или получал приказ, что, собственно говоря, являлось одним и тем же. Он превращался в машину, настроенную на победу.

Продавщице сельпо это не было известно. Она тащилась следом. Мысли ее путались, цепляясь одна за другую. Она то восхищалась статью и непреклонностью характера мужчины своей мечты, то принималась ругать себя, что путается у него под ногами, мешая совершить задуманное. То мучилась дилеммой, как следовало бы поступить истинной женщине: подобно даме из рыцарских романов разделить все приключения своего героя, сидя на крупе его коня, или же остаться дома, как Пенелопа, чтобы он смог возвратиться к ней с победой. Но в этом споре, который она вела сама с собой, так истина и не родилась. Во-первых, со всеми мужчинами, попадавшимися Людке на пути, она могла разделить лишь бутылку водки, чтобы им меньше досталось. Иных приключений ее кавалеры не желали. Во-вторых, она не знала, как принято поступать у современных женщин, с которыми привык общаться новоиспеченный властитель ее сердца. Поэтому она решила, что, скорее всего, поступила правильно, увя-

завшись за ним в дорогу, поскольку мужчины, разумеется, сильный пол, но кто же их защитит в случае чего, если не будет рядом женщины? В конце концов, агент направился спасать мир, а в таком деле могут и по хребту накостылять.

Утвердившись в своей правоте, Людка приосанилась. Как же ласкало ее измученную душу сознание, что она делит с любимым его заботы!

«Вот она настоящая любовь! — радовалась продавщица. — И я не я буду, если не докажу ему, что могу быть полезной!»

Через поле к первым деревьям подошли довольно быстро. До оставленного в кустах мотоцикла оставалось совсем немного, скорой ходьбы минут на десять — только пересечь пролесок и выйти к дороге. Агент 0014 отодвинул ветку и придержал ее, чтобы та не полоснула его спутницу по лицу. У Людки от такого джентльменского жеста на глазах выступили слезы. Агент заметил это проявление чувств, и что-то теплое тронуло его сердце.

* * *

Кудрявый с трудом разлепил глаза и тупо уставился на физиономию Беки, торчащую меж цветастых халатов. Тот мирно посапывал.

— Эй! — шепотом позвал его Кудрявый. — Окочурился, что ли?

Бека зачмокал пухлыми губами, из чего стало

понятно, что до окончательного окоченения ему еще далеко.

— Вот уж, право слово, после катаклизмов выживают только крысы и тараканы. — Кудрявый с ненавистью глянул на соратника, но не стал уточнять, что сим замечанием имел в виду. И так было понятно, что Беку он причислял если не к крысам, то к тараканам.

Он оглядел полутемный торговый зал. Светила лишь одна засаленная и засиженная мухами лампочка, висевшая над дверью. Две другие Людка, уходя, предусмотрительно выключила. Помещение показалось ему смутно знакомым, особенно наличием ситцевой продукции фирмы «Большевичка». Он помотал головой, понял, что каким-то чудом оказался в том самом сельпо, и тихо заснул. Место пребывания ему не понравилось.

— Ну?! — Он дернул рукой, желая пробудить Беку путем тормошения, однако рука не поддалась.

К своему ужасу, Кудрявый обнаружил, что прикован наручниками к железному остову стойки, на которой висели треклятые халаты.

— Ну! — Он попытался встать и тут совсем скис.

Судьба зло посмеялась над ним, намертво приковав не только к женским халатам, но и к ненавистному поделщику.

Бека дернулся, ойкнул, открыл глаза и блаженно зевнул. Узрев Кудрявого, он глупо улыбнулся и прогнусавил:

— Мир тебе, добрый путник.

— Чтоб тебя черти заели! — прошипел Кудрявый. — Опять двадцать пять. Ведь вдарил же тебя по башке здоровый жлоб. Неужто и части дури не выбил?!

— Познание боли — путь к истине, — пропел Бека и потянулся свободной рукой.

— Ты вставать собираешься?! — взревел Кудрявый. — Нам Принца искать нужно.

— Принца небесного? — радостно удивился Бека.

— Надеюсь, что пока земного, — разрушил его планы Кудрявый. — Вставай, юродивый поганый. Иначе я тебе руку выдерну.

— Что тебе рука моя? Счастья чужое не принесет, брат.

— О господи Иисусе! — горестно вздохнул Кудрявый.

А Бека вдруг ожил и, вскочив на ноги, возмущенно гаркнул:

— Не поминай всуе имя господя нашего!

От неожиданного рывка Кудрявый повалился на пол. Сверху на него полетела стойка с халатами, а за ними Бека.

— Если бы не тащить на наручниках твое поганое тело до Москвы, убил бы, — взревел Кудрявый! — Ей-богу, пришиб бы с великим удовольствием!

Он с трудом выбрался на свободное пространство, поднялся, схватил за воротник халата Беку, поставил его на ноги, затем восстановил всю кон-

струкцию. Теперь между ними высилась стойка с халатами, что, с одной стороны, было замечательно, поскольку скрывало от глаз тупую физиономию Беки. Однако, с другой, непонятно было, как передвигаться с такой машиной, тем более что соратник по привязи явно не собирался выходить на улицу.

— Двигай копытами, божье наказание! — подбодрил он Беку и двинулся к двери.

Стойка на маленьких колесиках потянулась следом, увлекая за собой и Беку.

— Бог знает, кому какое наказание посылать, — прогундел он.

— Это точно, — зло согласился Кудрявый, — еще бы знать, за что. Я такого еще не успел натворить, чтоб столько терпеть.

— Неси свой крест с достоинством, — ласково поучал его Бека.

— Если не заткнешься, навеки распрощаешься со своим достоинством, — натужно прохрипел Кудрявый, поскольку ему приходилось тащить и стойку, и халаты, и вялого товарища. — Правда, монахам оно без надобности.

— Нужно быть достойным, чтобы стать монахом.

— О, это мы разом организуем! Будешь достойным и монаха, и евнуха одновременно!

Бека сочувственно взглянул на него и помотал головой:

— Открой свое сердце, брат мой. Благо божье исцелит тебя и придаст веры. И придаст си...

Кудрявый толкнул на него стойку.

— ...лы! — крикнул Бека, влетая спиной в стеклянную витрину'магазина. Раздался глухой стук. Стекло дрогнуло, но выдержало удар.

— Давай, давай! Неси свое достоинство крестом! — зло подбодрил его Кудрявый и снова толкнул стойку.

Бека вновь влетел спиной в витрину, на сей раз уже молча.

Результат был нулевой.

— Н-да... — Кудрявый потер свободной рукой голый затылок. — Тут нужен размах. Ну-ка, отойдем подальше.

Он потянул стойку и Беку к прилавку. Там, изготoвившись, скомандовал:

— Разбегаемся, прыгаем и выскакиваем через стекло. Понял?

— Зачем? — Бека кивнул на стеллажи с продуктами. — Бог дал нам пристанище. Тут тепло, сухо и сытно. Зачем уходить?

— Потому что скоро тут станет холодно, мокро и голодно. Понял, придурок? Сейчас вернется белобрысый герой и сделает из нас две большие киевские котлеты. И никакой бог тебе не поможет!

— На все воля божья... — заупрямился Бека.

— А в храме помолиться не хочешь? — пошел на хитрость Кудрявый.

Два раза предлагать не потребовалось. Бека вдруг все понял и даже присел, намереваясь с разбегу нырнуть в стекло витрины.

— Вот это другое дело. Аминь!

Они побежали быстро, как могли. За метр до прозрачной стены между заточением и свободой запрыгнули на весело поскрипывающую стойку. Врезались в стекло. В следующее мгновение оно треснуло, хрустнуло, брызнуло мелкими осколками и осыпалось на пол, выплюнув на улицу странный болид с парусами ситцевых халатов.

* * *

Подполковник Стрельников положил трубку на рычаг аппарата оперативной связи и, изогнув губы в горестной усмешке, процедил:

— Дела...

Эта фраза не относилась к какому-то конкретному, не слишком удачно развивающемуся делу, она относилась ко всем делам, в том числе и мировым. Шутка ли, мир стоял на краю глобальной катастрофы. Действительно ведь, дела... Тут впопору заскучать и бравому подполковнику. А в эту минуту его вообще много чего огорчало. Во-первых, конечно, то самое, что огорчило бы любого живущего на земле, узнай он об этом. Ну, в смысле, что все, абсолютно все скоро умрут. (За исключением, разумеется, крыс и тараканов. Хотя сей обнадеживающий факт никого из здравомыслящих существ планеты не обрадует. Разве что иных представителей партии «зеленых», которые устраивают акции протеста против уничтожения бытовых насекомых и грызунов. Но тут еще можно поспорить о здравомыслии.) Во-вторых, черное

пятно вины, лежащее на всей федеральной службе. Ведь именно им вверено хранить покой страны, а они не уберегли. Как ни старались, а не сдюжили. Толку-то, что в обстановке повышенной секретности разрабатывали дело о похищении кодов президентского чемоданчика. И даже вышли на самых главных преступников. И что теперь? Кому какое до этого дело, если ни преступников, ни федеральной службы в скором времени просто не будет существовать. А досадно. Столько планов... Столько нереализованных планов... Вот хоть дело о террористической группировке «Ум-Ся», обосновавшейся в Вологодской области под прикрытием школы «Обмена религиозным опытом с дружественной Японией». Сразу же было понятно, что без «Аум Синрике» тут не обошлось. И Стрельников указал на этот факт Авоськину. И тот одобрил. И дело стремительно двигалось к задержанию головорезов, для конспирации побрившихся под восточных монахов и не поленившихся саморучно высечь метровую статую Будды из цельного куска мрамора. Но что теперь об этом. Хотя, конечно, обидно... В-третьих, Стрельникова огорчало отсутствие генерала Авоськина.

«Вот же странно, — размышлял он. — Всю жизнь хотел занять его место, даже (что уж греха таить) и подсиживал при случае, а теперь, казалось бы, бери, а руки немеют».

И пусто было без Авоськина в кабинете. И тихо как-то. Даже слышно, как потрескивает подмоченный в прошлом году «жучок» китайской

разведки. А ведь обычно никто на этот треск внимания не обращал — до того все тут были заняты. Неудобно, конечно, перед китайцами. Сто раз Стрельников обещал себе дать распоряжение, чтобы починили «жучок», да все как-то забывал.

«А вообще, — Стрельников с трудом подавил ностальгические рыдания, — плохо без генерала. Тот вроде бы ничего собой уже не представляет. Старик стариком — как и все в таком возрасте: главная проблема собственный радикулит, а все остальное потом. А как задумается, как повиснет пауза — свинцовая, наполненная многолетней мудростью, да как вспыхнет вдруг искрой уверенного решения, так и подумаешь, затаив дыхание, что ничего более простого и более правильного ни в одном молодом мозгу не сверкнуло бы».

И жалко было Стрельникову Авоськина — сдал старик за последние сутки. Лет на двадцать, своих последних закатных, постарел. Смотришь на него и видишь — ничего у него впереди не осталось. Только спринтерская стометровка. Да что там... У всех теперь то же самое в ближайшем будущем.

В общем, многое огорчало в эту минуту Стрельникова. И последнее, может быть, самое неприятное: любимая собачка жены Маса — мерзкий карликовый пудель, которого подполковник ненавидел, но вынужден был терпеть, — снова намочила ковер в спальне. Может быть, кому-то покажется прихотью сокрушаться о каком-то там ковре, когда весь мир, включая и этот дурацкий ковер, с

каждым щелчком секундомера все стремительнее уносится в черную дыру, да ведь это тоже как посмотреть. Все-таки неприятно покидать мир с сознанием того, что зловонная лужа — последнее событие в твоей жизни.

«Надеюсь, пудели не относятся ни к крысам, ни к тараканам», — зло процедил Стрельников и осторожно дотронулся до кобуры под пиджаком.

В его голове шевельнулась шальная мыслишка. И он хотел было уже смотаться домой, но тут снова зазвонил телефон. Увидав, какой из многочисленных телефонов издал неприятную трель, подполковник инстинктивно вытянулся в парадную струну и только после этого снял трубку.

— Да, товарищ министр, — сухо и торжественно прорычал он. — Ваши сведения правильные. Да, с дубликата была запущена программа, которая блокировала центр управления ракетными установками. И теперь, да-да, вы правильно поняли, теперь они работают сами по себе, мы их остановить не можем. Да, управление ведется с этого пульта. Простите? Нет, пульт находится не в этой, извините за выражение... гм... однако, пока не установлено его местонахождение. Что вы говорите? Где поискать? У себя в... Гм... Слушаюсь, товарищ министр. Кто? Я кретин? Так точно, товарищ министр. Но мы держим ситуацию под контролем. Каким образом? Ну... Мы ведем поиски объекта. В квадрат «26» послан отряд оперативного реагирования. Мы стараемся найти пульт, потому что только с него можно дать отбой. Так

точно, товарищ министр. В каком смысле? Но ведь я не...

В трубке зазвучали короткие гудки. Стрельников еще минут пять таращился на нее, все еще вытянувшись, словно стоял на плацу в день выпуска из Военной академии. Потом озадаченно пробубнил:

— Служу России...

«Удивительно, — подумал он, с аккуратным достоинством кладя трубку на рычаг, — как причудливо иногда извивается лестница карьеры. Ведь ничего не могло указывать на повышение. А вот на тебе, пожалуйста. Позвонил министр, наорал, так что пятки зачесались, а потом возьми да скажи: «Учтите, господин генерал, что с этой минуты вы полковник!»

* * *

*До взрыва осталось
05 часов 44 минуты 13 секунд.*

Агент 0014 раздвинул густые заросли влажного от утренней росы кустарника и ласково похлопал мотоцикл по запотевшему крылу. Утро не предвещало ничего хорошего, но от встречи со старым стальным другом затаенная на время операции душа толкнула в ребро мягким теплом. Он умиленно улыбнулся, взявшись за прохладные рога руля.

«Настоящий мужик! — в свою очередь умилилась Людка, исподтишка наблюдая за ним. — Вот

ведь как у них: что бы ни делал, на уме все равно одни бабы да машины».

Агент вывел мотоцикл на дорогу и критически оглядел будущую пассажирку. На сей раз душа его оцетинилась мелкими колючками. По габаритам и массе тела продавщица скорее походила на груз «КамаЗа». Однако та так не считала и с готовностью придвинулась к предложенному транспортному средству. Агент стиснул зубы, всем сердцем желая пуститься в долгие уговоры об опасности предстоящего путешествия и необходимости вернуться в сельпо. У него даже язык заломило. Но дело есть дело. Без Людки ему не найти этих разудалых Винтика и Шпунтика, а потому и ему, и его мотоциклу придется скрипеть на каждом ухабе. Мотоциклу от перенапряжения, ему — от жалости.

Приложив невероятные усилия, он как мог доброжелательно улыбнулся толстухе. Похоже, вышло очень правдоподобно. Во всяком случае, та расцвела запоздалым одуванчиком на васильковом лугу. Он же и не подозревал, что Людкин радостный оскал происходил от нежелания показать, как она боится водружаться на любимое железное чудовище мужчины своей мечты. Она понимала, что подобные чувства будут ему крайне неприятны.

Она сжала трясущиеся пальцы в кулаки и стоически снесла его критический взгляд. Даже не икнула, хотя ей очень этого хотелось.

— Ну что же, — несколько разочарованно прохрипел агент 0014, который все еще надеялся, что

продавщица по какой-нибудь волшебной причине не решится на поездку, — забирайтесь и держитесь крепче.

Людка готова была держаться за него так крепко, как только была способна, но она понятия не имела, каким образом залезть на сиденье. Для молоденькой длинноногой девицы эдакий кульбит был бы парой пустяков. Однако измученной тяжелой полудеревенской жизнью, тремя мужьями и прилавком продавщице, которая свои колени могла лицезреть разве что в зеркале, столь рискованные движения были противопоказаны. Ну, для начала, они бы выглядели просто неэстетично. Как бы вам понравилось проделывать нечто откровенно безобразное в присутствии кавалера?

Людка застыла в нерешительности. Душа агента 0014 задрожала в робкой надежде.

— Может быть, расскажете, как добратся и... — едва сдерживая радостные нотки в голосе, спросил он.

«Боже мой! — снова восхитилась Людка. — Как же он деликатен! Какое у него доброе сердце! Ради женщины — глупой толстой трусихи — он готов пожертвовать частичкой своей гордости. Ведь мужчине очень важно продемонстрировать свое средство передвижения в действии. Отказаться от такого процесса все равно, что сбежать с брачного ложа! Нет! Я не позволю ему пойти на такие жертвы. Что я, идиотка?!»

В глазах ее мелькнуло горделивое превосходство над собственной слабостью. И агент заметно

сник. Он сглотнул ком в горле и сипло проинструктировал:

— Ногу ставите на подножку, вторую переносите через сиденье.

— Ага, — пискнула она и попыталась выполнить указание.

С пятого раза, красная от стыда и натуги, она все-таки взгромоздилась на мягкую кожу. Руки и ноги ее уже откровенно дрожали. Сердце бултыхалось в области таза.

Душа агента к тому времени истекла кровью и ядом самых изысканных замечаний по поводу тяжести и удивительной неповоротливости его спутницы. Пару раз из его плотно сжатых губ все-таки вырвались грязные ругательства. Слава богу, из-за собственного надсадного пыхания она ничего не расслышала. Когда она уселась и даже слегка распрямила спину, агенту 0014 стало совсем плохо. Его верный железный друг подсел на заднее колесо, да так заметно, что агент едва слышно заскулил. Но делать было нечего.

«Женщинам не место на дорогах!» — со злостью заключил он и, всхлипнув, прыгнул за руль.

Толстые ручищи тут же облепили его по бокам. Агент поморщился. Он ничего не имел против женщин, даже против таких огромных. В конце концов, каждая женщина представляет определенный интерес, иногда и исключительно познавательный. Но вся проблема в том, какая женщина окажется за твоей спиной, на твоём мотоцикле. И стоит ли дело того, чтобы на твоём мотоцикле

оказалось нечто, совершенно не гармонирующее со стихией скоростных поездок. Тут агенту немного полегчало. Он решил, что спасение мира, в общем-то, стоит подкачки шины и рихтовки осей. Он завел мотор и покатил по дороге.

Первая вмятина на дороге заставила его заново пережить только что забытую проблему несоответствий, ибо мотоцикл так жалобно крикнул задним колесом, что у агента свело сердце.

— У того дерева будет развилка. Нужно свернуть направо, — прорычала ему в ухо спутница.

«Дело есть дело». — Агент вздохнул и слегка прибавил газу.

* * *

Сегодня Коля Щербатый (а для некоторых Николай Сергеевич) сам управлял огромным джипом марки «Тойота». Уж слишком далеко все зашло. Ситуация, похоже, приняла серьезный оборот еще до их появления. А такого Щербатый не выносил. Одно дело, когда ты сам кашу завариваешь, потом сам ее расхлебываешь. Другое — когда дело заваривает Иннокентий Валерианович и, доверяя тебе свою жизнь и все такое прочее, просит расхлебать. И уж совсем поганое дело, когда кто-то с ветру наворотит ненужного дерьма, перемешает в нем кого ни попадая, а ты потом кати к черту на рога и отмывай всех, чтоб узнать, кто свой, кто чужой, да убирай тех, кто в отстое. Щербатый в сердцах сплюнул в окошко.

— Колян, — хохотнул Михеич, чей хриплый бас вполне соответствовал его грузному телу, — окно-то открой! Чего в стекло харкаешь!

— Мое стекло, хочу харкаю, хочу блюю, — огрызнулся Щербатый, которому очень хотелось если не рычать, то хотя бы зубоскалить. Такое у него было настроение.

— Ага, а мыть мне, — прогудел Михеич. — Знаешь, как тяжело, особо с бодуна.

С этим было трудно спорить. Щербатый не любил всех этих «штучек в законе», когда пахану грязь из-под ногтей вылизывают. Он придерживался «жесткой демократии». То есть за столом все друзья-товарищи, а в деле строгая иерархия и четкая дисциплина. Так и жить веселее, и работать проще.

— Хорек опять отстал, — мрачно констатировал Колян, глянув в боковое зеркало. — Сколько раз говорил ему: не умеешь — не пей.

— Так ведь откуда же мы знали, что нас прямо из кабака вытянут, — попытался оправдаться Михеич, от которого изрядно разило перегаром.

— У нас профессия такая, — строго разъяснил Щербатый, — людям помогать. А потому мы всегда начеку должны быть. Как эти... как их... ну... — Он прищурился, вспоминая. Наконец мыслительный процесс уперся в точку истины: — Как хирурги! Их ведь тоже, поди, из кабаков на операции таскают. А Хорек не понимает. Сначала нажрется, а потом за руль лезет.

— Так ведь я лично усадил Хорька на заднее

сиденье. — Михеич опасливо оглянулся на второй джип, следовавший на расстоянии двадцати метров, и, облегченно вздохнув, продолжил: — Ну, точно! За рулем не Хорек, а Васька. Васька — парень что надо!

— А почему он отстал? — капризно спросил Колян. — Он что, правил не знает? Не более трех метров в цепи.

— Не тяни на него. Васька хороший парень, — упрямо повторил Михеич.

Щербатый неприятно усмехнулся:

— Ты его защищаешь, потому что ты его привел. Я о нем и слыхом не слыхивал. А ты его так расписал во всех деталях, что я у него нимб над головой ожидал увидеть. И что? Где его положительные качества, а? Он на двадцать метров оттянулся.

— Васька не пьет. Он хороший человек.

— Ха! — Щербатый вошел в азарт. — Моя Маришка тоже не пьет. Да и не ест почти ничего, потому что модель. И знаешь, какая она стерва?! С чего ты взял, что если человек не пьет, так он обязательно хороший?

— Васька ест. Много, — несколько сконфуженно пробубнил Михеич. — А то, что не пьет, так нам очень даже полезно. Вот кто нас всех обычно из кабака выволакивает и по домам развозит?

— Откуда мне знать. Я же не помню ни фига!

— То-то и оно, — многозначительно подытожил Михеич.

— Нет, ну как обидно! — неожиданно переключился Колян. — Вечер был — хоть кипятком писай. Маришка первый раз укатила на эти свои... кастинги-шмастинги. Свобода! Как на волю вышел!

— Да ты и не сидел никогда, — ехидно вставил Михеич, который в молодые годы имел печальный опыт заточения на пятнадцать суток за мелкое хулиганство в общественном транспорте. Срок, конечно, так себе, но он не упускал случая причислить себя к тем, кто видел решетку из комнаты. Все-таки в том мире, в котором все они жили и работали, это имело какое-то значение.

— А ты с Маришкой не жил? — ловко парировал Колян. — У меня с ней сутки за трое идут...

— А кто тебя заставляет?

— Это личное! — отрезал Щербатый. С минуту помолчал, потом замычал, как от зубной боли. С похмелья потянуло на откровенность: — Видеть ее не могу. А услышу, так вообще хоть на стену лезь. — Он перешел на писк манерного комара, явно копируя «даму сердца». — Ей перед кастингом нужно сделать клизму и проблеваться. Всю уборную загадила. В кухню не заходит.

— Так, может, оно и к лучшему, — неуверенно предположил Михеич. — Ну кто же блюет посреди кухни? А еще и клизму ставит. Может, не такая уж она и стерва...

— При чем тут клизма? — досадливо отмахнулся Колян. — Я про другое. Не готовит же мне ни хрена! Знаешь, что я дома жру? Знаешь? —

Разговор принял трагический оборот. Колян истерично всхлипнул и глухо прошептал: — Лапшу «Дошерак».

— Не может быть, — вежливо не поверил Михеич.

— А у меня работа нервная. Я ведь с людьми работаю! Я если промахнусь, то и подохнуть могу. А приду домой, эта стерва сидит в столовой голая. Ножищи свои костлявые на стол закинула, а на шее галстук болтается. Я говорю, мол, на хрена мне тут Рембрандта устраивать. Лучше бы картошку поджарила. А она с полоборота заводится: «Я те галстук купила, а ты про картошку!» И обзывается. Деревенщина я для нее. Культуры я, оказывается, не знаю. Даром, что сама только три года как из Жмеринки приехала. «Рембрандтом» ее дурь обозвал, а это, оказывается, не «Рембрандт», а сцена из культового фильма «Красотка».

— Не, она не права. «Красотка» — обычное мыло, — с достоинством киномана расценил Михеич, который за все те же исторические пятнадцать суток был с позором изгнан с экономического факультета ВГИКа. — Вот там новая итальянская волна: Феллини, Пазолини всякие. Или Гринуэй — это культовое кино. Нет, Колян, может, это и твое личное, но я все равно в толк не возьму, чего ты с ней путаешься?

— Да ведь лицо она мое, — в отчаянии крикнул страдалец.

Михеич критически оглядел его, потом отрицательно помотал головой:

— Нет, твоя физиономия поприятнее будет. Зря ты такую дуру лицом взял.

— Вот и я стал задумываться, — Щербатый вздохнул. — Так ведь завидуют же. Выйду с ней куда, плятятся со всех сторон. Ну, и уважение опять же. Приходится терпеть. Говорю же, с людьми работаю.

— Н-да, — протянул Михеич, — ничего не попишешь. Работа с людьми — дело ответственное. Часто приходится и собой жертвовать. Вон ты посмотри! Этот-то тоже, как ты прямо. Корчится, а везет бабищу на задке. Да какую!

Они вперили удивленные взгляды в надвигающийся на них мотоцикл, на котором восседали агент 0014 и его спутница.

Колян, славившийся на всю бандитскую Москву своей интуицией, нахмурился. Потом придавил педаль тормоза, процедил сквозь зубы:

— Сдается мне, неспроста они тут катят.

— Да брось ты, — отмахнулся Михеич, — чего бы им тут не катить?

— В такую рань, на таком крутом мотоцикле да в такой дыре? Знаешь, более странную картину, чем эти двое, я давно не видал. Ну чего им тут делать? Они явно в деле замешаны. Точно тебе говорю.

Михеич спорить не стал. Он уважал Коляна, даже вместе с его хваленной интуицией, которая по большей части была не более чем раздутое самомнение.

«Странно, — подумал агент 0014, увидав два

черных джипа, следовавших друг за другом, — два джипа, в такую рань да в такой дыре... Они точно замешаны в деле».

Людка сжала его грудную клетку с такой силой, что ребра хрустнули. Агент болезненно поморщился.

Неожиданно передний джип, резко затормозив, развернулся, перегородив дорогу. Если бы за спиной агента не громоздился груз, достойный «КамаЗа», он бы не раздумывая совершил свой знаменитый трюк: разогнался и перелетел бы через вредную машину, помяв в назидание капот и крышу.

Но с Людкой об этом и думать не стоило. Агент быстро оценил ситуацию. Два джипа с дюжиной головорезов, явно следующих на подмогу тем самым похитителям «президентского чемоданчика», — слишком серьезная угроза для одного, пусть и лучшего агента. Если его сейчас убьют, мир спасти будет некому. Так что, решил агент, при такой диспозиции удачный побег — не поражение, а чертовское везение.

Он свернул на грунтовку и надавил на газ. Несчастный мотоцикл нутужно захрипел, потом взвыл и запрыгал по кочкам.

— О! — удивился Щербатый, наблюдая столь странное окончание намечавшейся «стрелки». Когда мотоцикл скрылся за деревьями, он повернулся к Михеичу и растерянно произнес: — Некультурно как-то получается.

— Выходит, они с нами и разговаривать-то не хотят, — подтвердил тот.

— Но ведь так дела не делаются. — Колян пожал плечами и кинул за спину дремавшим подчиненным: — Мужики, похоже, в ружье!

Те шумно зашевелились. Защелкали предохранители, что-то заклацало, и пару раз кто-то тихо выругался.

— Эй, сейчас пасть с мылом натру! — пригрозил Михеич. — На работе же!

А Щербатый развернул машину и пустился в погоню. Второй джип последовал за ним и при этом уже не тянулся на расстоянии 20 метров, а шел точно в трех, слегка слева, заслоняя остаток дороги до самой обочины. Лес тревожно вздрогнул и расступился, пустив эскорт в поле редкой пшеницы. Впереди мелькнул толстый Людкин зад.

— Не уйдешь! — прорычал Щербатый, давя на газ.

Людка впилась пальцами в жилет агента. Она тихонечко повизгивала, про себя кляня свое чувствительное к романтике сердце на все лады. Ей было очень страшно. Джипы устрашающего вида она видела только в сериалах про бандитскую жизнь. И в этих самых сериалах ничего хорошего от таких машин никто не ожидал. Еще она подозревала, что в погоне обязательно стреляют. Что ж... Она любит мужчину, спина которого сейчас намертво прилипла к ее груди, и она станет его щитом. А ведь как замечательно все начиналось.

И почему она не попросила порулить? Он бы не отказал. Он такой замечательный. Людка устыдилась. Как она могла пожалеть для него свою ничтожную, загубленную и никому не нужную жизнь. Как это низко — желать безопасности за счет дорогого, обожаемого человека. Да разве мило ей будет спасение, если оно достанется такой ценой. И, в сущности, к чему ей жизнь без него, без этого потрясающего героя. Он — ее последняя надежда на счастье. Не будет его — не будет счастья, не будет даже надежды. «И пусть стреляют, — лихо решила Людка, еще теснее прижимаясь к спине агента, — пусть. Мое тело пробить трудно. Невозможно даже!»

Она зажмурилась, услыхав легкие хлопки за спиной. «Пусть!» — повторила она про себя, каждую секунду ожидая врезающейся в тело боли.

* * *

*До взрыва осталось
05 часов 12 минут 01 секунда.*

— Господи, как я устала, — в который раз за время пути проскулила Алиса.

Лина плотно сжала губы, дав себе клятвенное обещание не обращать внимания на стенания сестры. Она тоже устала. И что теперь? Что она с этим может поделаться?! Они должны выбраться из этого заколдованного леса, где машину так же легко потерять, как перчатку, а расстаться с жизнью и вовсе не представляет никакой трудности. И это в начале третьего тысячелетия. Не где-ни-

будь в верховьях Амазонки, где, как говорят, нравы более чем жестокие, а в Подмосковье, среди полей и дачных поселков.

«Вот права была мама, когда отговорила папу дачу покупать! — сказала она себе. — Тысячу раз права! Очень противное место — эти дачи. Даже если не брать во внимание вскапывание огорода...»

— У меня колени ноют, — опять пожаловалась Алиса.

Лина на это только вздохнула.

— Я есть хочу...

«Интересно, если завести разговор про задницу, она перестанет ныть?»

— Я спать хочу...

— А все потому, что у тебя задница толстая. И тащить ее тебе очень тяжело. Ничего, может, похудеешь, кстати.

— У меня, кажется, насморк начинается...

Явное оскорбление не подействовало. Впервые в жизни! Лина обернулась и, с тревогой глянув на сестру, повторила:

— У тебя задница толстая.

— Мне холодно. — Алиса всхлипнула и, споткнувшись о выступающий над землей корень, припала на коленку. — Ну, вот.

Она захныкала. Лина взяла ее за руку, потянула с земли и заговорила ласково, как с ребенком:

— Потерпи немножечко. Смотри, там просвет между деревьями. Наверное, дорога. Или нет, желтое... это поле. А через поле непременно маги-

страль. Я точно знаю. Правда. Помнишь, мы прошлым летом ездили с родителями к бабушке? И всю дорогу ехали меж полей. Помнишь?

— Ты говорила то же самое, когда мы вышли на предыдущее поле, — прохныкала сестра. — Я домой хочу-у-у... — По щеке Алисы скатилась крупная слеза.

— Ну, что ты в самом деле, — попыталась вразумить ее Лина. — Можно подумать, ты в первый раз не спала ночью. Да ты постоянно шляешься по всяким клубам и вечеринкам, где танцуешь до упаду. Для тебя это наше приключение — просто прогулка. Чего ты расхныкалась!

— Это не то, — сестра жалобно всхлипнула, но послушно поплелась вслед за ней. — В Москве мы во всякие передеряги не попадали.

— Ну, конечно! — злорадно хохотнула Лина. — Лучше вспомни, как мы всей компанией выкатились на площадку перед СЭВом, а парни устроили борьбу ниндзя на машине мэра. И как повыскакивали охранники с автоматами и положили нас на мокрый асфальт. А мы потом попластунски ползли аж до троллейбусной остановки.

— Да, это было еще то шоу! — Алиса еще раз всхлипнула и вяло улыбнулась. — А все-таки я была права, когда говорила...

— Тсс! — Лина прижала палец к губам и прислушалась.

За поредевшими деревьями слышался шум мотора. Пожалуй, и не одного. Кто-то быстро приближался. И у кого-то то и дело лопались шины.

Во всяком случае, Лина так подумала, услышав звуки, похожие на отдаленные хлопки.

— Ой! — Алиса присела. — Там стреляют!

— Не говори ерунды, — оборвала ее сестра, — мы же не в вестерне, в конце концов.

Однако она и сама уже не была уверена в том, что говорила. Как показывал опыт, в том гиблом месте, в каком они очутились, возможно все. Даже стрельба в поле.

— Давай уйдем отсюда, — прошептала сестра.

— А может быть... если едут машины, значит, рядом дорога, — с надеждой предположила Лина.

— С таким же успехом они могут ехать и по полю, — тихо возразила Алиса.

— Все-таки стоит посмотреть. — Лина решительно направилась вперед.

— Но там же стреляют! — Алиса кинулась следом, хватая ее за майку и пытаясь остановить. Но тщетно.

— С чего ты взяла, что звуки, похожие на те, с какими лопаются воздушные шарики, это звуки стрельбы? — Для пущей убедительности Лина пожала плечами и пошла дальше.

— Потому что в этом лесу слишком много неожиданностей. И потому, что мы только что сбежали от бандитов!

Они подошли к самой кромке леса. Между ними и полем были только густые заросли кустарника.

— Но всякому безобразию должен наступить конец! — решительно заявила Лина, берясь рукой

за ветки. — Мне кажется, что больше никаких неприятных неожиданностей на нашем пути не будет!

Она раздвинула кусты. Прямо на них летел огромный мотоцикл. Сестры инстинктивно бросились в сторону и едва успели упасть в высокую крапиву, как железная громадина промчалась мимо. Ловко петляя меж деревьев и издавая утробное урчание, от которого чесалось в носу, она довольно скоро покатила дальше.

— Видимо, эта неожиданность относится к разряду приятных, — злобно проворчала Алиса.

— Могло быть и хуже, — отозвалась Лина. — Все-таки нас не задавили.

Ответом на эту робкую радость был нарастающий рев более мощных моторов.

— Вот! — Алиса вскочила на ноги, потирая голые руки, враз покрывшиеся белыми волдырями. — А это, скорее всего, танки или еще чего похуже.

— Невидимки «стелз», — съязвила сестра. — Я уже ко всему готова.

Что-то юркое, похожее на ошалевшую муху, просвистело у нее перед носом и шлепнулось метрах в десяти.

— У-у-у! — тоненько пискнула Алиса и грохнулась на землю.

Лина тоже испуганно присела. Потом крикнула, потому что рев моторов заглушал все более тихие звуки:

— Ты чего?

— Во всех боевиках, когда кто-то стреляет, ос-

тальные ложатся на землю. Такое правило, — громким, истерично подрагивающим голосом заявила сестра.

— Так ты думаешь, это была пуля? — решила уточнить Лина.

— И слава богу, что не крупнокалиберный снаряд!

— Тогда бежим!

— Нет уж! Я лучше на земле полежу. Пока не прекратят перестрелку.

— А я говорю...

Она не успела пояснить свою мысль. В кустарник, буквально на расстоянии трех шагов, влетел большой черный джип и, со всей дури врезавшись в старую сосну, замер, дымясь искореженным капотом.

На минуту стало довольно тихо. Потом с поля донесся звук хлопающей дверцы второй машины, а из той, которая сроднилась с деревом, удивительно многословные ругательства.

— Ползем отсюда! — прошипела Лина и резво двинулась вдоль зарослей крапивы.

Алиса, пытаясь не делать лишних движений, чтобы понапрасну не качать стебли едкого растения, последовала ее примеру.

* * *

Мотоцикл несся под горку, ловко протискиваясь меж деревьев. Икая от страха, Людка все-таки успевала удивленно восхищаться шоферскими навыками своего героя. Лица его она видеть не

могла. Но дуга спины излучала уверенность. Она прижалась к ней бледной щекой. Если бы она была собакой, она бы вжала уши. Но люди такое делать не умеют. Поэтому она просто зажмурилась, гоня от себя ощущение, что все они вместе с мотоциклом несутся в пропасть навстречу неминуемой смерти.

Агенту 0014 ничего подобного и в голову не приходило. Когда они очутились в открытом поле и бандиты начали беспорядочную стрельбу, азарт дичи, за которой гонятся охотники, впрыснул в кровь адреналин, что прибавило жизненных сил. (И напрасно некоторые пускаются в разговоры, будто азарт в охоте существует только для охотников. Между прочим, для любого объекта охоты процесс погони представляет неменьший интерес.)

Утренний ветер, срывающий с деревьев настоящий за ночь сон, вскружил ему голову. Сельский пейзаж показался ему нереально сказочным: огромные, налитые чистейшим золотом колосья, вековые пальмы, улетающие причудливыми для пальм игольчатыми верхушками в лазоревое южное, пенное от розовых облаков небо, два удивительных белых цветка, похожих на миловидные девичьи личики, мелькнувшие у самого колеса, и стволы чужих деревьев, влажные, как в джунглях...

Агент 0014 забыл про продавщицу, балластом висящую у него на корме. Он забыл про бандит-

ские пули, про многие свои прошлые неудачи, про личного психоаналитика, доведенного до самоубийства. Он неся спасать мир. Этот сказочный, прекрасный мир, который, несмотря на чужеродность, считал своей родиной.

Пролетев сквозь лес, мотоцикл выехал на узкую дорожку, больше напоминавшую широкую тропу. И спустился по перекинутому через реку мостику.

— Куда?! — взревела Людка, глядя, как ее герой ведет машину напрямик на ветхий мосток, с которого еще ее бабушка, будучи совсем юной, прыгала в воду. По этому мосту отваживались ходить только отчаянные мальчишки, да и то лишь до половины, чтобы, следуя вековой здешней традиции, с воплем сигануть с него вниз.

— Куд-куда... куд-куда... — послышалось агенту.

Он поморщился. Странные завывания показались ему неприятно знакомыми. Где-то он слышал этот голос раньше? Может быть, в далеком детстве, когда был с мамой в зоопарке?

Мотоцикл затрясло на шатких досках. Возможно, откажись Людка от рискованного путешествия и вернись она в свое родное село, все закончилось бы куда лучше.

Но время уже давно работало против всех и против нее в частности. Добравшись ровно до середины моста, мотоцикл здорово накренило влево. Из-под колес посыпались сухие щепки прогнившего настила. Доски с глухим скрипом про-

ломились, потом жалко хрустнули все разом и каскадом полетели в воду. А вместе с ними туда же полетели Людка, мотоцикл и сам агент 0014. Падая, он все еще смотрел куда-то за горизонт. И в глазах его пылало безумие.

* * *

От нечего делать Джеф тупо пялился на муху, сонно потирающую лапкой о лапку, прежде чем слететь с желтого от копоти потолка и устремиться навстречу новому утру. Его сторож, не внявший приказу своего приятеля, здорово наклюкался и теперь храпел на диване. Когда он впервые огласил неухоженную комнату вялым посапыванием, Джеф попытался высвободиться. Но тщетно. Эти парни привязали его к стулу намертво. Видимо, знали толк в этом деле. Он еще какое-то время повозился, а потом плюнул и перестал. Что толку, если все равно ничего не выходит.

«В конце концов, — решил Джеф, — эти придурки вовсе не похожи на головорезов. Они вряд ли станут пытаться меня, отрезать пальцы, требуя выкупа, или проделывать еще нечто подобное. Пускай тот, кто назвался Шпунтиком, позвонит отцу. Ему же хуже».

Так что Джеф благоразумно решил сидеть тихо и ждать окончания своего приключения. Придет время — и его освободят. И ему уже заранее было жалко своих похитителей. Они хоть и полные идиоты, а все-таки не бандиты. Обычные парни,

которым скучно и лень работать. Вот и бесятся от желания хоть как-то самовыразиться. Да и вообще, если уж у первых встречных, миленьких с виду девчонок в багажнике машины лежит труп и они вполне серьезно рассуждают, стоит ли «замочить» случайного свидетеля, то что уж говорить о пацанах.

Джеф задумался. На лице его блуждала мечтательная улыбка. Если бы он увидел себя сейчас в зеркале, то его бы стошнило от омерзения. Сейчас Джеф был обыкновенным мальчишкой и ничем не походил на крутого репера. И мысли его тоже были обыкновенными. Он вспомнил тех двух девчонок, от которых позорно бежал прошлым вечером. Особенно ему нравилось вспоминать ту белокурую, синеглазую, которую он называл Бемби. Она ему понравилась сразу, нравилась и сейчас, несмотря на все отягчающие обстоятельства их знакомства. Было в ней что-то родное. Он поклялся бы, что чувствовал исходящее от нее тепло с запахом имбиря и корицы. Он увидел ее как наяву. По ее льняным волосам пробежал оранжевый луч закатного солнца, она подняла головку, глянула на него распахнутыми синими глазами. В ее глазах отражалось вечернее небо. Он смотрел в них, не отрываясь, желая проникнуть в глубину ее мыслей, надеясь увидеть там что-то, что дало бы ему надежду на счастье быть понятым. Он хотел было дотронуться до ее розовой, пушистой, как персик, щеки, даже протянул руку...

Но оглушительный треск заставил его вздрогнуть. Джеф проснулся. Очумело огляделся по сторонам, все еще находясь во власти видений.

«Она похожа на мою мать, — со странной смесью ужаса и смущения подумал репер. — У меня болят зубы, когда мать начинает свои обычные причитания, я сгораю от стыда, когда она сует мне в сумку свои дурацкие пирожки, я с удовольствием грублю ей, а иногда просто-таки ненавижу. Да взять хотя бы начало моего нового хита: «Вчера я убил свою маму...» Дурь, конечно, я ведь ее не убью, но подобная песня о чем-то да говорит. И все-таки я влюбился в девушку, очень похожую на мою мать. Парадокс!»

По комнате протопал Шпунтик и, подойдя к дивану, грубо пихнул храпящего приятеля в бок. Тот всхрапнул напоследок и, разлепив покрасневшие глаза, тупо уставился на него:

— Я что, спал?

— Я бы назвал это именно так, — хмуро ответил Шпунтик.

— Ну что ж... — Винтик развел руками и виновато улыбнулся.

— Как дал бы по ушам. — В разрез произнесенному тексту Шпунтик по-доброму улыбнулся, глядя на него.

— Так чего, ты звонил папашке его? — Винтик кинул косой взгляд на Джефа.

Тот моргнул. Что-то неприятное шевельнулось у него под ребрами. Отец у него не подарок. Это всякий скажет. А если у мамыши спросить, так, по

ее мнению, он вообще исчадие ада. И хотя у нее насчет всего свое, довольно оригинальное мнение, в чем-то она права. Еще никто не задавался вопросом, в какого демона превратится отец, если у него потребуют пол-лимона долларов в качестве выкупа за похищенного сына. Джеф с откровенной жалостью уставился на Шпунтика. А тот широко улыбнулся и вдруг вытащил из кармана брюк мобильный телефон:

— Я лучше придумал. Вот, позвоним отсюда.

— Ребята, — голос репера стал хриплым вовсе не потому, что он хотел казаться крутым. Просто ему вдруг стало страшно. Такое можно почувствовать, когда смотришь под ноги, стоя на краю пропасти. — Послушайте меня. Я вовсе на вас не в обиде и ничего плохого вам не желаю. Деньги в том количестве, которые вы собираетесь потребовать, действительно можно потребовать только у моего отца. У всех остальных, включая и меня, таких денег нет. Даже половины нет. Да и вообще, кому бы вы сейчас ни позвонили, отец узнает об этом звонке ровно через пять минут. Так что все равно звонить ему или кому другому. Поэтому я и дал его прямой телефон. Но поверьте мне, не стоит вам с этим затеваться. Будет лучше, если вы меня отпустите и мы разойдемся.

— Ха! — возмущенно выдохнул Шпунтик, очень внимательно прослушав вдохновенную речь Джефа. Потом он обернулся к Винтику и повторил: — Ха!

А тот насупился, пожал плечами и пробубнил:

— Может быть, он прав?

— Что значит прав?! — повысил голос Шпунтик.

— С виду он парень-то неплохой, — Винтик оценивающе оглядел репера, словно проверяя на глаз свою догадку. — Вроде бы не скотина. Чего бы ему так нас уговаривать.

— Да денег жалко! — объяснил Шпунтик. — Свои деньги жалеют даже очень неплохие парни.

— Но он говорит, что нам же хуже будет, — не слишком уверенно заметил Винтик.

— А что бы ты стал говорить на его месте?

Джеф счел, что момент удачный для продолжения переговоров. Между партнерами по бизнесу наметилась трещина сомнений. Он кашлянул и горячо произнес:

— Я же не просто так говорю. Я знаю. Не лезьте вы в это дело, парни. Вас же в порошок сотрут.

— Ну? — Шпунтик торжественно указал на него обеими руками и обратился к приятелю: — Это же типичный треп заложника.

— Что-то мне не нравится этот треп, — мрачно изрек тот.

— А с чего бы тебе должно это понравиться?! Банальный психологический прием. Все жертвы пугают хищников. И что с того? Жрали их и будут жрать.

— Мне все равно не нравится, — заупрямился Винтик, — и ты мне таким не нравишься. Ты таким раньше не был. А в этом пиджаке, с писто-

летом и мобильником — прямо настоящий гангстер. Смотреть на тебя тошно.

— Я пытаюсь делать дело! — обиделся Шпунтик. — Я пытаюсь заработать нам с тобой пол-лимона баксов. А такие деньги просто так не достаются!

— А на хрена нам с тобой такие деньги? — словно услыхав впервые, удивился приятель. — Все, что нам нужно, это раздобыть две бутылки пива на завтрашнюю опохмелку.

— Я хочу жить богато и счастливо, — уверенно заявил Шпунтик.

— Вся проблема в том, что с вашим планом вы вообще жить не будете, — счел нужным напомнить ему репер.

— А ты вообще заткнись! — озлобился Шпунтик.

— А если он прав? — Винтик почесал ухо и робко глянул на друга.

Тот молитвенно сложил ладони и проникновенно обратился к нему:

— Ну, я тебя прошу. Ради меня, пожалуйста! Давай попробуем. Вспомни, как вчера нам перло. Да и до сих пор прет. Посмотри, я просто подумал, что мне нужен мобильный телефон. И, пожалуйста, набрел на лоха, который дал мне его в безвозмездное пользование. Старушка-удача все еще на нашей стороне. Не пинай ее ногой под зад. Это же глупо. Чертовски глупо.

Трудно сказать, что больше подействовало на проspirтованную сущность Винтика: смысл фраз

или молящие нотки в голосе Шпунтика, но он повесил голову и тихо буркнул:

— Ладно, валяй. Звони его папашке. Надеюсь, в твоей книжонке написано, что делать, если в попытке заработать миллион тебя схватят за задницу...

Шпунтик не стал пускаться в дискуссию о пользе чтения популярной литературы. Он схватил телефон и быстро набрал номер отца Джефа.

* * *

— Попробуем еще раз.

Предыдущие неудачные попытки веру Кудрявого в победу над злым роком никак не остудили. Он резво подхватил стойку с халатами и вялым Бекой и понесся на большое дерево. Раздался сухой стук. Хлипкая на вид стойка оказалась сварена на славу.

— Из такой стали ракеты бы делать! — недовольно пробурчал Кудрявый, проводя рукой по гладкой железяке, ничуть не деформировавшейся ни от этого, ни от всех предыдущих ударов. Он вздохнул и тяжело поплелся на исходную позицию. Халаты и Бека волочились за ним.

— Помолился бы, а? — пискнул Бека.

— Заткнись! — рывкнул Кудрявый.

— Бога просить надо, чтоб смиловался и помог.

— Заткнись!

Он отошел метров на десять и снова изгото-

вился бежать на дерево. Задумка его была очень простой: с разбегу садануть стойку об ствол массивного клена. Предполагалось, что от удара она разлетится на рейки и пленники смогут избавиться хотя бы от громоздкой металлической конструкции. Кудрявый не слишком-то хорошо представлял, как они с Бекой доберутся до дома, будучи в женских цветастых халатах да скованные наручниками. Однако он совсем не мог представить, каким образом они это проделают еще и с магазинной стойкой. Да их же загребут первые встречные менты. И хорошо, если менты попадутся, а не врачи «неотложки». Тюрьма, конечно, место гиблое, но Кудрявый знал ее законы. А вот как вести себя в психушке, чтобы не спать у параша, — этого он пока не выяснил. И выяснять не рвался. Впрочем, в тюрьму он тоже особенно не желал. Просто если сравнивать тюрьму и психушку, он предпочел бы первое. Если бы какой добрый человек рассказал ему, что в психиатрической лечебнице параш вообще нет и максимум, что ему грозит за плохое поведение, — инъекция с сильным снотворным, то, может быть, он и не корячился бы сейчас возле этого клена. Но доброго человека не нашлось, а потому он крякнул и снова понесся на дерево. И опять раздался сухой стук. Беку мотнуло в сторону. Он полетел в кусты, уволакивая за собой и халаты, и стойку, и разъяренного орущего матом Кудрявого.

— Во дают парни! — восхитился шофер, глядя с пригорка на Кудрявого и Беку.

— Уже полчаса, как они о дерево долбаются. — Иннокентий Валерианович нахмурился: — Интересно, зачем?

С пригорка, находящегося метрах в ста, картина избавления выглядела действительно странной.

— Они там вдвоем или как? — озадачился шофер.

— Может быть, это ритуал какой? — пожал плечами Иннокентий Валерианович, глядя, как две мужские фигуры в цветастых халатиках выволакивают из кустов магазинную стойку.

— Нужно потом спросить, где они такую траву берут, — задумчиво проговорил шофер. — Это же надо так обкуриться.

— Как это похоже на Барышкина, — Иннокентий Валерианович горестно вздохнул. — Эхехе... И как он мог стать моим конкурентом? Бред какой-то!

Он и дальше бы сетовал, но тут в кармане его пиджака мелодично затренькало. Он вытащил мобильный и ответил:

— Алло.

Слушал долго, не перебивал. Казалось, даже забыл о говорящем, потому что неотрывно смотрел на Кудрявого, собирающегося вновь напасть на дерево со своим обозом. Только лицо его как-то нехорошо вытянулось и нос заострился. Видимо, в трубке устали излагать свои мысли. Иннокентий Валерианович нервно поправил галстук:

— Гм... А кто говорит? И почему же я должен вам верить? Так, прошу вас, пожалуйста...

Потом он снова слушал. Шофер глянул на шефа, хмыкнул и снова уставился на забавную сценку, разворачивающуюся в ста метрах от них.

— Слушай, — Иннокентий Валерианович покачался назад вперед на носках, пожевал губами, раздумывая, — сейчас не самый подходящий момент. У меня дела. В самом деле очень важные. Давай все по порядку. Сначала одно, потом другое. Перезвони мне часиков в семь, я думаю, уже можно... нет, позвони лучше завтра. А что такого? Так и ты не знаешь о моих проблемах. Все. Держись там.

Он сунул трубку в карман и задумчиво глянул на голубое небо. По лазоревой глади скользили легкие лучи утреннего солнца.

— Пять миллионов, это большие деньги, — задумчиво проговорил он.

— Еще бы! — тут же согласился шофер.

— Вот и я говорю. Никаких дел, пока это не закончится. Не хотелось бы терять пять миллионов.

— А что, новое дело?

— Да, сделка намечается, — Иннокентий Валерианович хмыкнул и, прищурившись, глянул на разбегающегося в сторону дерева Кудрявого. — Каждый думает, что именно его дело — первоочередное. Ну как объяснить людям, что далеко не каждый из них пуп земли?

— Ай, все равно не поймут, — отмахнулся шофер.

Шеф вдруг приосанился и сменил тему:

— А где наше подкрепление, хотелось бы мне знать? Не торчать же нам тут на пригорке до самого вечера!

Он снова вытащил мобильный и набрал номер.

— Николай! — гаркнул он, когда в трубке ответили. — Где тебя черти носят?! Что? Уже бой? Как ушел? От твоих парней ушел? Вы что там, пьяные все? У меня к тебе еще одна просьба. Разделись там, пусть одна машина едет в Иванцы, прямо к сельпо, а вторая... Что? Как это нет второй?! Куда влепилась? В дерево влепилась?! А чем это дерево вас так привлекло?

— Прямо эпидемия какая-то, — заметил шофер, который с большим интересом слушал разговор шефа. — Все лупятся о деревьях. Что за удовольствие такое?

— Коля, — вкрадчиво позвал в трубку Иннокентий Валерианович, — а тебе не пришло в голову, что по лесу на джипах не ездят? Значит, в пылу погони вы леса не заметили? Просто превосходно! Ну хорошо, добирайтесь до Иванцов на том, что у вас осталось. Только учти, это очень серьезная ошибка с твоей стороны. И еще, я уже очень долго вас жду.

Он кинул трубку в карман и тихо прошипел одно из тех ругательств, которые неприлично проговаривать во всеуслышание.

— Да будет вам, — попытался успокоить его шофер. — С кем не бывает. Я вот однажды тоже в мусоровоз въехал. Ему-то хоть бы хны, а у меня вся морда вдребезги. И ведь что обидно, я же, сами знаете, машину вылизываю, как любимую женщину, по два раза на день. А тут приезжаю в сервис, а козлы эти носы воротят и ну гоготать, мол, воняет им. Я уж...

— Да замолчи ты, ради бога! — взревел Иннокентий Валерианович, совершенно не желая успокаиваться. — День как-то дурно начинается!

Телефон снова зазвонил.

— Если Коля сообщит, что въехал в дерево на оставшемся джипе, я ему башку снесу, — прошипел шеф и резко гаркнул в трубку: — Да!

Однако позвонил ему не Колян. И вообще не подчиненный, а человек явно из «высоких чинов». Иннокентий Валерианович с грозного рыка тут же прыгнул на сухую деловитость:

— Я понял, — сказал он кому-то. — Это ужасно, но что я могу сделать? Я понятия не имею, где эта штука сейчас находится. Так ведь если бы вы меня послушали, мы бы с вами уже давно были при деньгах. И не нужно было бы мир спасать. Во всяком случае, сейчас... Хорошо, я попытаюсь что-то сделать. Но учтите, нам придется пересмотреть процентное соотношение. Предлагаю 70 моих против ваших 30. Грабеж? Но заметьте, вы все еще сидите в Москве, в своем министерстве. О да, простите, забыл о конспирации. И тем не

менее я-то в поле работаю. спасаю, кстати, и наши деньги, и вашу, извините, задницу. Да, у меня будут наводки и я найду наш товар. Нет, я не блефую. Я вообще никогда не блефую. Вы это знаете. Всего доброго. Гм... не находите, что в сложившихся обстоятельствах эта дежурная фраза звучит совсем с другим смыслом?

Он положил трубку в карман и глянул на шофера. В его глазах мелькнуло что-то ястребиное. Шофер даже присел слегка.

— Некогда гимнастикой заниматься, — резко проговорил Иннокентий Валерианович, заметив его движение, — нужно действовать, пока мы все не взлетели на воздух.

Он быстро пошел по дороге к магазину.

— А что случилось? — шофер кинулся следом.

— Много чего, — загадочно ответил ему шеф.

— Это «много» действительно стоит того, чтобы мы шли вдвоем в штаб противоборствующей группировки, не дождавшись подкрепления? — Он опасливо покосился на шефа.

— Еще как стоит, — уверенно ответил тот. — К тому же наших лесных братьев в цветастых халатах уже и след простыл.

— Они по дороге ушли, к магистрали, пока вы разговаривали. Видимо, надоело развлекаться таким тупым способом.

— Вытащи-ка лучше оружие, — посоветовал Иннокентий Валерианович, не одоблив неуместную для столь серьезного момента шутку.

* * *

*До взрыва осталось
04 часа 24 минуты 16 секунд.*

— У меня такое впечатление, что мы ходим по кругу, — надсадно пропищала Алиса. — Кажется, это дерево я уже видела.

Пищать было отчего. Она едва передвигала ноги, потому что практически тащила на себе Лину. Та повисла у нее на плече, обхватив рукой за шею.

— В лесу много похожих деревьев, — проворчала она, морщась от боли. — И вообще, ты хотя бы ходить можешь.

— В данный момент не сказала бы, что это преимущество, — огрызнулась Алиса, подхватив сестру за талию. — Ну как тебя угораздило что-то сделать с ногой! Могла бы быть осторожнее.

— Что-то! — возмутилась Лина. — В такую ямищу загреметь. Хорошо хоть одну ногу только подвернула. Могла бы и шею сломать.

— Одним трупом больше, одним меньше, — даже не улыбнувшись, заметила Алиса. На улыбки у нее сил не осталось. — А вообще, нужно было под ноги смотреть.

— Кто бы говорил! Ты вообще бежала с закрытыми глазами. Если бы я не была впереди тебя и не упала прямо перед твоим носом, то в яму угодила бы ты.

— Это версия, — мрачно изрекла Алиса, попы-

тавшись сдунуть прядь волос с мокрого лба. Ничего у нее не вышло.

— Это аксиома.

— Вот и нет. Ты с детства чемпионка по расшибленным коленкам и ссадинам. Вспомни, как ты на ножницы села в пятом классе.

— Да ну тебя, — отмахнулась Лина, не желая продолжать пустую перебранку. — Какое теперь до всего этого дело.

— Есть, представь себе. И это дело такого рода, что ты подвернула ногу, а я тащу тебя на себе, — проворчала сестра. — И вообще, день снова не задался.

— Ничего! Судя по тому, как он начинается, мы в скором времени набредем на нашу машину. И всего-то, что нам останется, — это закопать труп.

— Не напоминай, — Алиса вздохнула. — Я как начну подсчитывать, у меня мурашки по коже.

— Подсчитывать что?

— Как это что? Неужели ты думаешь, что нам все сойдет с рук? Лично мне не хочется быть страусом и зарываться в песок. Я смело смотрю в глаза будущему и хочу точно знать, сколько этого моего будущего пройдет за решеткой.

— Ты не любишь быть страусом?! — устало усмехнулась Лина. — Да ты всегда им была. Помнишь, как ты умоляла меня пойти посмотреть, поступила ты в институт или нет?

— Это все глупости, — отрезала Алиса. — То

было детство. А сейчас... как ты думаешь, сколько накинута за похищенный автомобиль?

— Ну... года два условно, если первая судимость и учитывая обстоятельства.

— Нет уж, обстоятельства лучше не учитывать. А то еще труп всплывет. А вот если все-таки сначала труп обнаружат, а потом угон автомобиля?

— Понятия не имею, — Лина пожала плечами. — Мы такое еще не проходили в институте. И вообще, я же на факультете международного права.

— А еще мы Джефа грозились убрать. Он, пожалуй, этот факт с удовольствием подтвердит. Хорошенькие у нас с тобой характеристики вырисовываются. Просто прирожденные убийцы какие-то.

— И это еще, не принимая во внимание твой хвост по социологии, — съязвила Лина.

— Н-да...

— И еще разжигание гангстерской войны в Подмоскowie. Видела, какие молодцы нагрянули? Они тут всех дачников перестреляют. Так что сидеть нам не пересидеть, — мрачно заключила она.

— Значит, пожизненный?

— Я бы не была такой оптимисткой. Нас, как этого... ну, международного террориста, упекут на пять пожизненных, не меньше.

— Ох-хо-хо, — заскучала Алиса. — Хоть и не выходи из этого поганого леса к людям.

А люди долго ждать себя не заставили. Сами появились. Едва Алиса решила отдохнуть и опустила Лину на землю, прислонив спиной к толсто-

му стволу дерева, как поляну заполнила целая толпа девиц. Все они устало тащились, глядя себе под ноги и не обращая внимания на случайных, кстати сказать, совершенно неожиданных в этом месте и в столь ранний час двух девчонок. А может быть, они просто приняли их за своих. Во всяком случае, никто из проходивших даже не глянул в их сторону. Перевалив через поляну, они снова углубились в лесные заросли. Замыкали процессию несколько мужчин. Тоже апатичных от усталости. Один из них тащил на себе большую профессиональную камеру, другой зачем-то волочил штатив от осветительного прибора.

— Кто это? — удивленно прошептала Алиса.

— Может, грибники, — равнодушно предположила Лина.

— А камера-то им зачем?

— Понятия не имею. Я вообще никогда по грибы не ходила. Не знаю, что положено с собой брать для поиска всех этих маслят и сыроежек.

— Странные какие-то грибники.

— Этот лес вообще странный. Чего же удивляться, встретив в нем грибников с бетакамовской камерой? — рассудила Лина.

* * *

Продюсер Джефа Борис плелся в самом хвосте толпы. Всю ночь они бродили по лесу в поисках его подопечного, а заодно и выездной базы съемочной группы. Заходили в пару деревень. Но как

спросить дорогу к тому месту, о котором имеешь весьма смутные представления? Натуру-то как выбирали? Режиссер махнул рукой, мол, подходящая, там и развернули лагерь. А где это, у какого поселка, в каком районе? Шут его знает. Никто даже не задумывался об адресе. А зачем? Сняли и уехали. Кто же мог предположить, что случится свалка, сбежит артист, все понесутся его искать и заблудятся? Знали бы, так хоть метки на деревьях оставляли. Хотя куда там! Девки эти словно ополумели. Бежали с визгом до самого вечера. Это ночью только охрипли и выдохлись.

Борис с ненавистью глянул на авангард движения. Он, конечно, знал, что молодые длинноногие красотки могут причинить мужчине немало неприятностей. Но эти бестии навсегда отвратили его от себе подобных. Проблуждав по ночному лесу, он теперь понимал, какова настоящая разрушительная сила красоты.

«Если я когда-нибудь женюсь, — дал себе обещание продюсер, — это будет пухленькая домашняя хохлушка».

* * *

— Странно... — Иннокентий Валерианович заглянул в прореху оконного стекла и оглядел пустой зал сельпо. — Не похоже это на штаб Барышкина.

— А на что это похоже? — шофер тоже заглянул в окно.

— На сельпо, — пожал плечами шеф и продолжил свою мысль: — У Барышкина же приняты всякого рода электронные штучки: пульт связи, например. Потом еще парни в камуфляже. Дюжина, не меньше. Я вот помню, когда мы на переговоры приехали...

— Тю, — протянул шофер, — так то ж переговоры! А тут полевые условия. Не до показухи.

— Может быть, ты и прав, — неожиданно согласился Иннокентий Валерианович.

Откуда-то из глубины помещения донеслось слабое завывание.

— Что это? — шеф прислушался.

— Кажется, кто-то зовет на помощь, — несмело предположил шофер.

— И нет никого... — Иннокентий Валерианович оглянулся еще раз.

Остановив цепкий взгляд на шофере, усмехнулся:

— Ну-ка, снимай куртку.

— Зачем? — удивился тот.

— Затем.

Шофер глянул на небо: то ли защиты искал, то ли поддержки. Выглядело это так, словно шеф предложил ему пойти на эшафот. Однако спорить с ним он не стал. Стянул куртку. Иннокентий Валерианович обернул ею кулак и прищурился, оценивая, как лучше ударить по остаткам оконного стекла, чтобы осколки не полетели во все стороны.

— Хотите совет? — прохрипел водитель.

— Не хочу, — отрезал шеф и саданул по стеклу.

Осколки аккуратно посыпались под ноги.

— Теперь иди, — приказал он шоферу, указывая внутрь.

— Я?

— Тут есть еще кто-нибудь?

Шофер вздохнул и полез в разбитое окно. Иннокентий Валерианович внимательно следил за его движениями.

— Ну что? — поинтересовался он, выждав, пока подчиненный осмотрится в магазине.

— Хотите знать, не валяются ли прямо на полу ваши пять миллионов? Так вот я вынужден вас огорчить — не валяются.

— Хватит шутить, умник, — разозлился шеф и тоже залез внутрь.

В зале сельпо было сумрачно и противно. На прилавке копошились жирные мухи.

— Удивительно, почему не едет милиция? — Иннокентий Валерианович покосился на дырку окна, в которую они только что проникли. — Неужели нет сигнализации?

— Да она уже лет пять, как минимум, не работает, — водитель хмыкнул. — Это же сельпо, а не супермаркет.

— Ну да, ну да... — шеф потер переносицу. — Куда же они все подевались?

— Барышкинцы? Наверное, узнали, где та «девятка». Сорвались и покатили.

— Хотел бы я быть на их месте, — шеф глянул

на часы. — Так... у меня есть еще как минимум...
Времени на поиски хватит.

— А почему вы вдруг заговорили о времени? —
изумился шофер. — Пять миллионов искать ни-
когда не поздно.

— Значит, может и такое быть, что окажется
вдруг поздно, — загадочно ответил шеф.

— А-а-а, — понимающе кивнул шофер, хотя
ничего не понял.

В этот момент до них опять донесся едва раз-
личимый стон.

— Ну вот, — радостно констатировал шофер,
направляясь к двери подсобки, — не все барыш-
кинцы укатили. Кого-то забыли, кажется.

Одним рывком он оторвал замок от хлипкой
петли и открыл дверь.

Иннокентий Валерианович некоторое время
слушал приглушенное сопение, потом не выдер-
жал:

— Ну что?

— Если вы про пять миллионов, то их и тут
нет, — донеслось из подсобки.

— Я тебе сейчас пошучу! — озверел шеф.

— Ладно, ладно, — в проеме двери появилась
довольная физиономия подчиненного, — кое-что
тут все-таки лежит.

С этим он снова исчез. Послышалась возня,
затем шофер появился и выволок на свет изрядно
побитое тело. При ближайшем рассмотрении мож-
но было догадаться, что это Принц.

— Н-да... — заключил Иннокентий Валерианович. — Вот как Барышкин обращается с нужными ему людьми.

— А я всегда говорил — зверь! — с энтузиазмом поддакнул шофер.

Принц вздрогнул и, открыв незаплывший глаз, уставился на Иннокентия Валериановича. Узрев его черты, он почему-то улыбнулся. Потом разомкнул пересохшие уста:

— Вы китайцы?

— Во дает! — воскликнул шофер.

— С чего ты взял, что мы китайцы? — строго осведомился шеф.

— А... — Принц вяло махнул рукой, мол, не имеет значения. — Это я так... Мало ли, может, повезет напороться на настоящего китайца. Никогда не знаешь, кто есть человек на самом деле.

— Нечисто тут, — разволновался шофер, — те обкуренные об дерево долбились, этот в каждом нормальном человеке китайца видит.

— Китайцы тоже нормальные люди! — гневно воскликнул Принц и тихо добавил: — К тому же богатые. У меня к ним дело.

— Что, ко всем китайцам сразу? — серьезно спросил Иннокентий Валерианович.

— Ну да.

— Вот и я говорю, — шофер чуть не подпрыгнул от таких заявлений, — сумасшедший.

— Слушай, этот и его шайка, — шеф ткнул двумя пальцами в сидящего на полу Принца, — они

всегда были ненормальными. Во всяком случае, нормальными я их никогда не видел. Полные придурки. Так что не паникуй. Лично я спокойно принял тот факт, что этот желает узреть всех китайцев одновременно, а его приятели шляются по округе в женских халатах.

— И долбятса об дерево, — напомнил шофер.

— И это тоже в их жанре.

— Значит, вы не китайцы, — разочаровался Принц.

— Слушай, ты, — шофер сжал кулаки, — меня еще никто китайцем не обзывал! У меня фамилия Иванов, понял? И рожа круглая.

— А где ты видел китайца с узкой рожей? — заупрямился Принц.

— Я ему сейчас во второй глаз заеду, — прошипел шофер.

— А какое у тебя к ним дело? — поинтересовался Иннокентий Валерианович.

Принц распрямил сгорбленную спину и ответил с достоинством:

— Это касается только меня и Китайской Народной Республики.

— Ну-ну, — понимающе кивнул шеф.

— Теперь я понимаю, чего он такой побитый, — в глазах шофера скользнуло холодное презрение. — Он тут всех достал своими русско-китайскими отношениями.

— Не-е, — помотал головой Принц, — козлов своих я разогнал. Потом тут один бык наехал.

Потом корова потоптала. В общем, день какой-то дурацкий получился.

— Чего тебя на ферму-то понесло? — процедил шофер, искренне презирая его.

— И ведь что обидно, — продолжал свою мысль Принц, не обратив на него никакого внимания, — сидел бы в Москве. В Москве китайцев сколько хочешь. Прямо на каждом шагу. Чего меня понесло в такую глушь? И деньги потерял, тьфу!

— Это тебя Барышкин китайцев просил найти? — Иннокентий Валерианович сдвинул брови.

— Что-то я не верю, чтобы господин Барышкин так быстро свихнулся, — засомневался шофер. — На прошлой неделе вы с ним в «Метрополе» обедали, так выглядел он вполне нормальным. Ну, если не вспоминать о том, как он начал сплевывать в сторону, когда вы о долге напомнили. И глаз у него нехорошо так задергался. Прямо скажу, в этот момент я подумал, уж не блевонет ли он той курятиной, которой закусывал. Выглядело все это очень неэстетично. Хотя, с другой стороны, что красивого в сумасшествии?

— Да заткнешься ты когда-нибудь! — взревел шеф.

Шофер вздрогнул и отступил на шаг в сторону. И тут же принялся тихонько насвистывать, пялясь в потолок и изображая полное равнодушие к происходящему.

— Какие китайцы тебя интересуют? — Иннокентий Валерианович ласково взглянул на Принца.

— А вы кого из них знаете? — оживился тот.

— Мао Цзедуна.

— А деньги у него есть? — Глаза Принца засветились надеждой.

— Я думаю, да.

— Много?! — Он аж подскочил.

— Своих — не знаю, а общественных немало.

— Вот! — многозначительно изрек Принц. — Он мне очень нужен.

— Решил последовать идеям Мао? — тихо поинтересовался шофер.

— Сколько ты хочешь? — продолжил разговор шеф, недобро косясь на подчиненного.

— Пять лимонов, не меньше, — с достоинством ответил Принц. — Тот бык сказал, что я могу рассчитывать на пять лимонов. Но мне кажется, если хорошо поторговаться, можно и все шесть выцепить.

— А что с товаром?

— В полном порядке, — Принц хлопнул себя в грудь, — лучше не бывает.

— Слушай, — Иннокентий Валерианович присел на корточки, чтобы смотреть ему в глаза, — эту штуковину больше, чем за пять, не продашь.

— Жаль, — погрустнел Принц, — я пока тут сидел, уже и на шестой замахнулся. Столько, знаете ли, планов...

Шеф поднялся, подошел к шоферу и тихо проговорил:

— У парня с головой проблемы. Наверное, последствия шока.

— Точно, — с жаром согласился шофер, — я этих шизиков сразу определяю. Хотя так, а хоть и в машине. Знаете, например, сколько в Москве сумасшедших за рулем? Каждый день на дороге не менее, чем с десятков встречаю. Некоторые даже и не скрывают...

— Подожди ты! — Иннокентий Валерианович поморщился. — Чувствуется, что он много знает, но пока в голове у него сумбур. Может быть, удастся из него что-то выудить.

Он снова подошел к Принцу.

— Куда все делись?

Тот моргнул:

— Китайцы?

— Нет, русские. Господин Барышкин, например.

— А он уже связался с китайцами?

— А должен был?

— Если нормальный человек, то должен.

— Значит, он поехал на встречу с китайцами? — вскинул брови Иннокентий Валерианович. — Ловко придумал. Решил загнать товар туда. В принципе, беспроигрышный вариант. И доставить легко. Приморье сейчас, как распахнутая дверь. И где они встречаются?

— Не знаю, что там с этим Барышкиным. —

Принц зажмурился, пытаясь что-то припомнить, потом открыл глаза и просиял: — А тот бугай вместе с коровой поперлись к Винтику и Шпунтику.

— Та-ак, — озадаченно протянул шеф, — новые имена всплыли.

— Я слышал, пока окончательно не отключился, или, может быть, сначала отключился, потом услышал и опять отключился...

— А где эти Шпунтики?

— Гм... Корова сказала, что в соседнем поселке за лесом. Недалеко. Сказала, что они такие гады, что Третью мировую войну развяжут — не поморщатся.

— Все ясно. — Иннокентий Валерианович повернулся к шоферу: — Ты же у нас чуть ли не местный. Знаешь, где этот поселок?

— Да тут дачных поселков, которые за лесами, пруд пруди, — тот сплюнул, — можно кругами ходить, а нужный найдешь только через месяц.

— Что мы и делаем, — зло подтвердил шеф.

— Ю-оу! — слабо взвыло у разбитого окна.

Все повернулись. В раме торчала измученная болью физиономия Саши Косолапых.

Иннокентий Валерианович вскочил на ноги.

— Чего ты сюда притащился?! — взревел он.

— Я приполз, — хрипло поправил Саша.

— Зачем?!

— Чтобы сказать, что девки сбежали, а меня ранили.

— Как они могли тебя ранить, они же связаны!

— Да нет, не они. Их освободили. Сначала меня ранили, потом их освободили. Все тот же хрен, который в лесу меня... меня... — Косолапых всхлипнул. Лицо его жалостно искривилось: — И мобилу отобрал, сволочь!

— Черт-те что! — выругался Иннокентий Валерианович. — Ты упустил последний наш шанс.

— О! — встрял Принц. — Тоже китайцев побежали искать.

— Зачем? — забыв про свои несчастья, удивился Саша.

— Теперь все их ищут, — со знанием дела отвечал Принц.

— Это уже переходит всяческие границы! — Шеф схватился за телефонную трубку и быстро набрал номер: — Алло! Коля? Где вы?

* * *

— Да тут мы, в лесу. Торчим, как чертовы Красные Шапочки, — зло выдохнул в свой телефон Колян. — Колесо лопнуло. Сейчас поменяем и поедем.

— А пешком дойти нельзя? Что вы там тянете? — рассвирепел Иннокентий Валерианович.

— Тянем? Думаете, можно стволы быстро из одной машины в другую перетаскать да и утрамбовать. Мелкие — еще ладно, а как с крупнокалиберными быть? — возмутился Колян.

— Ну, хорошо, — сдался шеф. — У меня к тебе еще одно дело. — Тут он скосил глаза на торчащего в окне Косолапых. — У нас заложницы сбежали.

— А были и такие? — удивился Колян.

— Были, а теперь нет. И это весьма прискорбно. Так что запоминай приметы: на вид лет двадцать. Одна темненькая, волосы короткие, худая, словом, как мальчишка. Другая блондинка, длинноволосая, с кудрями, оформленная. Темненькая вся в черном: майка и джинсы.

— А блондинка в розовых коротких штанишках и сиреневой майке с розовым узором? — спросил Колян, вглядываясь куда-то в даль.

— Кажется, да.

— А темненькая хромает?

— Да нет, не хромала. Хотя все может быть...

Колян пощелкал пальцами. Михеич тут же подал ему большой бинокль. Он направил его в ту же точку, куда и раньше смотрел:

— А у блондинки нет родимого пятна чуть выше локтя?

— Какое родимое пятно! Что ты их там, препарируешь, что ли?

— Есть! — возопил шофер. — Есть родимое пятно на локте у той, которая светлая и языкастая.

— Они обе языкастые, — прохрипел Саша.

— У меня есть родинка, только на коленке, — встрял Принц. — Моя не подойдет?

— Уймись ты! — гаркнул шофер.

— Ладно, они наши, — заключил Колян и отдал Михеичу бинокль.

По кромке леса устало брели две девчонки и довольно громко спорили. О чем, Колян не понял, но немало удивился, расслышав странную фразу: «А твоя задница похожа на ковш экскаватора!»

* * *

*До взрыва осталось
03 часа 45 минут 07 секунд.*

Командир отряда спецназа подполковник Лавров пребывал в бешенстве. Он никогда не понимал, что это за глупая прихоть начальства — соединять его подразделение с целой армией бестолковых военных, при действии которых успешный исход операции просто невозможен. Еще Ленин писал (пусть нынче и не популярный, но ведь чертовски умный мужик), что «лучше меньше, да лучше». Он даже тактику партизанской войны разработал. И тактикой этой успешно пользовались и в Гражданскую войну, и в Великую Отечественную. Да и тактика проста, как пареная репа: маленькие партизанские отряды наносят врагу больший ущерб, чем целая армия тупоголовых новобранцев во главе с их тупоголовыми начальниками. Что толку тащить в дачный район Подмосковья тяжелую артиллерию, если она тут на фиг не нужна? Ну, вертолет — это еще, допус-

тим, подспорье. Но зачем все остальное? Танковое подразделение навязали. Для чего, спрашивается?! Танки эти уже половину местных лесов помяли. А дальше пойдут, так и остальное с землей сровняют. Вот и говори потом об экологии. И ведь говорил, орал даже — не помогло. Трех бандитов с танками искать. Да эти танки, плюс вертолет всех в радиусе пятидесяти километров перебудили. А бандитов уже, наверное, и след простыл. Станут они сидеть и дожидаться, пока в них из танков стрельнут! Ведь сколько раз говорил Лавров всем этим генералам, что нельзя мешать проводить его отряду спецоперацию. Нет, словно не слышат! А если опять, как в прошлый раз, все разметут безо всякого результата, кого обвинят? Конечно, Лаврова. А как же? Кто возглавлял операцию? И ведь ни один старпер в генеральских погонах не вспомнит, как несчастный Лавров с пеной у рта доказывал преимущества малых отрядов.

Подполковник оглянулся. Глаза бы его не видели, уши бы не слышали движущийся позади его легкого открытого джипа обоз.

На лицах его ребят застыло кислое выражение. Они тоже понимали, что ничего толкового не будет. Опять гаркнет кто-нибудь из пехоты, и понесется эта братия, забыв свои головы в машинах. Понесется напролом, не разбирая куда. А отряд спецназа останется в стороне. Поди разгони тучу малолетних с автоматами, чтобы расчистить себе

дорогу к преступникам. Еще стрелять начнут. Да тоже куда ни попадя. Чему их только учат в этой армии? Попадают только с метра, да и то в собственную коленку.

Делом занят был лишь механик Власов, который пытался наладить разобранный накануне робот. Этот робот с самого начала сделан был черт-те как. Точность его движений доводила Власова до конвульсий. Ни одно обезвреживание мины еще не прошло настолько гладко, чтобы не прибавить несчастному механику седых волос. Робот хватал своими железными ручищами все подряд, часто промахивался и хватал вообще не то, что нужно. Так что всегда дело оканчивалось тем, что Власов отгонял репортеров с камерами, чтобы, не дай бог, не засняли позорище отечественного роботостроения, и шел сам обезвреживать мину (разумеется, предварительно вырубив никчемную машину). А что делать? Доверься он этому роботу, так уже пол-Москвы давно взлетело бы на воздух.

Подполковник Лавров с сочувствием глянул на механика, но ничего не сказал. У каждого свои трудности. У него самого их хоть ешь без хлеба. В рации зашипело:

— У леса вижу два джипа. Один у дерева. Кажется, авария. Таскают оружие, — шурша помехами, доложили с вертолета.

— То, что нужно, — хмуро подытожил Лавров и крикнул шоферу: — Сворачивай в поле.

* * *

— Ты как хочешь, а я устала от этих деревьев! — Алиса резко повернула и пошла прямо в недозревшую пшеницу.

— И что ты будешь в полях делать? — ехидно крикнула ей вслед Лина.

— Ромашки рвать! — огрызнулась та, не сбавляя хода.

— И очень глупо ты себя ведешь. — Лина нехотя потащила за ней, сильно хромая на правую ногу.

— Может быть, и нет. Может быть, не стоит обходить поле по кругу, а гораздо удобнее пройти его наискосок.

— Но мы станем заметны!

— Кому? Твоя глупая осторожность меня уже с ума свела.

— Вот поэтому ты про нее и забыла. А зря. Хочешь, напомню, что за нами гоняются как минимум пять человек.

— Замолчи! — Алиса схватилась руками за голову. — Слышать об этом не могу.

Молча шли довольно долго. Когда оказались почти на середине поля, Лина спросила:

— И куда же ты направляешься?

— Вон туда, — Алиса махнула рукой вперед. — Там прореха между деревьями, видишь? Там точно дорога.

— Ладно, — Лина пожала плечами. — Кстати,

мы можем спросить, есть ли там дорога, вон у того черного джипа.

— Какого? — Алиса остановилась и присела.

— Который несется, похоже, к нам, — взволнованно объяснила ей сестра, глядя на быстро приближающуюся черную громадину. — Кажется, мне не хочется у них ничего спрашивать.

— Я тебя понимаю. — Алиса развернулась к лесу: — Нужно сматываться.

— И они тебя поняли. Смотри, огибают! Господи, они отрезают нам дорогу к лесу! — вскричала Лина.

— Мамочка! — Алиса всхлипнула. — Мамочка!

— Бежим! — Корчась от боли, Лина быстро похромала в поле. — Можно залечь в пшенице и поползти.

— Это глупо. — Алиса тоже побежала вперед.

— Давай! Давай! — орал Колян, давя на педаль газа.

Джип несся по пшенице, подпрыгивая на кочках.

— Чего ты разошелся-то? — недовольно буркнул Михеич. — Сам же за рулем.

— Сейчас мы вас заарканим, ласточки! — не обращая на него внимания, гудел Колян.

— Падай на землю! — истошно крикнула Лина, с разбегу плюхаясь на колючую солому. — Алиса! Падай, тебе говорю!

— Чего ты верещишь, — раздалось слева, — я давно уже лежу.

— Что это? — Лина приподняла голову и прислушалась: — Гул какой.

— Это от страха, — стуча зубами, пояснила Алиса.

— Слушай, может, мы зря так перепугались, а? — Лина тронула сестру за руку. — Может, эти парни на джипе всего-навсего тоже дорогу ищут. И нас решили спросить?

— Нет, у меня интуиция, — уверенно ответила Алиса.

Непонятный гул нарастал и быстро превращался в угрожающий рык. Девчонки поползли к лесу.

— Тебе не кажется, что земля под нами дрожит? — спросила Лина, физически ощущая мелкие толчки в грудь.

— Ага, я фильм такой видела. Там тоже поле дрожало, а потом из-под земли выпрыгивало чудовище и жрало кого ни попадая.

— Да ну тебя, — скривилась Лина. — Жалко одежду еще...

— Тебе жалко, — фыркнула сестра, — что уж мне говорить?

— По-моему, нас уже даже подкидывает! Трясет, как в болтанке, — пискнула Лина. — Я посмотрю.

— Ты что! Обнаружишь нас!

Алиса попыталась прижать ее к земле, но она уже поднялась на колени. Глаза ее округлились от ужаса.

* * *

— Ма-а-ать! — хором взревели Колян и Михеич, когда из-за леса выполз первый танк.

Колян надавил на тормоз. Джип даже заглох от неожиданности.

— Ничего себе! — зачарованно прошептал кто-то с заднего сиденья.

— У-у-у, — протянул Михеич, мысленно подсчитывая количество боевых машин, появляющихся на поле. — Это учения или как?

— Сдается мне, что «или как»... — тихо ответил Колян и судорожно вцепился в приборную доску.

— Нет, ну мы-то им зачем? Это же все равно, что с дробовиком за тараканом бегать, — возмутился Михеич.

— Чего-то мне не хочется учить их уму-разуму. — Колян завел машину и принялся лихорадочно выкручивать руль.

Впереди танков вырвались БТРы. Небо рассек скрежет вертолетных лопастей.

— Тикаем! — Колян двинул машину. Разбросав по сторонам комья земли, джип рванул к лесу.

— Давно пора, — согласился Михеич, но напомнил: — Только не в дерево.

— Там дорожка маленькая, я видел, — успокоил его Колян, — танки там не пройдут.

— Успеть бы, — Михеич оглянулся на догоняющие их БТРы.

Бандиты на заднем сиденье сжались в молчаливую кучку.

* * *

— Чего ты застыла? Чего?! — Алиса дергала сестру за руку, но та не реагировала, во все глаза пялясь куда-то вдаль.

— Ты не поверишь, — наконец изрекла она, еле ворочая одеревеневшим языком. — У тебя нет фотоаппарата?

— Совсем сбрендил? — Алиса вскочила на ноги, но тут же снова упала на землю и зашептала: — Скажи мне, что это мираж! Скажи мне, что это все равно, что такое, только не взаправду.

— Это тоже за нами?! — не успокоив ее, задалась вопросом Лина, глядя на надвигающиеся танки и БТРы.

— Судя по тому, что они едут сюда, то да! — упавшим голосом возвестила сестра.

По ним проползла тень вертолета.

— Господи! — Алиса зажмурилась.

— Так, молиться уже слишком поздно. — Лина встала на четвереньки. — Нужно сматываться.

— Думаешь, поможет? — всхлипнула Алиса.

— Но попытаться-то стоит.

Они двинулись к спасительному лесу. Причем каждая смогла бы поставить рекорд скорости и,

наверное, завоевать золотую олимпийскую медаль, если бы бег на карачках был включен в программу Олимпийских игр.

* * *

Бабка Соня глянула на себя в засиженное мухами зеркало, поморщилась, как от прокисшего молока, и вышла на крыльцо. В ворота отчаянно колотили. Вообще-то, она никого не ждала. Внуки уже подросли и два года мотались по затреницам, дети поразводились и теперь тоже где-то мотались. Хозяин бабки Сони (как принято называть мужей в деревнях) нигде не мотался, а, напробовавшись вчера свежевыгнанного Соней самогона, дрых на сеновале, волнуя храпом птичий двор.

— Кого черти принесли? — проворчала бабка Соня и, спустившись с крыльца раненой уткой, пошлепала по тропинке.

Чтобы в такую рань кто-то из деревенских сообразил прибежать за самогоном, такого она и помыслить не могла. Обычно мужики начинают тянуться после вечерней дойки, часов в шесть. Если кто из дачников только? Да дачники нынче капризные: им к шашлыкам водку подавай, да не абы какую, а всякую эдакую, которая на «фы-фы» кончается. А того не понимают, глупые, что радости с той водки тоже «фы-фы», и ничуть не больше. А вот ее самогон раньше на всю округу славился, потому что гнала она его на совесть, а

не так, чтобы людям тоски прибавить. И веселились с ее самогона все окрестные деревни. Особенно в тяжелые годы сухого закона. За это бабку Соню власти всячески притесняли, даже посадить грозились. Был тут один лейтенантик, все захаживал, проверял, не пахнет ли в доме сивухой. Донюхался. Люди говорили: уже и с сухим законом давно покончено, а он, горемычный, все бутылки по вокзалам собирает.

Бабка Соня остановилась у калитки, притихла. В ворота колотили с такой отчаянной силой, что того и гляди закричат: «Помогите!» Она поразмыслила, нужно ли отпирать. Потом пришла к выводу, что брать у нее все равно нечего, разве что хозяина ее, а он сокровище сомнительное, и, если кто умыкнет, она на вора в обиде не останется. Поэтому она отперла три засова и открыла калитку.

— Добрый дэн! — поздоровался с ней ошале-лого вида мужик в телогрейке.

— И вам того же, — кивнула бабка Соня, пытаясь понять, что ее смущает в незваном госте.

— Я являюсь дэстрэбутором фирмы «Покрэт», — произнес он с гортанным «р».

— Доброго здоровьечка. — Бабка Соня хлопнула глазами, не зная, что еще сказать на странное представление.

— Хочу вам рассказать о нашем замечательном товаре, — продолжил странный господин в телогрейке, ничуть не смутившись реакцией хозяйки дома.

— Зачем?

— Как это зачѐм? — возмутился посетитель. — Вы еще не знаете о наших кондиционэрах?

— Ой, милок! — всплеснула руками бабка Соня. — Я уже пять лет дальше Малиновки не хаживала. Я ни про ваши, ни про другие эти... кон... контрасифи... — Она запнулась, сиюсь не довести незнакомое слово до неприличного смысла. — ...ничегошеньки не знаю.

— Тогда сам бог послал меня до вас, — довольно заключил гость и шагнул во двор.

Бабка Соня отступила, пропустив его.

— Может, чайку? — сконфуженно предложила она, не понимая, чего это ее дернуло угощать незнакомца. Наверное, странное слово смутило.

— О, это русское гостепреимство! — восхитился он.

— Ну да, — нехотя согласилась хозяйка и пошла к дому.

Посетитель вдруг замер, прислушиваясь, наконец изрек:

— Вы сказали мне не совсем правду, так?

— Как?! — Бабка Соня испугалась. Обычно с такой фразой к ней обращался тот самый дотошный лейтенантик, ну, который... в общем... чего теперь о нем вспоминать.

— Вы сказали, что не знаете о кондиционэрах. — Гость хитро подмигнул и погрозил ей пальцем. — А что это за развалина урчит у вас на весь дом?

Бабка Соня тоже прислушалась. Потом, поняв, о чем речь, хихикнула:

— Ой, да это ж мой хозяин. Храпит.

Ей вдруг показалось, что гость не совсем ее понимает. Ну, как если бы она общалась с иностранцем. Вообще-то бабке Соне ни разу не доводилось разговаривать с иноземцами, если не считать хромого Моню, который потом эмигрировал к сестре в ейный Израиль. Но тогда он еще не был иностранцем. А сцену общения с таким непонимающим она видела в каком-то фильме. И тут бабка Соня поняла, почему гость с самого начала показался ей странным. Он не был русским. Теперь она могла сказать это точно. Она еще раз подозрительно оглядела его. Отметила, что и телогреечка новая, и на ногах вместо сапог беленькие спортивные ботинки. Внук, когда приезжал в последний раз, в таких же был. Говорил, удобно.

— А... — на всякий случай протянул иностранец и улыбнулся, показав ей все 32 своих белых как снег зуба.

Вот тут бабка Соня окончательно утвердилась в своем мнении о чужеземности гостя. Таких белых, здоровых зубов в их деревне не было даже у годовалых детей. У деревенских детей зубы с самого начала лезли кривенькие да желтенькие. И бабка Соня точно знала, что и в городе, да и вообще по всей стране людей с иными зубами просто не существует. А откуда им взяться? Вот лет десять назад поехала она в районный центр в стоматологию. Щеку разнесло. Местный гармонист —

хромой Моня, ну, тот самый, который теперь тоже иностранец, — сказал, что у нее проблема с зубом. Еще посмеялся: мол, бабушка Соня, наконец-то и у тебя зуб мудрости прорезался. Ну, она наглеца осекла, конечно, промеж лопаток, а потом все-таки поехала в больницу. И что она там увидела? Кабинет с грязным окном, а посреди — страсть господняя! — стоит железное чучело, от одного вида которого все зубы сами желтеют да расползаются в разные стороны.

«Нет уж! Ну его к лешему, это чудовище», — подумала тогда бабушка Соня и пошла к кузнецу, что в соседней деревне.

Но сейчас не об этом. Она решила быть вежливой с иностранцем. Мало ли что потом люди скажут! Найдутся языкастые. Вон хоть Верка Косая! Тут же разнесет по округе, что бабушка Соня разжигает межнациональный конфликт. А об этом по телевизору день и ночь трещат: мол, не разжигайте. А бабушка Соня хотела быть законопослушной. Мало ли чего, при ее-то занятии. Опять нагрянут с обыском, начнут вынюхивать. Лучше уж перетоптаться да напоить иноземного гостя чаем.

— Милости просим! — Она распахнула дверь.

Он вошел, огляделся, сел за стол. Хозяйка хлопотала, выставляя перед ним печенье, что дед прошлой осенью в сельпо купил, да как-то не догрызли еще. Потом варенье сливовое, специально заготовленное на случай, если кто из внуков заявится. Мед, которым пасечник Демьян только на

прошлой неделе расплатился за литр самогона. В общем, не скупилась. Иностранец улыбался, пока не надоело, потом за старое принялся:

— Вам непременно нужен наш кондиционер. Чистый воздух, прохлада в доме — это как раз то, без чего нормальный человек жит не может.

— Да где ж их взять, нормальных-то, — тактично заметила бабка Соня. — На всю деревню один Колька, остальные все пьющие. Да и Колька в этом году в институт не поступил — в армию пойдет. А оттуда тоже пьющим вернется. Так что без надобности нам ваши эти... в общем... — Тут она осеклась и даже побледнела. Надо же, как нехорошо получилось — армию нашу припозорила перед иностранцем. А потому добавила: — А Колька в армии мужиком станет. А то все сидит со своими книжками, бледный, худосочный. Уж лучше бы пил. Вон как Ванька-скотник. Рожа красная, здоровенная. Глаз радуется. И быка любого одним ударом промеж рогов в чувство приведет. Нашим мужикам без выпивки никак нельзя. Они без этого хиреют.

— Наслышан, — кивнул гость и снова за свое: — Если вы купите кондиционер, наша фирма подарит вам уют и электрический чайник. Три полезных вещи по одной цене. Да! И не забудьте про чистый воздух.

— Милок, — бабка Соня вздохнула, — у нас в районе электричество после пяти вечера выключают. Тьма такая, хоть глаз коли. Что ж я с твоим уютом тут делать буду? Да и воздух у нас чистый.

— А запахи? — настаивал иностранец, дергая носом. Принюхивался. — Мнэ кажется, у вас рядом живут коровы.

— Да что запахи, — усмехнулась хозяйка, — это же родные наши запахи-то. Что ж за родина без запаха.

— А-а-а, — снова понимающе протянул гость.

— Ты уж рассказывай, зачем пришел, — пошла в наступление бабка Соня и тоже ему подмигнула: — Чай, не глупые, хоть и деревенские. Кто тебе про мой самогон рассказал?

— Само... гон? — Он подумал, потом просиял: — О! Это русский водка! Крепкий напиток, — и махнул рукой. — Нэт.

— Что нет? — опешила хозяйка, моментально почувствовав что-то вражеское в его обличье.

— У вас тут беда, — он вдруг стал серьезным, — большая беда.

— Это мы и без тебя знаем, — понимающе кивнула хозяйка, — у нас уже десять лет, как большая беда. Ничего, привыкли. Это вы там у себя все охаете да ахаете. А мы живем.

— Нет, — иностранец насупился, — всем беда.

— Так то ж не с нас спрашивать. Коли вы по кредиты пришли, то вам подальше ехать нужно. Хотя в Москве тоже правды не найдешь. Вон хоть Верка Косая поехала в собес пенсию выколачивать. Муж у нее в навозную яму свалился. По пьяни, конечно. А все равно — погиб на рабочем месте. Так что? Видела она эту пенсию? До сих

пор обещают. А обещаниями сыт не будешь. Вот вам обещают вернуть?

— Да, — как-то неуверенно ответил гость, чувствуя, что разговор перешел в иное, нежелательное русло.

— Ну, и вы ждите, — со знанием дела заключила бабка Соня.

— Ждать нельзя. Может бомба взорватаса! Большая. И все! — Он полоснул ребром ладони по собственной шее, явно намекая на то, что будет, если эта бомба взорвется.

— Ой! Ну, так и это уже слышали, — отмахнулась от него бабка Соня. — Только чтоб вам там спокойнее жилось, я тебе скажу: бомбы у нас давно разворовали. Пьющие люди, они же все из дома тащат. Сначала телевизоры, потом холодильники, потом одежду, потом скот, а когда ничего не остается, тут и бомбы уж в ход идут. Вот что я тебе скажу. Так что иди и не грусти.

— Так разве бомб нэт? — спросил несколько разочарованный иностранец.

— Ты, милоч, не по селам ходи со своим чистым воздухом, а новости наши послушай. Каждый день кто-нибудь из журналистов раскапывает новое безобразие. Туда сунутся — пусто. Сюда сунутся — пусто. На чулочной фабрике склад сгорел. Думаешь, зря? А вот и нет. Там у них директор вор — всю продукцию налево сбыл. А потом поджег склад — мол, ничего спасти не удалось. И все шито-крыто. Так-то. И я не удивлюсь, если кто-

то так наворовал, что и нас всех под откос пустит, лишь бы было все шито-крыто. Понял?

Иностранец округлил глаза. Хватанул ртом воздух и прохрипел:

— Но это же чудовищно!

— Ты поди у любого на нашей улице спроси, что такое чудовищно, — хохотнула бабка Соня, — каждый мужик тебе скажет, что чудовищно — это когда утром опохмелиться нечем. А там и трава не расти.

— Как же вы живете?

— Если самогона нет, то очень плохо, — с достоинством отвечала бабка Соня, в этот момент чувствуя себя чуть ли не Родиной-матерью.

— Значит, бомбу найти мнэ никто не поможет? — упавшим голосом спросил иностранец.

— А ты пяти вечера-то дождись, — посоветовала ему хозяйка. — Как мужики ко мне побегут, тут мы их и попросим. Они знаешь, чего тебе найдут за поллитра-то? Чего ты и попросить не придумаешь.

— Нельзя так долго ждать. Взорвется раньше, — окончательно сдал гость. Даже голову повесил.

— Тогда не знаю, чем тебе помочь, — вздохнула сердобольная хозяйка.

«Чего забрел в наши края? — думала она, глядя на грустного иностранца, забывшего про остывший чай. — Наверное, один из каких-нибудь сектантов, которые таскаются по деревням. Все

русских спасают. Не понимают, глупые, во что ввязались. Эх, бедолажка, одинокий...»

Она очень удивилась бы, узнай, что Иванцовский район, обозначенный на карте в кабинете генерала Авоськина номером 26, теперь кишмя кишит иностранными спасителями: отборными агентами специальных подразделений чуть ли не со всего мира. Вот, например, дачникам Петрову и Курочкину, которые возвращались с ночной смены из города, по пути встретились два выходца из Южной Африки. Они брели им навстречу как ни в чем не бывало, улыбнулись, поравнявшись на дороге, заговорили:

— Мы люди не местные...

— Беженцы, что ли? — очумело спросил Петров.

— Ага, — радостно подтвердили те, почувствовав понимание.

— Далеко же вы, парни, убежали. — Курочкин хлопнул здоровенного африканца по плечу и добавил: — Лучше уж дальше бегите. Тут вам ничего не обломится.

А некий Свиридов — мерзкий мужичонка, бегаящий с зарею по грибы и никому своих грибных мест не показывающий, был немало озадачен, когда в самом что ни на есть своем укромном лесном уголке узрел соперника-грибника, удивительно узкоглазого для здешних мест.

— Холёсё бы бомбу найти, — шурша в пальцах зелеными банкнотами, добродушно улыбнулся

ему узкоглазый. На что Свиридов ему скупое ответил: «Закусывать надо!»

Хотел было еще корзиной по желтому уху захватить, да тот как-то очень быстро смылся.

* * *

*До взрыва осталось
03 часа 23 минуты 32 секунды.*

Агент национальной разведки Китая Чан Ву твердо знал, что самый лучший метод найти что-либо в сельском районе — это ненавязчиво опросить местных жителей. Это и в Китае, и в США, и в России, да и в любой другой стране одинаково эффективно. Пока правительственные кабинеты ведут свои политические игры, скромный Чан Ву делает свое скромное, но очень полезное дело.

Он еще не вышел на след пропавшего президентского чемоданчика, но в скором времени обязательно отыщет кончик нити, ведущей к нему. Люди везде любят поговорить, обязательно кто-нибудь что-нибудь замечает, а Чан Ву для того и десантировался в квадрат «26», чтобы наблюдения и разговоры всех этих людей свести к общему знаменателю. Собеседников он всегда находил очень просто. Он людей не боялся, умел наладить с ними контакт, чувствовал их, за что и был признан лучшим на прошлогоднем смотре в своем разведуправлении.

Первый дом, к которому подошел Чан Ву, был стар и неказист, обнесен ветхим забором, в кото-

ром щелей было больше, нежели досок. Китайский разведчик сунул голову в одну из этих щелей. В доме кипела какая-то жизнь, в окне мелькнул силуэт, сквозь открытую форточку доносился приглушенный басок. Фраз, произнесенных этим баском, Чан Ву не понял, хотя считалось, что он знает русский язык в совершенстве. Вернее, несколько отдельных слов агент сумел разобрать и тут же вспомнил, что учил их в разделе «неидиоматические выражения». Лингвистические странности приковали его внимание, поэтому он решительно открыл калитку и проник на чужую территорию.

— А почему я должен сидеть и ждать?! — донеслось из приоткрытой двери. — Может быть, ты специально не тот номер набрал?

— Я все правильно набрал, — ответил ему другой голос. — Сказал, что все будет, значит, будет.

— Не горячись, Шпунт, — просипел кто-то третий, — мужику нужно время, чтобы свыкнуться, все обдумать.

— Знаю я это время. — Видимо, Шпунт не внял совету приятеля и продолжал горячиться: — Потом как накроют нас тут. Тепленьких.

— Как они нас накроют? — удивились за дверью. — Нас же из Москвы не видно!

— А на тебе «жучков» нет?! — окончательно растревожился тот, кого просили не горячиться.

— Я не навоз, чтобы по мне жуки ползали.

Послышалось непонятное шуршание. Чан Ву

решил, что сейчас самое время постучать в дверь. Это он и сделал. В доме мгновенно затихли, видимо, насторожились.

— Кого принесло? — нервно спросил Шпунтик, все еще держа в руках куртку Джефа, которую осматривал на предмет «жучков».

— Здравствуйте, — широко улыбнувшись, Чан Ву смело шагнул в дом.

Внутри он оказался еще хуже, чем снаружи. Со стен ломтями свисали выцветшие и отклеившиеся обои, потолок не белили лет десять, а может быть, и больше. Ровно столько же никто здесь не мыл стекла, не вытирал пыль да и вообще не убирался. Одним словом, такого свинарника Чан Ву видеть еще не приходилось. Поэтому сохранять жизнерадостность в процессе осмотра стоило ему немало душевных сил.

— О! Китаеза! — не церемонясь, приветствовал его Винтик.

— Или нет? — Шпунтик глянул на пришельца с недоверием.

— Чан Ву, — громко представился разведчик.

— И чего тебе? — Шпунтик откинул куртку в сторону и сунул руку в карман.

Агенту это движение не понравилось. Выглядело вызывающим. Он быстро оценил обстановку. Трое ребят, кажется, еще навеселе после вчерашней попойки. Такое случается в этих краях с людьми и более зрелыми, что уж говорить о молодежи. Скорее всего ссорились, что-то не подели-

ли. «Обычно в такой ситуации ссорятся из-за того, кому идти за опохмелкой!» — подумал Чан Ву. Значит, возможны два исхода: первый — еще больше разозлятся и попытаются набить морду. Второй — будут рады отвлечься и поговорить о чем-то крайне интересном, лучше даже интригующем. Первого выпускник лучшей в Китае разведшколы не боялся. Но решил не раздувать конфликт, а сразу заинтересовать молодежь. Долгие вступления были бы неуместны и мучительны для всех, а потому он сразу перешел к делу:

— Тут такая ситуация... Я, видите ли, агент национальной безопасности Китая.

— Ну да, — Шпунтик вяло хихикнул. — А я тайный осведомитель КГБ.

— Ты мне этого раньше не говорил! — озадаченно буркнул его приятель.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Шпунтик, — человек шутит, я тоже.

— Чан Ву не шутит, — строго поправил его разведчик. — Я говорю вам, дело очень серьезное.

— А! — Глаза Шпунтика округлились. Он повернулся к угрюмому Джефу: — Ты видел? Уже китайскую разведку натравил. Нет, наглые какие наши богачи, а? Все заграничное им подавай. Ну, чем твоего папашку наша собственная разведка не устраивает?!

— При чем тут отец? — возмутился Джеф. — Он никогда дел с разведкой не имел. Тем более китайской.

Чан Ву проглотил этот камень, брошенный в его страну. Не из деликатности, конечно, а исключительно ради пользы дела.

— Видите ли, речь идет о бомбе, — осторожно заметил агент.

— О какой? — деловито осведомился Шпунтик. Словно он торговал этими бомбами, как солеными огурцами — на развес.

— В вашем районе бомба недостаточно большая... — начал было Чан Ву, но Шпунтик его зло перебил:

— В нашем районе все так! Даже бомбы нормальной нет. Дерьмо сплошное.

Оглядев еще раз тусклую комнату, китаец с ним во многом согласился. Однако решил возобновить пояснения:

— Бомба-то небольшая, но последствия от нее могут быть катастрофические. Третья мировая война, например.

— А еще что? — попытался уточнить Винтик, будто бы первое последствие не было достаточным для паники.

— Да много чего... — «философ хренов» — про себя совсем по-русски выругался Чан Ву. — Ядерная зима, смещение полюсов, разломы материков и, как следствие, остановка прогресса, ну и в принципе замирание жизни на нашей планете.

— А космонавты? — не унимался Винтик.

Разведчик начал тихо проклинать тот миг, когда решил заглянуть в этот дом.

— Вы не понимаете...

— Нет, я все понимаю, — уверил его Винтик, в качестве доказательства хлопнув осоловелыми с похмелья глазами. — Я только не понимаю, что будет с космонавтами. Они-то в космосе. Им же по фигу, что внизу, правда?

— Это у него с детства, — вежливо пояснил Шпунтик, — поэтому при нем никто разговоры о глобальных катастрофах и не заводил. Даже учитель природоведения.

— Может быть, он знает! — вскричал Винтик и вскочил с грязного дивана. — Я вот все время думаю, если что на земле произойдет, тем, которые в небе, аукнется или нет?

— Аукнется всем, — хмуро заключил Чан Ву, подумывая, как бы побыстрее удалиться отсюда.

— Но они же в небе!

— Это не имеет значения. Полюса сместятся, магнитные поля сместятся, вообще непонятно, что будет. В конце концов, у них еда кончится, и они умрут с голоду, — злорадно закончил разведчик, в этот момент против собственной воли ненавидя всех, кто хоть как-то связан с космическими полетами.

— А вот про еду-то я и не подумал... — ошарашенный этим открытием Винтик плюхнулся на диван и глубоко задумался.

— А откуда тут бомба? — наконец за всех удивился Джеф.

Китаец его тут же полюбил всем сердцем:

— Бомба заложена в устройство, контролирующее большую часть ядерных установок вашей страны. И находится все это на теле убитого курьера, которое привезли в ваш район в багажнике машины.

— Зачем?

— Это трудно понять. Может быть, тут состоялся акт передачи устройства в другие руки. Но самое главное, что бомба имеет часовой механизм, который приведен в действие. И если мы ее не найдем, она взорвется, в этот же момент все ядерные ракетные установки примутся бомбить по разным континентам. Ну а потом... — Чан Ву махнул рукой.

— А на сколько времени рассчитаны запасы на космическом корабле? — тихо спросил Винтик.

— Так вас послали найти бомбу? — не обратив на него внимания, продолжил разговор Джеф.

Только сейчас китаец заметил, что ноги его собеседника крепко привязаны к стулу, на котором он сидел. Удивился и выругал себя за отсутствие внимания.

«И все-таки странные развлечения у этих русских...»

— Может быть, вы видели зеленую «девятку», которой раньше не было в вашей деревне? — перешел к быстрому опросу разведчик и зорко глянул поочередно на каждого из присутствующих. По их лицам он тут же понял, что все они видели незнакомую «девятку».

— Понимаете, дело очень серьезное, — напомнил он, желая подтолкнуть их к содействию.

— Хитрые вы, китайцы. — Шпунтик усмехнулся. — Мир хотите спасти? На нашей территории?

— Да какая же разница, на чьей территории. Ведь мир общий!

— А деревня — наша, — весело парировал Шпунтик. — К тому же я видел одну «девятку», даже знаю, где она находится. Только сначала проведем переговоры.

У Чан Ву зачесались корни волос:

— Как вы не понимаете, промедление — подобно смерти!

— Я все прекрасно понимаю.

— Она стоит... — Джеф хотел было крикнуть, что зеленая «девятка» стоит за домом, накрытая старым брезентом, но Шпунтик молниеносно вытащил из кармана руку с пистолетом и саданул прикладом ему по затылку.

Репер обмяк. А Шпунтик нацелил пистолет на Чан Ву:

— А ну-ка садись, восточный брат, и потолкуем.

— Опять начинается. — Винтик вздохнул и снова погрузился в свои размышления.

Китайский разведчик послушно опустил на колченогий табурет.

— Просто так я никому ничего показывать не

стану, — объяснил ему Шпунтик. — Сначала деньги, потом экскурсия.

— Так ведь может случиться война, — напомнил ему Чан Ву. — Зачем вам тогда деньги?

— А может, войны не будет. Тогда мне деньги очень даже пригодятся, — аргументированно объяснил ему Шпунтик. — Если ваше правительство поторопится, то и войны не будет, и я внакладе не останусь.

Китаец посмотрел на часы, покачал головой и поцокал языком. Времени оставалось совсем немного, а таких, как этот наглец с пистолетом, никакими уговорами не пронять. Он знал это. Конечно, есть вероятность, что парень блефует. Но что-то подсказывало разведчику, что на этот раз никакого надувательства не происходит. «Девятку» видели все трое. Во всяком случае, видели зеленую «девятку». А уж «ту самую» или нет, это осмотр покажет. Чан Ву принял решение. Он знал, что другие агенты тоже на месте не сидят, ищут бомбу, значит, кто-то непременно найдет. Кто — значения не имеет. В таком деле лавры победителя — дело второстепенное. И дергать нужно за каждую ниточку в надежде, что именно она в ушке иголки, которая таится в стоге сена.

— Сколько? — спросил он у Шпунтика.

Тот ухмыльнулся и проговорил загадочную фразу:

— Свои пол-лимона я все равно получу.

- В смысле?
- Пятьсот тысяч долларов, желтая морда!
- Понятно. — Чан Ву вздохнул, вытащил мобильный телефон и набрал номер.

* * *

Новоявленный полковник Стрельников сидел в кабинете генерала Авоськина и тупо смотрел на разложенную по столу карту Подмосковья. Взгляд его уперся в маленький квадрат «26», жирно обведенный красным маркером. В голове его крутилась назойливая, а в данных обстоятельствах просто-таки вызывающая песенка:

«Пять минут, пять минут, бой часов раздастся вскоре...»

— Тьфу ты, — наконец обозлился полковник и включил радиоприемник. Не спецназначения, а самый что ни на есть обыкновенный.

— Я продолжаю передавать ваши приветы и поздравления, — бодро гаркнул ди-джей какой-то радиоволны, — вот пришло по факсу. Читаю: «Хочу поздравить с днем рождения Калугина Дмитрия. Это замечательный человек, добрый и очень порядочный. Прекрасный семьянин, любящий муж и заботливый отец. Он военный. Командир танкового подразделения. И наша армия должна гордиться такими офицерами. Пожалуйста, передайте для него песню «Нас извлекут из-под обломков». Теща Серафима Петровна».

Зазвучали вступительные аккорды страдаль-

ческой песни. Стрельникова перекосило. Он тут же вспомнил едкие глазенки собственной тещи. Представив, как позеленел несчастный командир Калугин от такого теплого поздравления, он переключил приемник на другую волну.

«Твой поезд ушел, ты на него опоздал. Твой поезд ушел, застыл уставший вокзал...» — бодро зазвучало из колонок.

— Какой-то погребальный репертуар, — прошипел полковник и еще раз переключил приемник.

«...вре-мя бе-езвозвратно, и нет пути обратно... Встретимся, может, в раю, снова скажу люблю...» — хорошо поставленным голосом пророчил известный эстрадно-оперный певец.

— Твою мать! — взревел Стрельников. В порыве злого отчаяния он схватил приемник и шарахнул его о стену.

Наступила тишина.

— К вам представители посольств Китая, США, Германии, Франции, всего 45 государств, — прошипел селектор связи голосом секретаря.

— Зови, — равнодушно приказал полковник.

— По одному?

— Нет, всех вместе.

Через пять минут довольно большой генеральский кабинет был до отказа забит высокопоставленным народом. Все говорили, перебивая друг друга. На раскрасневшихся лицах выступила ис-

парина. Полковник Стрельников схватился за голову, не понимая, что с ними со всеми делать.

Спас ситуацию китаец. Он пробрался к его столу, склонился в почтительном поклоне и тихо произнес:

— Мы обнаружили место, где находится объект.

— Правда?! — Несчастный полковник подскочил на стуле и уставился на китайского коллегу.

— Вероятно, — уклончиво ответил тот, — это лишь предположение. С нашего агента местные жители запросили пятьсот тысяч долларов.

— Довольно самоуверенно с их стороны, — задумчиво изрек Стрельников после непродолжительной паузы.

— Они думают, что дело верное, — китаец кивнул за спину, где торчали взволнованные лица француза, немца и американца, — но мы-то знаем, что большая сумма — еще не доказательство подлинности.

— Значит, ваш агент держит ситуацию под контролем?

— Насколько это возможно.

— Мое правительство хочет знать, сколько у вас боеголовок и где они находятся, — истошно закричал американец. — Мы должны быть готовы к самому худшему.

— Ну и готовьтесь, — невежливо посоветовал ему полковник.

— Вы понимаете, что провоцируете международный конфликт? — не унимался американец и, толкаясь локтями, предпринял отчаянную попытку протиснуться к столу.

Китаец его не пустил. Американец тут же сделал вывод:

— Значит, Россия все-таки тяготеет к Китаю?

— Спешем это на ваш шок, — заметил Стрельников и улыбнулся китайцу.

— Вы обязаны рассекретить информацию о местонахождении ваших ракетных установок! — надсадно крикнул американец, которого француз и немец упихивали в угол кабинета.

— Если мы их рассекретим, вам же самим это не понравится, — равнодушно ответил полковник и взял трубку телефона экстренной связи.

— Почему? — Все, кто был в кабинете, мгновенно замолчали и уставились на полковника.

— Потому, — угрюмо ответил тот и тут же заговорил по-деловому: — Предполагаемое место: дачный поселок Рачки, дом номер 1.

* * *

*До взрыва осталось
02 часа 20 минут 11 секунд.*

Людка брела молча. Ей было очень тяжело. На плечах ее мешком висел агент 0014. Одной рукой он крепко обхватил ее за шею, в другой сжимал поблескивающий белой сталью руль мотоцикла.

Все, что осталось от его железного друга. Руль он бросать не желал, проявляя маниакальное упрямство. Людка поначалу пыталась его уговаривать: мол, не дотяну я тебя вместе с рулем этим тяжеленным, но агент остался глух к ее мольбам.

Ветки кустарника хлестали толстые щеки продавщицы. Но она все шла и шла к призрачной цели. Совершенно, кстати, теперь неактуальной. И зачем ее герою так уж требовалось доползти до этих законченных гадов, Винтика и Шпунтика, знал только он один. После того как она вытащила его из реки, откачала и привела в чувство, она, как всякая нормальная женщина, предложила заглянуть к ней домой на чашечку кофе. Он решительно отказался. Тогда она смутилась от собственной напористости (ведь не всякий мужчина в состоянии вот так сразу тащиться в гости к даме), попросила его вернуться в магазин. В конце концов, они чуть было не разбились, потом чудом не утонули и после всех приключений имели полное право выпить чего-нибудь горячего, чтобы не схватить воспаление легких. А лучше даже водки, чтоб уж наверняка ничего не схватить. Но агент опять отрицательно мотнул головой. И прошелестел еле разборчиво:

— Винтик... Шпунтик...

— Да куда они не денутся! Они еще с вечера не протрезвели, — возмутилась Людка.

— Мир спасать... — тихо проскулил агент.

И вот теперь они тащатся спасать мир. Вернее, Людка тащит героя, который находится в таком состоянии, что не только спасти кого-либо не может, а вообще кому хочешь лишних неприятностей добавит.

И все-таки продавщица была счастлива. Мужчина ее мечты, ее красавец-блондин с волевым подбородком был при ней. До счастья осталось совсем немного, только выполнить задание правительства, и все. Потом она отмоет его, причешет, напоит горячим чаем, разотрет спиртом, уложит на мягкую перину и согреет своим большим телом. От сладких видений у нее закружилась голова. Перед глазами поплыли картины безмерного счастья: как он выходит из баньки в белой как снег рубашке, а она ждет его на аккуратненькой верандочке с самоваром на накрытом ажурной скатерочкой столе. А на крылечке копошится маленький пухлый сынишка. «А что? — смутилась Людка. — Подумаешь, сороковник. Бабы и позже рожают».

Агенту же, впавшему в забытие, мерещился Саддам Хусейн, в военном берете и блестящих плавках исполняющий танец живота и грозящий ему пальцем.

«Ничего, ничего, — кряхтя от натуги, думала Людка, — сейчас спасу мир и заживу по-человечески».

* * *

*До взрыва осталось
02 часа 30 минут 26 секунд.*

Лина раздвинула ветки черемухи и радостно выдохнула:

— Эврика!

Впереди чернели покосившиеся домики с наступающими под самые крылечки неухоженными садами, с длинными грядками картошки и аккуратно возделанными островками клубники. Кое-где над этим тихим захолустьем вздымались зеленые крыши новых кирпичных строений, больше похожих на небольшие дворцы. Но большинство «дворцов» паялилось в мир пустыми черными глазницами. Их не успели достроить до кризиса, а потом уж и не притрагивались. Сквозь поселок проходила дорога, больше похожая на застывшую реку бурой глины. В ста метрах от первого дома торчала старая табличка с надписью «Рачки».

— С ума сойти! — радостно подхватила Алиса и вылезла из леса на открытое пространство. — Люди! Деревня! Тишина!

— Да, тут пороху не нюхали, — сестра последовала ее примеру. — Ну, что будем делать?

— Как это что? — Алиса улыбнулась. — Зайдем в первый дом и попросим довести нас до приличной дороги. А там поймаем машину — и в Москву.

— А дальше? — Лина насупилась. — Если за нами уже и танки послали...

— Да перестань ты нудить! Пошатавшись по

лесу, я пришла к выводу, что мы с самого начала вели себя неправильно. Нужно было сразу ехать в милицию. Мы же ничего не натворили! Теперь доберемся до родителей и пойдем туда все вместе. Все объясним.

— Ну-ну... — Сестра не была настроена так оптимистично. Однако сочла первую часть плана вполне приемлемой. До родителей действительно нужно добраться побыстрее.

Они пошли по дороге к деревне.

— Господи! — восхищалась Алиса. — Какая милая глушь! Ни тебе бандитов, ни сумасшедших, ни танков. Живут же люди!

Умиротворенность дачного поселения проникала под кожу приятным расслабляющим теплом.

— У меня такое ощущение, что я проснулась, — усмехнулась Лина, — и сон был сущим кошмаром.

Они вошли в приоткрытую калитку первого попавшегося на пути дома. Во дворе росла крапива и лопухи. А из огородных культур только разлапистые листья хрена, и то как попало.

— А может быть, тут никто не живет? — Алиса опасливо огляделась.

Лина же, пригнувшись, подобралась к окну и прислушалась. Потом шепнула:

— Нет, кто-то говорит. Но я не могу понять, что.

— Мне тут почему-то не нравится. — Алиса поежилась.

— Это нервное. — Однако Лина не спешила стучать в стекло.

— Может, в другой двор пойдём? — робко предложила сестра.

— Они тут все одинаковые.

— А издали казались такими спокойными...

— Я же говорю, у тебя нервы расшалились.

— Вообще-то есть от чего. — Алиса подошла к ней и взяла за руку: — Давай с другой стороны обойдём.

— Зачем? — Лина вскинула брови.

— Ну... — Алиса задумалась, — не знаю. Давай обойдём дом вокруг, посмотрим, что к чему.

— По-моему, это глупо.

— Да уж, — не стала спорить Алиса и все-таки направилась за угол.

— Ну какого дьявола тебе там понадобилось! — прошипела сестра, но последовала за ней.

Внутренний двор от внешнего ничем не отличался. Разве что крапивы было заметно больше. Посреди ее жгучих зарослей, недавно примятых проезжавшими колесами, высился брезентовый холм.

— Это, похоже, машина, — предположила Алиса.

— И что с того?

— Можно подумать, у меня «девятку» угнали!

— Предлагаешь ходить по району и разглядывать все машины?

— Не все, а только очень похожие на твою. — Алиса присела и приподняла край брезента в том месте, где у машины обычно бывают задние номера.

— Ты с ума сошла, — успела пискнуть Лина,

прежде чем сестра повернулась к ней и одарила торжествующей улыбкой.

— Ты свой номер помнишь?

— Ну?

— Можешь не обольщаться, наш кошмар продолжается. Это твоя машина.

— Нет! — Лина кинулась к ней, тупо глянула на номер.

— Точно тебе говорю, — уверенно кивнула Алиса.

— Господи... — Лина села в крапиву, прислонилась спиной к капоту, закинула голову и закрыла глаза.

— Интересно, а мертвый Бычок еще в багажнике? — Алиса закусила губку.

— Даже думать об этом не хочу.

— Все равно нам тут нельзя долго оставаться. Что будет, если хозяева дома выйдут во двор?

— Наверное, решат, что лучше всего нас пристрелить, — равнодушно ответила Лина.

— Вот и я о том же, — взволнованно зашептала Алиса. — Не понимаю я твоего настроения.

Лина открыла глаза, выпрямилась и резко повернула к ней голову. В глазах ее полыхнули злые искры.

— Нет у меня настроения! — рывкнула она. — Оно у меня было пять минут назад. И оно было у меня хорошим.

— Не хочешь ли ты обвинить меня в том, что я сдуру нашла твою машину? — съехидничала се-

стра, которая терпеть не могла несправедливые обвинения.

— Как ты думаешь, они ключи в машине оставили?

Неожиданный вопрос поставил Алису в тупик. Она хотела было обвинить сестру в неблагодарности, но вместо этого задумчиво изрекла:

— Ага, как же! Это только ты умеешь.

— Но проверить-то стоит. — Лина приподняла брезент, пробралась к водительской дверце и осторожно заглянула в салон.

— И как? — осторожно спросила Алиса.

— Да ну тебя, — сестра вылезла наружу и в сердцах топнула ногой.

— А я что говорила?! Только ты оставляешь ключи в машине.

— Это было всего один раз! — Лина залилась краской то ли стыда, то ли злости.

— И одного раза достаточно! — видимо, Алиса решила ее добить.

— А у тебя задница огромная, — не найдя ничего лучше, парировала сестра.

— Зато у меня в голове дырки нет. — Алиса поднялась на ноги и ступила по направлению к дому.

— Ты куда? — испугалась сестра.

— Пойду посмотрю, кто спер твою машину. Хочу заглянуть в его наглые глазенки.

— Совсем сдурела?! — охнула Лина и прыгнула к ней, пытаясь схватить за руку.

— Я же осторожненько. — Алиса увернулась, подбежала к высокому окну и встала на цыпочки.

Лина подошла сзади и последовала ее примеру.

Комната, открывшаяся им, была маленькой и убогой. У противоположной стены стояла кровать с железной спинкой, рядом с ней старый деревянный стул, на котором лежала книжка в яркой обложке.

— «Как заработать миллион и не умереть от счастья», — шепотом прочла Алиса. — Наверное, в этой книжке советы, как угонять чужие машины.

— Нашла время для шуток! — возмутилась Лина. — Нужно уходить отсюда, пока нас не заметили. Теперь мы знаем, где наша машина. Вернемся сюда с милицией.

— Точно. И пусть потом докажут, что труп Бычка — не их рук дело. Правда?

— Не-а. Ни фиги не правда! — раздалось за их спинами.

Сестры разом вздрогнули, оглянулись и уставились широко раскрытыми от ужаса глазами на ухмыляющегося Винтика.

— Вот стоит выйти, пардон, до ветру, как напорешься на незваных гостей, — весело продолжил он, тыча в девушек дулом пистолета. — Людей у нас на планете развелось — яблоку некуда упасть! То ли дело в космосе...

Сестры пожали плечами. А что они могли на это ответить?

— Ну так что, будем знакомиться или как? — Он повернул дуло к Лине.

— Эвелина... гм... то есть Лина.

— Так, — он повернул дуло к Алисе.

— Алиса, — пискнула та.

— Погода стоит хорошая, — ни с того ни с сего равнодушно заметил Винтик. — А курс доллара вроде бы сам по себе заморозился. Ха! Неплохой каламбурчик, — он хохотнул. — Вот только беспокоят меня наводнения. Очень нестабильно сейчас на Американском континенте. Да и на Турцию опять ураган обрушился.

Сестры робко переглянулись и снова пожали плечами.

— Ну что ж, пошли в дом, что ли... — опять перескочил на неожиданную тему странный собеседник с пистолетом. — Вроде бы познакомились, о погоде поговорили, приличия соблюли. Ах да! Меня-то Винтик зовут. — Тут он посерьезнел и сказал сурово: — Но для вас Винт! И двигайте к крыльцу.

— Послушайте, господин Винт! Мы, пожалуй, не станем заходить, ладно? — Голос у Лины предательски дрогнул, и она покосилась на сестру, ища поддержки.

Та же вообще ничего произнести не смогла, а только пялилась во все глаза на пистолет и ловила ртом воздух.

— Не, — протянул Винтик, — так не пойдет. А ну шевелите ногами. — Он снова вскинул писто-

лет. — И учтите, я еще ни разу не стрелял, а мне очень хочется посмотреть, что будет с человеком, если я нажму на курок. Правда.

— Есть же бутылки, в конце концов. Кто же по людям стреляет, — проворчала Лина и направилась за угол.

Алиса посеменила за ней.

— Ха! Господин Винт! — вспомнил вдруг Винтик и захохотал: — Ха-ха-ха! Забавно звучит! Господин Винт!

Он двинулся следом, гогоча и не забывая держать на мушке Алису.

* * *

Шофер окинул ряды дешевого спиртного тоскливым взглядом. За время службы у Иннокентия Валериановича такую дрянь он пить отучился. Но иногда душа просила чего-нибудь гадкого, от чего взорвались бы мысли да разлетелись бы цветными пузырями по углам сознания. Сейчас у шофера наступил именно такой момент в жизни. Ему отчаянно хотелось глотнуть приторного вина «Улыбка», а потом сдобрить его водкой «Привет». А еще лучше смешать оба напитка в один ядерный коктейль и выпить залпом. У шофера аж под ложечкой засосало. И скулы свело.

— Отойди от прилавка! — гаркнул начальник, поняв намерения подчиненного.

— Что, уже и посмотреть нельзя? — огрызнулся тот, но послушно отвернулся к окну.

Шеф смотрел на часы все чаще, словно ждал чего-то. И с каждой минутой нервничал все больше. В движениях его появилась резкость, а в голосе сухость.

Саша Косолапых сидел на стуле возле подсобки и баюкал раненое колено. Ему было очень больно. Он как мог обработал рану водкой и перевязал ногу ситцевыми портками, взятыми с сельповского прилавка. Однако мучений это не умалило. Теперь он качался взад-вперед и тихо постанывал, болезненно жмурясь на тусклую лампочку. В какой-то момент он вдруг замер, принялся подсчитывать, сколько же всего ему пришлось пережить за последние сутки. Дойдя до воспоминаний, связанных с глубокими царапинами на щеке, он заохал и решил, что по нынешним временам должность помощника Иннокентия Валериановича стала какой-то уж очень опасной. «Похоже, пора менять работу», — подумалось ему.

Принц что-то тихо бубнил себе под нос, пуская слюни и подозрительно косясь на Иннокентия Валериановича.

А он снова глянул на часы, недовольно скривился и повернулся к Косолапых:

- Сколько на твоих?
- У меня нет часов, — буркнул Косолапых.
- А... забыл... Ну, набери мне Николая.
- У меня и телефона нет, — обозлился Саша.
- Да у него даже трусов своих нет, Иннокентий Валерианович, — хмуро напомнил шофер. —

Не трогайте парня, у него теперь и ноги-то одной, похоже, нет.

— Сейчас как дам, — озверел Косолапых, а потом вдруг все ему показалось жутко смешным. И то, при каких обстоятельствах он лишился одежды, и то, как у него отобрали пистолет, и то, как прострелили колесо у «Лексуса», и то, как деваха полоснула его по физиономии, и даже то, как все тот же нахальный вор прострелил ему колено и забрал мобильник. Косолапых начал с хлюпающего хихиканья, а затем разразился гомерическим хохотом. У него даже слезы из глаз потекли.

Иннокентий Валерианович, шофер и даже Принц застыли в недоумении. Шеф на минуту позабыл про свои проклятые часы. Принц вытер слюну рукавом, размазав по щеке запекшуюся кровь.

— Проняло, — с одобрением отметил шофер, глядя на Сашу.

— Это болевой шок, — констатировал шеф, опять вспомнив о времени. — Да что же нам всем делать?

— Я бы так летел уже куда-нибудь подальше отсюда, — шофер сплюнул жвачку в угол, — раз такое серьезное дело.

— Куда лететь-то? Если только на Луну.

— Да чего там делать, — отмахнулся шофер так, как если бы ему предложили съездить к родителям на дачу.

— Вот и я говорю — нечего. — Иннокентий

Валерианович повесил голову. — Терпеть не могу сидеть вот так и ждать у моря погоды. Когда знаешь, что от тебя больше ничего не зависит.

— Эх, — вздохнул шофер, — все, что от вас зависело, вы уже сделали.

— Помолчи лучше. — Саша уже успокоился и вспомнил свои обязанности. В том числе и то, что он должен ограждать шефа от мелкой критики. Слова шофера, сказанные сейчас, допускали иной, более глобальный подтекст, нежели дурацкий смысл, коим снабдил их недалекий водитель.

— А поедемте в Китай, — удивительно живым голосом предложил Принц. — Там хорошо и денег много.

— О-о-о! — взвыл Косолапых. — Как он мне надоел. Можно я его пристрелю?

— Сначала пистолет найди, — неделикатно напомнил шеф. Саша моментально стих и снова схватился за свою коленку.

А у Иннокентия Валериановича зазвонил телефон. Он даже вздрогнул, выхватил трубку и нетерпеливо крикнул:

— Алло! Ну сколько можно тянуть! Вы что, не понимаете, с чем дело имеете? Черт! Осталось совсем мало времени. Где? Где она находится? Это точная информация? Предположительная? А точной не располагаете? Когда там будет проводиться операция? Боже мой, мы же не успеем. Вы понимаете, что ваш процент падает? А это уже я буду решать, сколько!

Потом он внимательно слушал. На лице его

блуждали разные чувства. Наконец он ответил примирительно:

— Хорошо, хорошо. Не будем горячиться. Да и я тоже, нервы все-таки. Да. Когда все будет кончено, позвоню. Ох, не нужно так шутить.

Он отключил телефон, тихо ругнулся: «Козел!» — и снова набрал номер:

— Коля? Что?! Танки? Значит, уже началось. Нет! Быстро дуй в село Рачки. Там, в первом доме. Бери всех, кто есть. Я сейчас тоже подъеду.

На этот раз, отключив телефон, он сунул трубку в карман и уже на ходу скомандовал:

— Быстро в машину!

* * *

Настроение у шефа заметно улучшилось, опавшие, как лепестки цветка, ноздри вновь раздулись, и даже извечно бледные щеки порозовели. Шофер нещадно гнал «Лексус» по ухабистой проселочной дороге. Принц с тупым упорством загибал пальцы, что-то подсчитывая. Сбивался и начинал заново. Саша ласково гладил повязку на колене. Нога болела. Теперь он более всего хотел, чтобы эта история побыстрее закончилась. Деньги его больше не привлекали, сознание победы над конкурентами и профессиональная гордость казались ничтожными по сравнению с шансом оказаться в больнице, где ему спасут ногу. А потом, уже здоровым и сильным, он надеялся подать в отставку.

«А что, — думал Косолапых, — я служил долго. Был верным. Ни копейки не своровал. Имею я право уйти на покой? Конечно, имею. Пойду на какую-нибудь спокойную работу. Вон хоть в теплохранители...»

— О! — громко удивился шофер, когда они уже катили с ветерком по бетонной, хоть и старой дороге. — Смотрите, те самые придурковатые! Эй, это твои? — он повернулся к Принцу.

— А денег за них дадут? — с видом сосредоточенного бухгалтера спросил тот.

— Если только в зоопарке их поселить, — буркнул Косолапых.

По обочине действительно тащились Кудрявый и Бека. Все в тех же женских халатах, все с теми же скорбными выражениями на физиономиях, все с той же стойкой, обвешанной изрядно потрепанными изделиями фирмы «Большевичка».

— Наверное, бизнес решили сделать, — хохотнул шофер и надавил на педаль газа.

— Черная лошадь — предвестник Апокалипсиса, — из глубин детских суеверий вытащил фразу Бека, глядя вслед удаляющемуся «Лексусу».

Кудрявый закатил глаза, но ничего не сказал.

— Сейчас еще три проскачут, — не унимался его спутник, — и будут сеять смерть и разрушения.

Кудрявый стиснул зубы и тихо завыл.

— И только божьи избранники, только праведники окажутся в раю. — Оказавшись наконец

на ниве излюбленной темы, Бека нездорово воодушевился: — Покайся, грешник! Покайся, пока не поздно. Познай царствие небесное!

— Хорошо, — прорычал Кудрявый, — каюсь я, каюсь! Понял? Теперь ты доволен?!

— Доволен. — Бека улыбнулся, с кроткой радостью пожиная плоды своего просвещения. — Бог слышит тебя. Бог любит тебя. Давай еще раз покаемся. Вместе, брат!

Оба задрали к облакам головы и громко заорали:

— Прости меня, господи!

У Кудрявого перекосило все лицо. Он представил себе, как это выглядит со стороны, и его чуть не стошнило. Благо, что ничего не ел уже сутки. Два мужика в бабьих халатиках, прикованные к стойке с бабьим тряпьем, зывают к богу посреди дороги. Хорошо хоть пустынной...

Тут он остановился и испуганно присел. Позади слышался нарастающий рокот. Он обернулся. Потом радостно сообщил все еще плящущемуся на небо Беке:

— О, и второй конь Апокалипсиса мчится. Зеленый!

К ним приближался старенький ярко-зеленый «Запорожец», нагруженный рейками и рулонами рубероида.

«Запорожец» затормозил с характерными для этой марки машин скрипом и лязганьем. Из окна выглянул мужик в белой летней шляпе.

— Бабки, почем халатики? — скрипуче спросил он.

Однако, разглядев бандитов получше, он сконфузился, неловко хихикнул и буркнул:

— Тьфу, святые угодники! От же нравы пошли!

— Слышь, мужик, — Кудрявый разволновался, аж покраснел, — если до Москвы довезешь, все твои будут.

— Хм... — Мужик почесал за ухом, подумал, потом усмехнулся: — Они столько не стоят, чтобы я двух педиков до Москвы терпел!

И, обдав путников едким выхлопом переработанного дешевого бензина, «Запорожец» гордо покати́л прочь.

* * *

*До взрыва осталось
02 часа 00 минут 07 секунд.*

После того, как Лину и Алису втолкнули в дом, связали и кинули на диван, состоялся неприятный разговор.

— Значит, так... — Шпунтик оглядел новеньких. — Чьи будете?

Алиса, не отрываясь, смотрела на недвижимого Джефа, сидящего на стуле в отключке. Она, не в пример китайскому разведчику, тут же отметила, что ноги у репера привязаны к ножкам стула. Руки связаны за спиной.

— Отпустите нас, — за обеих взмолилась Лина.

— Забудьте об этом, — рявкнул Шпунтик. Вин-

тик в довесок вскинул пистолет, после чего желание разговаривать у Лины улетучилось.

«Все равно убьют», — тоскливо подумала она.

— А он тут что делает? — Алиса кивнула на Джефа.

— Третью мировую войну ждет, — почему-то горделиво ответил Винтик.

— А... — Если бы она могла, она бы покрутила пальцем у виска. Но поскольку руки у нее были связаны, лишь скривилась.

— А мы все тут ждем Третью мировую, — добавил Шпунтик. — Вот и желтолицый брат тоже.

— В самом деле? — притворно удивилась Алиса и, толкнув сестру плечом, прошептала: — Шизофрения.

— Молчать, не договариваться там! — крикнул Шпунтик.

Сестры вздрогнули.

Джеф тоже вздрогнул и разлепил глаза. Он вяло повернул голову, уставился на сестер с непониманием.

— Привет. — Алиса грустно ему улыбнулась.

— О! — Репер наконец узнал ее и округлил глаза.

— Тоже зашел дорогу спросить?

— Не-а. До Москвы попросил подвезти. Вы же отказались.

— Н-да... Ты явно выбрал не ту машину.

— Все мы выбрали не тот район, — он усмехнулся.

— Будет вам! — Шпунтик встал между ними и

обеими руками указал на повесившего голову китаец. — Вот человек вообще не ту страну выбрал. Теперь переживает. Проявили бы хоть сострадание. Из самого Китая припорол и нарвался.

— Надо же! — хохотнул Винтик. — Из такого далека притопать, чтобы найти нас. Превратности судьбы, мать их.

— Вы не понимаете, — тоскливо протянул разведчик, — мир несется к ядерной катастрофе...

Шпунтик поднес к носу Джефа кулак:

— Только скажешь, башку разнесу.

Но репер его не понял. Он все смотрел на Алису. И сердце его сжималось от жалости к ней — связанной по рукам и ногам — и от презрения к себе за то, что он ничем не может ей помочь.

Шпунтик повернулся к девчонкам:

— Так я продолжу допрос. Кому из ваших звонить, чтобы получить выкуп?

— Выкуп? — Лина сглотнула ком в горле. — За нас?

— Вы что, террористы? — пискнула Алиса.

— Ну... — Шпунтик задумался на мгновение, а потом разозлился: — В некотором роде.

— Очень скоро они станут террористами, — китаец красноречиво посмотрел на часы: — Через два часа, когда мир взорвется.

— Если ваше правительство поторопится, то ничего не взорвется, — парировал Шпунтик.

— Если бы ваше правительство вовремя сообщило, какие технологии похищены, вообще бы не

было никакой ядерной угрозы, — ответил разведчик.

— Хочешь сказать, что наше правительство и есть главный террорист? — спросил Винтик, сжав кулаки. Непонятно почему, но в этот момент ему захотелось быть патриотом.

— Я сейчас говорю о глобальных ошибках. С преступлениями такого государственного масштаба следует бороться сообща.

— Можно подумать, в вашем Китае отродясь ничего не крали! — Шпунтик надулся.

— Ха! Это потому, что у них каждая ядерная боеголовка на учете, — надменно заметил Винтик, — а у нас их пруд пруди. За всеми не углядишь. Мы просто круче!

— И террористы у нас круче, — с достоинством добавил Шпунтик. — Если уж взрывать, так не мелочиться. Не какую-то там подземку, а целый мир!

— Нашли чем гордиться! — Лина вздохнула.

— А ты вообще заткнись! — взвился Шпунтик. — И вообще, ты еще не сказала, куда звонить за выкупом.

— Ты же приказал молчать, — усмехнулась она. — И нечего пистолетом у меня перед носом размахивать. Пристрелишь еще, так вообще никакого выкупа не получишь.

— Я говорю — молчи, когда надо молчать, а говори, когда тебя просят!

— А как мне понять, когда меня просят гово-

рить, если ты все время орешь, чтобы я заткнулась.

— Да, — Винтик озадаченно почесал всклокоченный затылок, — ты действительно загнул, Шпунт.

— И очень все просто, — заорал приятель, — говорить нужно сейчас!

— А я сейчас и сказала, что террористами нормальные люди не гордятся. Это не патриотично.

— Я тебя не об этом спрашивал. — Шпунтик устало вздохнул. — Ладно, насчет террористов — это как сказать. Поняла? Стянули бы они что-нибудь поменьше, так и мы бы не требовали с китайцев пол-лимона баксов. Но это не твоя головная боль. Ты говори номер телефона, по которому звонить твоим, чтобы нам оставшуюся часть лимона привезли.

— Полмиллиона долларов?! — выдохнула Лина. — Да вы за кого моих родителей принимаете? За террористов, что ли?

Винтик нахмурился. Потом повернулся к Джефу:

— А твой папашка, часом, не террорист? — Он кивнул девчонкам. — Его-то отец вполне согласен с суммой выкупа.

— Я бы так уверенно не заявлял, — ответил Джеф.

— Во всяком случае, он не завопил, как эта дурочка.

— Кто бы говорил об умственных способнос-

тях, — проворчала Лина. — Хватать первого попавшегося и требовать с него полмиллиона долларов! Мы же не в Кувейте живем, где на каждого человека с рождения огромный счет в банк положен.

— А сколько есть у твоих? — Шпунтик склонил голову набок, словно оценивал благосостояние родителей Лины по ее внешнему виду. Если это было и так, то выглядела она явно не на полмиллиона. Все-таки и по земле ползала, и в кустах пряталась, и вообще еще не умывалась даже.

— Знаешь что, — он вдруг повернулся к Джефу. — Со стороны твоего папаши просто неприлично посылать нас. Мы же все-таки его сына в заложниках держим.

— Может, он не понял? — предположил Винтик.

— Вот и я думаю, — кивнул Шпунтик. — Позвоню-ка я еще раз. Тем более, в книжке про то, как заработать первый миллион в главе «Как стать лучшим в мире продавцом», черным по белому написано: если вас гонят в шею, не теряйтесь. Улыбнитесь и повторите ваше предложение. С пятого раза вас устанут гнать и купят все что угодно, лишь бы вы сами исчезли.

Он вынул из кармана телефон и набрал номер.

— Алло! Это опять я. Я по поводу полумиллиона баксов, помните? Как это не до меня! Может быть, вы не поняли, что у нас ваш сын. Зовут Джеф. Да, вы же с ним сами говорили. Как это некогда?! Как это позже позвонить?! Вы не пони-

маете, что мы его можем убить? — Он перешел на зловеший рокот, явно подражая телефонным ма-
ньякам из плохих американских триллеров. —
Или мы будем отрезать ему палец за пальцем,
пока вы не согласитесь на наши условия...

Он озадаченно уставился на Винтика:

— Нет, представляешь?! Бросил трубку. На-
глость какая!

— Тогда давай отрежем палец, — легкомыс-
ленно предложил тот, — раз ты обещал.

— Точно, — Шпунтик вздохнул. — И этим
двум тоже по пальцу отрежем, чтобы неповадно
было.

Сестры теснее прижались друг к другу. Алиса
метнула взгляд на побледневшего Джефа. Тот из
последних сил ободряюще ей улыбнулся. И даже
подмигнул.

— Тогда давай уж и китайцу пальцы резать. А
то что-то долго его правительство канителится.

— При чем тут мои пальцы! — возмутился раз-
ведчик и сжал кулаки.

— А девчонок не троньте, — подал ослабший
голос репер, — лучше у меня все три отрежьте.

— Я на тебя посмотрю, когда мы первый оття-
паем, — остудил его пыл Шпунтик.

— Все равно. Я петъ и без рук смогу.

— Твои песни без пальцовки хуже птичьего
помета, — сказал Винтик. — У тебя вся сила в
пальцах. Так что я бы на твоем месте перед девка-
ми не хорохорился.

— Давай, Винт, неси ножик. Помнишь тот, ко-

торым мы вчера колбасу резали. Он, по-моему, самый острый.

— Не надо! — захныкала Алиса. — Ну, пожалуйста!

Ее никто не послушался. Винтик удалился в соседнюю комнату, ту самую, где лежала книжка «Как заработать миллион и не умереть от счастья». Какое-то время оттуда слышалась возня.

— Господин бандит, — тихо позвала Лина. — Не стоит прибегать к таким крайним мерам.

— Что бы ты понимала в крайних мерах, — буркнул Шпунтик, прислушиваясь.

— Если бы не проклятая ядерная угроза... — прошипел китаец.

Он нервно постукивал кулаком по столу, лихо-радочно размышляя, стоит ли применять силу, бить и того злоумышленника, и другого, чтобы узнать у них, где злополучная «девятка». А главное, скажут ли они, если он начнет их бить и помешает резать другим пальцы. Во всех учебниках по психологиям наций делался акцент на упрямство русских. Они, дескать, разрешат забить себя до смерти, но государственную тайну не выдадут. А местоположение дубликата президентского чемоданчика как раз и есть наиважнейшая государственная тайна, которую русский либо продаст за большие деньги, либо унесет с собой в могилу.

— Вот, — в комнате появился Винтик, гордо неся в вытянутой руке ржавый нож.

— Ой, мамочки! — завывала Алиса.

Шпунтик прыгнул к ней и сунул дуло пистолета в переносицу:

— Замолчи! Терпеть не могу женских слез.

— А не нужно зверствовать! — смело ответила ему Лина.

Джеф зажмурился. Он тоже не мог видеть страданий белокурой Бемби. Если бы он только мог, он бы спас ее и увез далеко-далеко из этого поганого дома.

— Поговори мне еще, — огрызнулся Шпунтик и повернулся к приятелю: — Давай, режь ему палец.

Тот нагнулся над привязанными к спинке стула руками Джефа. Разглядел, взял указательный палец, потом потрогал безымянный, потом приставил нож к мизинцу.

— Слушай, жалко как-то, — прохрипел он, косясь на Шпунтика, — все-таки лишаем эстраду ее «звезды».

— Если китайцы не поторопятся с нашими деньгами, вообще никакой эстрады не будет! — отчеканил тот. — Режь, не сомневайся.

— Не нужно, — умоляюще проныла Алиса, — пожалуйста.

— Ай! — теряя самообладание, вскрикнул Джеф. Алиса тут же разразилась рыданиями.

— Не пилится, — констатировал Винтик, — кожа толстая.

— Да уж не колбаса, — усмехнулся Шпунтик. — Ты надави посильнее.

И он наотмашь ударил Алису по щеке. Та за-

дохнулась рыданиями. На глазах у Лины выступили злые слезы.

— Прекратите немедленно, изверги! — вскричал китаец. — Никаких денег не получите, если не прекратите!

— А как же мир? — хитро подмигнул ему Шпунтик.

— Зачем такой мир нужен! Пусть катастрофа сотрет с земли такую заразу, как человечество.

— Не думаю, чтобы правительство Китая одобрило твой благородный порыв, — проворчал Шпунтик. — И вообще, не мешай мне зарабатывать первый миллион.

— Я предупредил, — зловеще проговорил разведчик.

— Вот и помалкивай теперь.

Китаец схватился за голову.

— Давай пили, — приказал Шпунтик.

Тот снова согнулся за спиной у Джефа.

Алиса порывисто всхлипнула.

— Уроды! — процедила Лина.

За это распоясавшийся Шпунтик и ей отвесил звонкую пощечину со всего размаха.

— Ай! — снова вскрикнул репер.

— Прекрати-и-и! — не сдержавшись, взвыла Алиса.

— Убью! — в этот же момент крикнул китайский разведчик и вскочил с табурета.

Ба-бах! — за окном рухнул забор, и во двор на всех парах влетел черный джип.

Шпунтик с Винтиком, китаец и все остальные недоуменно уставились в окно.

— О, деньги прибыли! — обрадованно предположил Шпунтик, глядя, как из автомобиля выбирается первый мужик.

— А мне кажется, это за нами, — тихо шепнула Лина Алисе.

Ту новость не порадовала.

— Я же вас предупреждал, — тускло заметил Джеф, — не нужно было отцу звонить.

И только китаец с немим изумлением следил за выгрузкой из машины группировки Коляна. Однако одни во дворе они были недолго.

Раздал треск ломающейся сухой доски. В большую прореху влезла Людка, волоча на себе агента 0014, который в свою очередь волочил руль от мотоцикла. Женщина аккуратно пристроила свою ношу у ног, огляделась и деловито спросила:

— Ну, где тут нужно спасти мир?

— Встань в очередь, тетка! — рывкнул Колян, скидывая на плечо автоматическое ружье.

— Вот еще! — Людка смело шагнула к нему. — Не от тебя ли мир нужно спасти?

Он оглядел ее с ног до головы. Вернее, оглядел ту ее часть, которая вмещалась в поле его зрения, сплюнул и процедил:

— Сбрендила совсем. Отойди в сторону.

Свободной рукой он попытался сдвинуть ее с пути. Но продавщица сельпо, всю свою жизнь внушительной горой простоявшая за прилавком, не собиралась уходить. А если женщина таких

размеров твердо решила стоять на месте, то с этим без бульдозера ничего не поделаешь.

— Михеич, — позвал Колян, — здесь твоя клиентка. Разберись.

У нее за спиной вырос здоровенный Михеич. Оценив габариты клиентки, он уважительно цокнул языком.

— Мадам, — проговорил он с почтением в голосе, — не соблаговолите ли отступить на шаг к забору? Там вам будет удобно.

Людка искоса взглянула на его красную физиономию, потом перевела взгляд на своего притихшего на земле героя. Тот лежал, обняв свой руль, и мирно посапывал. До личного счастья оставалось так немного — всего лишь спасти мир...

Огромный кулак откинул Коляна метров на пять. Автоматическое ружье полетело в другую сторону.

— Ни хрена... — успел вякнуть Михеич, прежде чем сам оказался в воздухе, и шмякнулся о доски, руша последнюю часть забора.

— Есть женщины в русских селеньях... — мечтательно процитировал Чан Ву, с детства тяготевший к русской поэзии.

— Что-то никто из этих не похож на представителя китайского правительства, — взволнованно проговорил Винтик.

— Сдается мне, что никто из них и денег нам не даст, — задумчиво изрек Шпунтик, наблюдая, как из джипа вырываются разъяренные первой неудачей бандиты.

— Точно, — кивнул Винтик, — и вообще, нужно сматывать удочки.

— Хорошая мысль, — согласился приятель. — и этого возьмем, — он кивнул на Джефа.

Винтик кинулся к нему, схватил за спинку стула и поволок в другую комнату.

— И девок возьми. Деньги на дороге не валяются!

— Хапуга, — огрызнулась Лина, когда Винтик начал стаскивать ее с дивана.

«Шшш» — во двор въехал черный «Лексус».

Агент 0014 открыл глаза, тупо уставился на побоище, разворачивающееся в метре от него.

— А-а-а! — рядом приземлился очередной бандит.

Кто-то полоснул автоматной очередью.

— Охренел совсем, — заорали на него, — кругом наши!

— А баба? — возмутился виновник.

— Вот в нее и пали, чего стекла в машине кромсать! Это же «Лексус» шефа!

Китайский разведчик рухнул на пол как раз в тот момент, когда голова одного из бандитов пробила окно.

— Ну и фурия! — пожаловалась голова, прежде чем закатить глаза в беспамятстве.

Людка отчаянно сражалась за личное счастье, а заодно и за весь мир. Она понимала, что без мира на земле ее маленькое счастье невозможно. Но силы были неравны. Грубые мужские руки обхватили ее за колени и потянули вниз. Сначала

она подумала, что с ней хотят совершить нечто ужасное, как раз то, о чем женщина потом вспоминает в кабинете психоаналитика, заливаясь слезами.

— Насилуют! — истошно завопила Людка.

— Уймись, — пропыхтели снизу, — я лучше сдохну, чем тебя изнасилую.

— Убивают! — быстро переключилась продавщица.

— Вот это уже ближе к цели! — Кто-то обхватил ее шею и начал сдавливать.

— А-а-а! — прохрипела женщина, изо всех сил пытаясь лягнуть убийцу.

— Где «девятка»? — деловито спросил Иннокентий Валерианович у Коляна.

И тут наступил второй акт схватки. Агент 0014 пришел в себя. В основном от Людкиного крика. Он вскочил на ноги и ринулся в бой, вырубая бандитов тяжелым рулем от своего мотоцикла. Через пять минут большая часть бандитов лежала вдоль забора. Кое-кто слабо шевелился. Колян забился под джип. Иннокентий Валерианович прижался спиной к «Лексусу».

— В чем дело? — осторожно спросил из салона Косолапых.

— Выйди и посмотри, — прорычал тот.

— Агент 0014! — На крыльце, раскинув руки, стоял китаец и радостно улыбался.

— Чан Ву? — удивился агент и, в последний раз саданув рулем по затылку Михеича, откинул его в сторону. — Какими судьбами?

Михеич разжал пальцы, отцепился от Людкиной шеи и с храпом повалился на траву.

— Спасибо! — сдавленно поблагодарила продавщица, с нежностью глядя на своего героя.

— Не забуду, как мы с вами провели три замечательных дня на семинаре в Пхеньяне. — Чан Ву спустился с крыльца и с чувством пожал руку русскому коллеге. — Работаете с напарником? — он кивнул на Людку. — Впечатляет!

— Да уж, — смутился агент 0014. — Меня тоже.

— Есть зацепки?

— Нужно найти Винтика и Шпунтика. — Агент посчитал, что сейчас не время сохранять тайну, даже государственную. Какие же тайны, если до конца мира остались считанные минуты.

— Да они в этом доме, — кивнул китаец. — Я пытался выкупить у них это... — Он покосился на бледного Иннокентия Валериановича. — В общем, вы знаете.

— Китайцы! — истошно возопили из «Лексуса».

В этот же момент дверь автомобиля, откинув шефа в сторону, распахнулась и из салона вылетел Принц. Глаза его светились сумасшедшей радостью. — Наконец-то!

— Поверить не могу, — пробурчал агент, — этот-то откуда взялся?

Презрев все на свете, Принц подбежал к Чан Ву, схватил его за рукав и затараторил:

— А я вас ищу, ищу! Вы мне даже снились! Как я рад! Как рад! Когда мы подпишем основные документы?

— Какие? — осторожно спросил его разведчик.

— Ну, как это? — опешил Принц. — Я готов продаться китайской разведке за пять миллионов долларов. Хорошая цена. Американцы предлагают больше.

Он решил, что немного сблефовать в такой ситуации не помешает.

Агент 0014 схватил его за шкирку:

— Иди отсюда, понял? — и попытался откинуть в сторону.

Но не тут-то было. Принц вцепился в Чан Ву мертвой хваткой.

— Я такие деньги из рук не выпущу! — предупредил он, брызгая слюной.

— Они в доме! — крикнул китаец, отчаянно борясь с Принцем. — Идите, остановите их!

Агент метнулся к крыльцу. Но было поздно. Над головой просвистело что-то тяжелое и опасное. В следующее мгновение дом взлетел в небо бесполезной кучей щепок и осколков стекла. Все, кто еще стоял на ногах, предусмотрительно рухнули на землю. Где-то на задворках завелся мотор.

— Ну, начинается! — зло ругнулся агент 0014. — И почему нельзя запретить этим военным вмешиваться в секретную операцию? Вечно все испортят.

Развалины дома окружили танки и БТРы.

* * *

*До взрыва осталось
01 час 00 минут 00 секунд.*

— Вот видишь, — бабка Соня прислушалась. — Теперь и переживать нечего. Началась твоя Третья мировая.

Над крышей протарахтел вертолет. Хозяйка придержала дребезжащую на столе чашку и снова обратилась к иностранцу:

— Я ж тебе говорю: выпей да успокойся. И без нас разберутся. Без нас начали, без нас и закончат.

— Катастрофа... — проныл иностранный разведчик, опрокидывая в рот стакан самогона.

* * *

— А-а-а! — орал Шпунтик, отчаянно давя на педаль газа.

— Прор-рвемся! — подбодрил его Винтик.

Из-под шквала падающего стекла и древесины вырвалась зеленая «девятка».

— Пустите меня! — кричал Джеф, барахтаясь на заднем сиденье.

Алиса и Лина молчали, испуганно глядя в заднее стекло. Там, сквозь клубы пепла, прорисовывались силуэты танков.

— Ничего, — прохрипел Шпунтик, — они нам еще заплатят.

— Да куда они денутся!

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 50 минут 37 секунд.*

— Уходят! — взревел агент, глядя вслед «девятке».

— Эти? — Лавров смотрел в бинокль. — На зеленой машине?

— А где ты другие видишь? — огрызнулся агент.

— Тогда нужно догонять! — радостно воскликнул командир отряда специального назначения, понимая, что танки в погоне плохие конкуренты. Значит, все-таки удастся провести операцию без тяжелой техники.

— Быстро, — заорал Иннокентий Валерианович, залезая в «Лексус», — за ними!

— А я бы лучше в Москву подался, — вяло отозвался Косолапых.

— Молчать! — взревел шеф.

Шофер быстро завел мотор. «Лексус» рванулся с места, осторожно обогнул фундамент дома (все, что осталось от дачи Винтика и Шпунтика) и покати по непаханому огороду.

Лавров сел в джип. Агент, китаец и Людка запрыгнули на подножки. Причем при водружении последней машину заметно перекосило.

— Даму снять! — скупой приказал командир.

— Это не дама, а напарник! — отрезал агент, глядя на продавщицу с нескрываемым восхищением.

В этот момент Людке стало абсолютно безразлично, спасут мир или нет. Она уже знала, что ее личное счастье состоялось. С сознанием этого и умереть было не страшно.

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 35 минут 52 секунды.*

«Девятка» неслась вдоль леса, прыгая на ухабах. Где-то в небе тарахтел вертолет. Сзади приближались джипы, «Лексус» и поотставшие БТРы. А далеко на горизонте тянулись танки.

— Помогите! — в открытое окошко кричал Джеф, забыв о реперском достоинстве. — Спасите!

Лина с Алисой барахтались, пытаясь высвободиться из веревок. И кое-что им удавалось.

* * *

Девичья массовка, намотавшись по лесу, окончательно выбилась из сил. Борис предложил им посидеть и отдохнуть. Для чего редкие мужчины, проклиная всех существующих баб, собрали в лесу хворост и разложили огонь.

— Эх... — Борис пожевал кленовый листок, выплюнул его с отвращением, вспомнив нехстати, что ничего не ел со вчерашнего утра.

Они сидели на краю леса. Перед глазами желтое поле уходило в голубое небо. Где-то вдалеке грохотнуло.

— Будет дождь, — вяло прокомментировал оператор.

Продюсеру на это было решительно наплевать. «Жрать хочу», — назойливо вертелось у него в мозгу.

А тонконогие девицы расселись у костра кучками, затянули нараспев последний хит его подопечного.

...Девочка шла по тихой дорожке,
Шла слишком долго, стоптала все ножки,
Красная шапка сбилась на взмокший лоб,
Вдруг из-за дерева прыгнул к ней серый жлоб...

— Помогите! — проорал до боли знакомый голос.

Фанатичные поклонницы встрепенулись. Все как одна глянули на проносящуюся мимо «девятку», снова увозящую от них любимого кумира.

В следующее мгновение все повскакали на ноги и бросились вслед за машиной.

— Опять начинается! — проворчал Борис, нехотя поднимаясь с травы. — Как я их всех ненавижу!

— Так, может, пусть себе бегут, — предложил режиссер, тоже порядком уставший от бесконечного блуждания по лесу. — Может наконец потемятся?

— А Джеф? — Продюсер уже семенил к полю. — И как он оказался в машине?

— Так ведь не догоним все равно, — тускло заметил режиссер.

Борис махнул рукой в сторону последней исчезающей за деревом девицы:

— Эти догонят. Нужно быть рядом, чтобы не растоптали нашего парня!

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 29 минут 15 секунд.*

— Гони! Гони-и-и! — не помня себя, орал Иннокентий Валерианович. — Гони!

— А что я еще делаю! — огрызнулся шофер.

«Лексус» прыгал на ухабах, скрипел всеми своими частями, грозя развалиться.

— Нам бы лучше повернуть к Москве! — проорал Саша Косолапых, глядя, как сзади к ним приближается джип отряда особого назначения. В метрах десяти по полю плыла тень вертолета. Гул стоял страшный.

Шеф хищнически раздул ноздри, резко повернулся к подчиненному и гаркнул:

— Иди ты ко всем чертям!

— Ладно, — быстро согласился тот.

— Там мои пять миллионов! — Шеф ткнул пальцем в удаляющуюся «девятку».

— Это уже не ваши пять миллионов, — осторожно заметил Саша.

Иннокентий Валерианович перешел на звериный рык.

— Ладно, — снова не стал спорить Косолапых, — дайте телефон.

Шеф кинул ему трубку мобильного. Саша откинулся на спинку сиденья, набрал номер, а когда ответили, ледяным голосом отчеканил:

— Немедленно приезжайте в поле под село Рачки. Это рядом с Иванцами. Да. Именно здесь вы нужны как никогда. Что за шум? Кажется, Третью мировую войну развязали. Да-да, кашу мы заварили на славу. Так что ваши услуги, сами понимаете, будут очень кстати.

— Кому ты звонил? — не отрывая взгляда от «девятки», спросил шеф.

— Петру Израилевичу, вашему адвокату.

Косолапых хорошо знал свое дело.

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 26 минут 43 секунды.*

Джип несся, сильно клонясь влево и подкидывая пассажиров на каждой кочке. Людка вцепилась в дверцу и не отрываясь глядела на зеленый силуэт уходящей «девятки».

— С таким грузом мы вряд ли кого догоним, — прорычал Лавров, кивнув на продавщицу.

— Это не груз, а ударный дивизион, — сказал ему агент 0014.

— Тогда слезайте оба с моей машины, к чертовой матери, — огрызнулся командир.

— Скинь попробуй! — с воодушевлением крикнул щуплый китаец, висевший на противоположной подножке.

— Уйдут ведь! — взвыл Лавров и крикнул в рацию: — Эй, на вертолете, прищучьте вы их наконец.

— Они следуют по кромке леса, нам не сесть, — прошипело ему в ответ.

Лавров переключил волну:

— Вдарьте по лесу, чтобы отогнать их в поле!

— Сейчас вмажем, только вы отползите, — ответили ему.

— Сами вы ползете, — озверел Лавров.

— Позади вас следуют какие-то девицы, — снова прохрипела рация, — с ними что делать?

— Да плюнь ты на девиц! — гаркнул командир. — Одно на уме — девицы. Смотри лучше, где садиться будешь!

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 20 минут 05 секунд.*

— Ну, Колян, это наш последний шанс! — Михеич хлопнул по плечу своего шефа. — Прорвемся или подохнем!

— Да уж, — сквозь зубы процедил тот.

Джип катил по полю. Слева несся авангард погони.

— Подрезай их всех, чтобы только наш «Лексус» прорвался!

Колян крутанул руль. Взревев мотором, джип понесся наперерез машине отряда специального назначения. А те, как ни странно, тоже повернули и поехали в поле, прямо навстречу.

— Ничего не понимаю. — Тем не менее Колян продолжал упрямо катить к лесу. — Это они сбрендили или мы?

— Скорее они, — в голосе Михеича сквозило недоумение. — «Девятка»-то идет по кромке леса.

— Что верно, то верно!

Джип приблизился к краю поля. Между ним и «девяткой» оставалось чуть больше двадцати метров. Впереди маячил черный «Лексус». Машина отряда специального назначения поотстала в стороне, явно сбавив ход.

— Все. — Колян вздохнул. — Мы свое дело сделали. Теперь этих не пропустим, пока шеф с теми не разберется.

— Можно оправиться и покурить, — устало промычал Михеич, потирая ушибленный в драке затылок.

Последнее, что они успели услышать в следующий момент, был насмешливый звук, похожий на сдавленный «У-у-упс!».

Затем где-то рядом грохотнуло. Осины копыями полетели в небо, увлакивая за собой под-

лесок и черные комья земли. Воздух наполнился грязью и гарью. Джип откинуло в сторону, перевернуло два раза и грохнуло правой дверцей о желтую пшеницу.

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 18 минут 27 секунд.*

— Ух ты! — вскрикнул Шпунтик, когда «девятку» подкинуло взрывом. — Русские горки!

— Сворачивай в поле, идиот! — испуганно заорала Лина.

— Помогите! — в унисон кричали Джеф и Алиса, сцепившись за руки.

— Правда, Шпунт, уж лучше свернуть. Этим придуркам, — он кивнул на отставшие танки, — явно наш лес не приглянулся. Чего они по деревьям бомбят?

— Это как в «Апокалипсисе». Хреновый фильм, но, когда они бомбили вьетнамскую деревню, я рыдал. Вот честно тебе скажу, рыдал, как мальчишка! — прочувственно вспомнил Шпунтик.

— Нашел когда ностальгировать, кретин! — выругалась Лина.

— Спасите! — кричали в окно Джеф и Алиса. — Не стреляйте, мы заложники!

— Не пройдет, — попытался вразумить их Винтик. — У них же правило: если заложник мешает поймать террориста, к черту заложника.

Всех бы нас положили. Только мы им на фиг не нужны. Вишь, как они здорово по лесу наяривают. У них с этим лесом свои счеты. — Он подозрительно прищурился, видимо, пытаясь вычислить, какие могут быть счеты у танкового отряда с подмосковными лесами.

— Глупости какие-то говоришь! — возмутилась Лина. — Лучше остановите машину и узнайте, в чем дело.

— Ага! — хохотнул Шпунтик. — Щас! — И запел: — Шумел сурово-о-о брянский лес...

— Охренеть! — скривился Джеф. Сглотнул и снова заорал в окошко: — Не стреляйте, мы заложники.

Следующий взрыв откинул «девятку» на метр от проторенной колеи.

— Сворачивай в поле! — отчаянно крикнула Лина и со всей силы ударила Шпунтика кулаком по шее.

Тот дернулся, упал лбом на приборную доску. Лина бросилась вперед, схватила руль и вывернула его вправо. Машина загудела.

— А как же у тебя руки-то свободными оказались? — удивился Винтик, переводя взгляд с нее на жмурящегося и трясущего головой приятеля.

— Потом расскажу, как это делается, — скупое ответила она.

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 15 минут 28 секунд.*

— Эх, путь дорожка фронтовая! Не страшна нам бомбежка любая! А помирать нам рановато. Есть у нас еще дома дела! — всхлипывая, подбадривал себя песней шофер.

— Лучше на дорогу смотри. — Иннокентий Валерианович отвесил ему подзатыльник.

— Где дорога-то? — округлил глаза шофер, — Или я что-то пропустил.

— Если сейчас не уберемся, потом уже не пустят! — предупредил Косолапых.

— Там мои пять миллионов долларов! — гневно парировал шеф.

— Ага! И пятнадцать лет колонии за государственную измену. А может быть, и вышка за терроризм.

— Высшая мера у нас отменена, — радостно воскликнул шофер.

— Спасибо, успокоил. — Саша вздохнул. — А Коляна жалко.

— Да черт с ними со всеми, — отмахнулся Иннокентий Валерианович. — Там мои пять миллионов.

«Лексус» нагонял «девятку». Машина отряда специального назначения заметно отстала. Танки и БТРы превратились в назойливые черные точки.

— Поднажми еще чуть-чуть! — взмолился шеф.

— У нас сейчас колеса отвалятся, — проворчал шофер.

— Интересно, а что мы будем делать, когда догоним «девятку»? — задался вопросом Саша Косолапых, но ему никто не ответил.

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 11 минут 51 секунда.*

— Проррррррвемся! — огласил салон радостным криком Шпунтик и, откинув Лину назад, вновь принял на себя бразды правления. Только сказал Винтику: — Еще кто-нибудь такое себе позволит, пристрели.

«Девятка» неслась по полю. Впереди манящей лентой уходила в глухой лес тонкая лента дороги. До спасительной тишины оставалось совсем немного. Позади ревел черный «Лексус». Но «Лексус» не танки и даже не БТРы.

— Стреляй в него! — неожиданно приказал Шпунтик.

— Я? — ошалело спросил Винтик.

— Нет, папа римский. Папу римского видишь?

— Не... — он огляделся.

— Значит, стреляешь сегодня ты.

— А папа этот... римский когда? — Винтик закопошился в кармане, выуживая пистолет.

— Когда-нибудь потом, — успокоил его Шпунтик.

— Не знал, что у тебя отец в Риме... — Винтик пожал плечами и, открыв окно пошире, высунулся, изготовившись выстрелить.

И тут на него накинудся Джеф. Он схватил его за плечи, пытаясь выбить из рук пистолет.

— Не смей стрелять, мразь! Не смей!

— Чего это он? — отбиваясь, удивился Винтик.

— Не смей, сказал! — истошно орал репер.

— А этот-то почему развязался? — ошалел Шпунтик.

— Методы нужно знать, — язвительно заметила Лина.

— Я тебе сейчас как дам методы! — вызверился Винтик, увертываясь от «звезды» молодежной эстрады, к которому подключилась и Алиса. Из солидарности она молотила Винтика кулаками по чему ни попадя.

— Да уймись вы! — орал несчастный, защищаясь руками.

Что-то грохотнуло. Все вздрогнули. В потолке зияла дырка.

— Вот, — наставительно заметил Шпунтик, ловя ртом воздух, — допрыгались. Сейчас друг друга перестреляем, и на этом все кончится.

— А на кой стрелять в «Лексус»?! — взревел Джеф и снова кинулся на Винтика.

— Да дался ему этот «Лексус»! — прошипел Шпунтик и, обхватив шею репера одной рукой, громко крикнул: — Давай, Винт, пока я его держу.

Алиса накинулась на обоих, Лина тоже присо-единилась к потасовке, но было поздно. Винтик высунулся в окно и принялся палить по преследующему их «Лексусу».

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 09 минут 43 секунды.*

— Я как-то забыл, что у этих гадов есть пистолет, — Саша Косолапых пригнулся за сиденьем водителя.

— А нужно было помнить, — съязвил тот, жмурясь от страха. — Пули-то мне ртом хавать. Только где уж тебе мысли в голове удержать, если ты даже трусов лишился.

— Хоть бы тебя пристрелили наконец! — кровожадно пожелал ему вмиг побледневший Саша.

Машину дернуло, подкинуло и, развернув, бросило на правый бок.

— А-а-а! — заорали шеф, Саша и шофер.

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 06 минут 00 секунд.*

— А-а-а! — истошно кричали абсолютно все в «девятке», глядя, как машина несется на медленно спускающийся с неба вертолет. Он походил на гигантского хищного шмеля, готового убить все живое. — А-а-а!

— Проррррвемся! — не слишком уверенно взревел Шпунтик, изо всех сил давя на газ.

— Не-е-ет! — взвыли все остальные и накинулись на него, выворачивая руль в сторону.

— Стой! — кричал Джеф, силясь открыть неподдающуюся дверцу.

— Совсем спятил? — Алиса отвернулась от Шпунтика, на котором висели Лина и Винтик, и принялась трясти Джефа за плечи. — Разбиться хочешь?

— Пусти! Пусти меня! — репер дергал дверцу.

«Девятка» замерла в метре от вертолета.

Джеф наконец справился с ручкой, распахнул дверцу и, прыгнув на волю, понесся к «Лексусу»:

— Отец!

— Ничего не понимаю... — Винтик помотал головой, глядя ему вслед.

Из вертолета к ним бежали люди в камуфляже и с автоматами. Набирая скорость, приближался джип отряда специального назначения. Вдалеке

ползли танки, чуть быстрее следовали БТРы. От леса на всех парах неслись длинноногие фанатки.

— Всем выйти из машины и отойти на безопасное расстояние! — кричали в мегафон. — При попытке сопротивления открываю огонь!

Винтик повернулся к Шпунтику и растерянно спросил:

— Интересно, а что они могут счесть попыткой сопротивления, а?

— Все! — рывкнул расстроенный неудачей приятель. — Эти могут счесть все что угодно. Им бы только пострелять без предупреждения.

Сестры вывалились из машины и, высоко подняв руки, застыли на месте. Лину сотрясала крупная дрожь. Алиса смотрела вслед Джефу, и в глазах у нее стояли слезы.

* * *

*До взрыва осталось
00 часов 04 минуты 16 секунд.*

— Отец! — кричал репер, не помня себя. — Отец!

«Лексус» лежал на правом боку. Колеса его все еще крутились.

— Отец! — Джеф подлетел к машине, взобрался на нее, с трудом открыл заднюю дверцу и, трясясь от страха, заглянул внутрь. — Папа! Дай руку! — Он схватил Иннокентия Валериановича

за воротник и потянул вверх. — Папа! Ну, побыстрее! Пожалуйста!

Шеф вяло забарахтался, уцепился руками за порожек, вытащил на воздух голову, подслеповато зажмурился.

— Папа! Давай же!

Передняя дверца, скрипя, начала открываться. Из нее показалось залитое кровью лицо шофера.

— Папа! — орал Джеф, изо всех сил таща Иннокентия Валериановича из машины. — Ну же!

Тот наконец пришел в себя. Глаза его приобрели осмысленное выражение.

— Ты? — он глянул на репера. — А...

— Иннокентий Валерианович, — робко раздалось из глубин «Лексуса», — не соизволите ли побыстрее? Очень не хочется взлететь на воздух.

— Где «девятка»? — шеф пристально вгляделся в копошащуюся толпу людей.

Джеф в последнем рывке вытянул его на землю, потом подхватил за плечи и поволок от машины. Иннокентий Валерианович зачарованно смотрел на людей у «девятки».

— Папа! Как ты? — Когда они оказались на безопасном расстоянии, Джеф присел рядом, принялся ощупывать его голову, руки и ноги.

— А? — Он глянул на него мельком, потом оттолкнул: — Отвяжись ты! У меня там пять миллионов долларов.

— Что? — Джеф сел в пшеницу и уставился на него с непониманием.

— Пять миллионов! Понимаешь, щенок? —

Иннокентий Валерианович тяжело поднялся и, шатаясь, побрел к вертолету.

— Нельзя тебе туда, — слабеющим голосом предупредил его репер и немужественно всхлипнул.

За спиной вспыхнул оглушительный взрыв. На землю полетели куски искореженного «Лексуса».

— Повезло, — констатировал Саша Косолапых и растроганно обнял шофера.

— Джеф! — Алиса подлетела к реперу. — Как я за тебя испугалась!

— Ты? — Он уставился на нее. — Испугалась?

— Ты просто ненормальный, — затараторила она, обняв и прижав его к себе. — Ты дурак, если не понимаешь, как я за тебя переживала. Да я чуть не умерла от страха, когда ты кинулся к этому чертовому «Лексусу».

— Подожди. — Он отстранился и глянул на нее испытующе: — Ты боялась за меня?

— Ну, конечно! — она кивнула.

Репер снова всхлипнул и, уткнувшись лбом в ее плечо, прошептал:

— Спасибо!

* * *

До взрыва

00 часов 01 минута 52 секунды.

Агент 0014 подлетел к багажнику «девятки» и принялся дергать его крышку, пытаясь открыть.

— Так будет проще. — Лавров подал ему ключи.

— О! — Агент открыл ключом багажник. Крышка поползла вверх.

— Ура!!! — десятки голосов огласили окрестности.

Внутри лежало тело, завернутое в старое одеяло.

— Здесь! — радостно объявил агент и, раскинув по сторонам ненужный хлам, аккуратно освободил тело от одеяла.

Лавров, Людка, Чан Ву и еще несколько спецназовцев, склонившись над багажником, замерли в ожидании.

— Так! — осторожно подбодрил его подполковник Лавров. — Теперь нужно добраться до проводов.

— Знаю я! — пропыхтел агент, заливаясь потом. Руки у него тряслись. Как у неопохмелившегося хирурга перед срочной операцией.

— Отойди! — Людка решительно отодвинула ошалевшего от такой наглости подполковника, приблизилась к своему герою и ненавязчиво отерла его лицо чистым платочком.

— Благодарю, — отозвался тот.

— Провода! — напомнил Лавров, топчась в полуметре от места событий. — Время!

— Не нервируй его! — рявкнула на него продавщица.

Командир специального отряда присел и послушно замолк.

На теле все увидели плотный черный жилет. Агент расстегнул ремешки, раскрыл его, и взору

всех представилась сложная конструкция из микрочипов и проводов.

— Н-да... — констатировал Чан Ву. — Единственное, что во всем этом понятно, так это то, что время приближается к нулю.

Действительно, аккурат посередине всего этого электронного безобразия находился электронный циферблат, который показывал неутешительные цифры «00:00:50».

— Господи! — Лавров малодушно схватился за голову. — До Третьей мировой осталось всего 50 секунд.

— Ты-то чего расстроился! — окрысилась на него Людка. — Вам, военным, это только в радость. Хоть постреляете.

— Вам следует пройти курс политической подготовки, — подполковник взял себя в руки и строго глянул на женщину. — Вы забываетесь, агент...

А продавщица, названная по недоразумению агентом, приосанилась и вновь повернулась к машине.

— Может, красный? — Агент 0014 схватился за красный проводок и с мольбой оглядел собравшихся. Те нерешительно пожимали плечами.

— Тогда синий, может, а? — Голос агента неприлично дрогнул.

— Расступись, — взревел за их спинами механик Власов.

Осторожно ступая, он шел следом за своим ро-

ботом. Робот неуверенно тащился по рыхлой поверхности поля и неумело размахивал железными лапищами.

— Убери это чудовище! — успел крикнуть Лавров, прежде чем робот вцепился механическими руками в первое, что попало на его пути. Попались Людкины бедра.

— Ай-ай-ай! — заверещала женщина. — Ай! Кто-нибудь помогите!

— Все! — махнул рукой Власов. — Конец операции! От такой фактуры он ни за что не отвяжется.

— По-мо-ги-те! — кричала продавщица, отбиваясь от назойливого робота.

Но не тут-то было, железный развратник стиснул ее тело мертвой хваткой.

— Может, белый? — дрожащими пальцами агент поддел белый проводок.

— Время, — истерично крикнул Лавров. — 20 секунд!

— Или красный?

— Нет, пожалуй, все-таки синий, — осторожно заметил Чан Ву.

— А почему синий? — повернулся к нему агент.

— Понятия не имею, — пожал плечами китаец. — Интуиция.

— Люда, — в отчаянии крикнул агент 0014, — какой рвать?!

— Любой! — крикнула продавщица, продол-

жая безуспешно отбиваться от навязчивого робота.

— Или белый? — Агент оглядел спецназовцев. Те потупили взоры.

— Синий! — настаивал китаец.

— А я думаю, красный. — Агент поддел пальцем красный проводок.

— А все разом нельзя? — крикнула Людка, пиная ногой робота.

— Ты что?! Ты что?! — зашикали на нее со всех сторон.

— Обратный отсчет! — огласил Лавров. — Принимайте решение: девять, восемь, семь, шесть, пять...

— Мама! — взвыл агент, схватившись за красный провод.

— Четыре, три, два...

— Чего вы тут разорались, — зло крикнул подбежавший Джеф и без всяких объяснений, схватив белый проводок, дернул его со всей силы.

— Один, ноль...

— А-а-а! — Все зажмурились, ожидая взрыва.

Кто-то из спецназовцев даже повалился на землю.

А потом наступила гнетущая тишина.

— Ну чего разорались?! — усмехнулся репер. — Кино нужно чаще смотреть!

Агент 0014 разлепил глаза и уставился на циферблат. Тот замер, показывая «00:00:01».

— А? — Агент повернулся к Джефу.

— Телевизор, говорю, нужно чаще смотреть, умник! — широко улыбнулся ему тот.

— В смысле? — не понял агент.

— Во всех фильмах про бомбу, — пояснила Алиса, — всегда режут белый проводок. Просто это штамп.

— Господи! — агент 0014 вытер потный лоб.

— Ура! — вдруг заорал Лавров.

— Ура-а-а! — Подхваченный десятками глоток крик разнесся по полю.

К Джефу кинулись и агент, и Чан Ву, и подполковник, и весь спецназ, и Власов, и даже Людка с намертво прицепленным к ее бедрам роботом.

— Ура!!! — кричали и прыгали длинноногие поклонницы, едва сдерживаемые солдатами пехоты.

— Ура! — утирая слезы, выл Борис, больше всего радующийся, что близок час, когда он вместе с подопечным отправится из этого проклятого леса домой.

— Пусти! — орал Иннокентий Валерианович, которого держали за руки Саша, шофер и подоспевший адвокат Петр Израилевич. — Там мои деньги. Там мои пять миллионов.

— Вам лучше молчать об этом, — занудно советовал ему адвокат.

— Сейчас! Это же пять миллионов! — громко возмущался Иннокентий Валерианович.

— Ваш сын только что обезвредил бомбу! — крикнул ему адвокат.

— Зачем?! — взвыл шеф. — Кто его просил! Это же большие деньги. Мой сын — придурок!!!

— Ура! — Алиса кинулась обниматься к Лине. Потом она стиснула в объятиях агента 0014, потом смутившегося подполковника Лаврова, потом радостного Чан Ву.

— Ура! — Джеф поймал Алису в объятия.

— Ой! — смущенно пискнула она.

Испугавшись, он тут же выпустил ее. Алиса поправила волосы, глянула на репера большими синими глазами и улыбнулась. И он ей улыбнулся.

* * *

Когда все немного успокоились, агент 0014, Чан Ву и подполковник Лавров подошли к Джефу.

— Я восхищен вашими решительными действиями! — проникновенно проговорил подполковник Лавров и пожал ему руку. — Вы только что спасли мир от ядерной катастрофы.

— А мы, реперы, такие! — не без гордости отвечал ему «звезда» эстрады.

— Должен сказать, что Россия может гордиться таким молодым поколением! Поздравляю! — в свою очередь пожал ему руку Чан Ву.

— Уверяю вас, китайский репер поступил бы точно так же, — скромно заметил Джеф и свободной рукой обнял смущенную Алису.

Она прильнула к нему и улыбнулась мужчинам.

— Подумайте, сколько вы сможете сделать на благо нашей родины. — Агент 0014 профессионально заглянул ему в глаза. Он гордился тем, что умел вербовать людей в разведку. — С вашими способностями...

— Эй-эй-эй! — К ним подбежал продюсер Борис. — Вы что, спятили?! Какая разведка! Он же «звезда» эстрады. У него все на два года вперед расписано. Через неделю концерты в Красноярске, потом в Сочи. А клип! — Он властно взял Джефа за плечо. — А с этой вашей историей мы такую рекламную кампанию развернем, в США взвоют от зависти. Он еще станет мировой величиной с ценой билетов по 1000 долларов.

— Вы что, не понимаете, что это была секретная операция? — удивился подполковник Лавров.

— Да что вы! Конечно! Мы все утрясем, все утрясем! — замельтешил Борис, пытаясь увести подопечного.

Тот шагнул за ним.

— А вы все-таки подумайте над моим предложением, — посоветовал агент 0014, — мы всегда будем вам рады!

Джеф вдруг вырвался из рук продюсера, подошел и взял за руку Алису. Потом и Лину подхватил.

— Эй! Сынок! — крикнул ему Иннокентий Валерианович. — Так ты едешь домой?

Шофер открыл дверцу машины адвоката и выжидательно глянул на репера.

А тот оглядел поочередно и агента, и подполковника Лаврова, и Чан Ву, и Людку, и Бориса, и отца, наконец, и... отрицательно мотнул головой.

А потом усмехнулся:

— Знаете, вы все такие старые! Время-то давно работает против вас. А мы будем жить в другом времени. Правда? — Он обнял двух сестер.

Они дружно рассмеялись и пошли к «девятке».

— Куда? — ошарашенно крикнул им вслед продюсер Борис.

Они остановились, оглянулись.

— Понимаете, — ответила за всех Лина, — у нас есть еще одно дело. Нас бабушка в Туле ждет. Это, конечно, не так важно, как мир спасти, но все-таки...

* * *

После того как «девятка», взревев мотором, скрылась в лесу, все потихоньку разъехались.

В поле остались только Винтик и Шпунтик.

— Вот же дрянь какая. — Шпунтик сплюнул под ноги. — Дом наш разрушили. Даже книжку не оставили, гады.

— Все наши беды от твоей книжки начались, — проворчал Винтик.

— И кто бы мог подумать, что мужик в «Лексусе» его отец. — Шпунтик вздохнул.

— Н-да... Может быть, он деньги привез. А мы от него убегали. Кретины!

— И вообще, с ними отношения как-то с самого начала не заладились, — еще раз вздохнул Шпунтик. — Знать бы раньше, были бы повежливей.

— О! — Винтик нагнулся. — Ты посмотри, какой красивый чемодан.

Шпунтик опасливо покосился на валяющийся в смятой пшенице кейс.

— А может, это опять? Откроем, и понесется: притащится куча придурков, начнут снова мир спасать. Ну его!

— Давай все-таки поглядим! — взмолился Винтик.

— Ладно, — пожал плечами приятель. — Все равно дом разбомбили.

Они присели на корточки, раскрыли кейс и изумленно замерли, глядя на ровные стопки зеленых купюр.

— Вот же какой человек правильный, — восхищенно выдохнул Шпунтик, когда к нему вернулся дар речи. — И сына назад получил, и деньги оставил!

ЭПИЛОГ

«Психиатрическая больница Подольского района. Из истории болезни: Николай Сергеевич Прохоров, 1965 года рождения, доставлен в отделение

с диагнозом маниакально-депрессивный психоз. Навязчивое состояние.

При осмотре:

Больной не ориентирован в пространстве и времени. Не адекватен. Постоянно находится в состоянии поиска вымышленных китайцев, которым хочет продать себя за пять миллионов долларов, и требует, чтобы его называли Принцем...»

* * *

Иннокентий Валерианович потрогал возлежащий на внушительном дубовом столе маленький мобильный телефон, казавшийся на коричневой полировке козявкой-переростком, крикнул и, откинувшись на спинку кресла, в который раз спросил у Саши Косолапых:

— Он звонил?

— Звонил, — вяло ответил Саша, которому надоело отвечать одно и то же каждые пять минут.

— Когда он будет? — Шеф не собирался останавливаться.

— Через час.

— Сколько прошло времени?

— С последнего нашего разговора пять минут.

— А точнее?

Саша вздохнул, взглянул на новенькие наручные часы фирмы «Ролекс»:

— Пять минут семнадцать секунд.

— Я тебя спрашиваю, сколько прошло с мо-

мента его звонка, — поправил его Иннокентий Валерианович.

— Сорок пять минут семнадцать... нет, уже двадцать две секунды.

— Ты понимаешь, что будет, если он не придет?

— Мир перевернется, — равнодушно заключил Саша.

— Нет, я тебе башку разнесу.

— И вы мне разнесете башку, — так же равнодушно повторил за ним Косолапых.

— Он надежно спрятал нашу штуковину? — Слово «штуковина» шеф произнес испуганным шепотом.

— Надежнее некуда.

* * *

Агент 0014 вышел на улицу и сладко потянулся. Голубое небо колоколом качнулось над головой. Он зажмурился.

— Папа! Иди чай пить! Мама зовет!

Агент 0014 улыбнулся, открыл глаза и твердой поступью хозяина дома направился к крыльцу. Потрепал по белобрысой головке двухлетнего сынишку, притулившегося со своими машинками на чистых, сладко пахнувших сухой древесиной ступеньках, шагнул на веранду.

— Ну, как попарился? — Людка нежно взглянула на своего героя.

— Отлично, мать! — заверил ее агент.

— Тогда давай пить чай, — она отодвинула стул, приглашая его к столу.

— Денек сегодня замечательный, — он расслабленно раскинулся на удобном стуле.

Зазвонил телефон. Людка взяла трубку, ответила. И тут же ее лицо стало каменным.

— Да, агент 0015 у аппарата. Да, ваш приказ поняли. Выезжаем.

Она отложила трубку и виновато взглянула на мужа.

— Что, по коням? — он зевнул.

— Ага, — кивнула женщина, — только сына закинем к твоим родителям...

* * *

— Все-таки нужно было Людмиле номер повыше присвоить, — генерал Авоськин потер подбородок. — Несправедливо как-то. Она превосходный агент.

— Нельзя ломать семью, — заметил генерал Стрельников. — Мужик должен быть главой.

— От такой главы свихнуться можно, — фыркнул Авоськин.

— Она на него положительно влияет, — улыбнулся Стрельников.

«Королева Великобритании о новом премьер-министре выразилась так, — бодро возвестил ведущий теленовостей. Генералы с интересом воз-

зрились на экран. — Этот парень впивается в дело, как бультерьер в жесткую задницу английской домохозяйки. Пока до кости не догрызет, не отцепится. Надо заметить, что с некоторых пор этот оборот стал весьма популярен в высшем обществе Великобритании».

— Ха! Все-таки выкрутились англичане! — радостно заключил Авоськин. — Молодцом!

* * *

В подвалах огромного дома на Лубянке даже ночью кипела работа. Сегодня майор Кулик был не в настроении. В общем-то, как и весь долгий год не прекращающегося допроса двух бандитов, виновных в международном конфликте.

— Ненавижу этих тупых уродов! — процедил он своему помощнику, капитану Гулину. — Надо же! Каждый раз одно и то же. Перепутали машины. Ну, скажи! Как это можно перепутать машину собственного шефа и каких-то девчонок. Замки подошли. Бред. Не хотят колоться! И на что только надеются, сволочи?

— Может, пристрелим по-тихому? — сердобольно предложил капитан, не в силах больше наблюдать мучения начальства. — Мир нам за это спасибо скажет.

— Да ты что?! — испуганно зашептал Кулик. — У нас же не тридцать седьмой год!

* * *

— Вот смотри! — Лина развернула газету. — На первой полосе!

Бабушка принялась читать вслух, с расстановкой:

— «Как сообщили нам в продюсерском центре Бориса Глебова, известный репер Джеф женится на нашей с вами соотечественнице. Алиса — так зовут невесту «звезды» — скромно отказалась от каких-либо комментариев. Сам же артист заявил, что очень счастлив. Свадьба намечена на середину сентября и произойдет в Лас-Вегасе. Молодожены обвенчаются в церкви, где вместо священника напутствие им скажет Элвис Пресли. Разумеется, не настоящий, а весьма похожий на него. А потом они решили прыгнуть с парашютом. Заметьте, что ни жених, ни невеста раньше никогда с парашютом не прыгали. Впрочем, они ведь никогда и не женились раньше!» Страсти какие! — всплеснула руками бабушка.

— Это все твои штучки! — укорила ее Лина. — Кто им советовал, мол, свадьба должна запомниться на всю жизнь, а?

— Да я вовсе не это имела в виду.

— А твои рассказы про собственную свадьбу, когда вы на гору лазили?

— Да это ведь не с парашютом прыгать. К тому же мы-то были альпинистами!

— Ну, в общем, они поняли твое напутствие

по-своему. Я вообще не представляю, как с такой задницей...

— Только не это! — бабушка схватилась за голову.

* * *

По кромке Каймановых островов устало шлепали Винтик и Шпунтик.

— Надо же... — вздохнул Винтик, — оглянуться не успели, а деньги кончились.

— А я тебе так скажу, — Шпунтик глянул на синюю воду, — деньги на то и даны, чтобы делать из жизни сказку. Вот мы с тобой жили раньше и не знали, зачем они, деньги-то. А теперь знаем!

— Толку-то, — проворчал Винтик, — все равно их уже нет.

— Ничего, — Шпунтик сплюнул в набегающую волну. — Пора домой. Пора на заработки.

* * *

Из архива сети Интернет:

ЖУК: Ну, так и что? Поглядел на девок на этих?

БЫЧОК (ЖУКУ): На Лину и Алису? Еще бы! Девки — что надо! Сиськи у одной — зашибись. Вторая — так себе, но тоже ничего.

ЖУК (БЫЧКУ): Чего, даже не подошел?

БЫЧОК (ЖУКУ): Окстись, парень! Мне ж 12! Они бы меня послали!

КАТЮШКА (ВСЕМ): Эй, привет! Не хотите пообщаться?

Литературно-художественное издание
Михалева Анна Валентиновна
В БАНДЕ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ

Ответственный редактор *О. Рубис*
Редактор *В. Ротов*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Художник *И. Варавин*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *Н. Овсяникова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.09.2001.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 15 000 экз. Заказ 4102151.

Отпечатано на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21; этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1
Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.
М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.
т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».
Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90
Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86
Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)
ООО «ПРЕСБУРГ», «Магазин на Ладужской». Тел.: 267-03-01(02)
Москва, ул. Ладужская, д. 8 (рядом с м. «Бауманская»)

Любите читать?

Нет времени ходить по магазинам?

Хотите регулярно пополнять домашнюю библиотеку и при этом экономить деньги?

**Тогда каталоги Книжного клуба
“ЭКСМО” – то, что вам нужно!**

Раз в квартал вы БЕСПЛАТНО получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!

• Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо-заявку по адресу: 101000, Москва, а/я 333.

Телефон “горячей линии” (095) 232-0018

Адрес в Интернете: <http://www.eksmo.ru>

E-mail: bookclub@eksmo.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

С юмором любая загадка по плечу!

*Невероятные препятствия и недоразумения.
Легкий «юморной» стиль и динамичное повествование.
Сочетание комичности и серьезности ситуаций.
Немного смешные и взбалмошные героини –
Вот что такое «Иронический детектив»!*

НОВИНКИ ЛЕТА '2001:

*Д. Донцова "Канкан на поминках"
Л. Ильина "С неба женщина упала"
О. Емельянова "Мечта идиота" (мягкий переплет)
Д. Калинина "Держи хвост пистолетом" (мягкий переплет)*

Все книги объемом 450-550 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

«ЛУЧШИЕ РОМАНЫ О ЛЮБВИ»

Название этой серии говорит само за себя. Здесь собраны самые лучшие и самые любимые романы современных писательниц, произведения которых издаются миллионными тиражами и пользуются огромной популярностью во всем мире.

НОВИНКИ ЛЕТА '2001:

Е. Модиньяни «Ваниль и шоколад»

Д. Крэнц «Любовники»

Все книги объемом 350-450 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дарью КАЛИНИНУ

в серии

**ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

Великолепный юмор.
Авантюрное повествование.

Легкий стиль и пресловутая женская логика – вот изюминка книг Дарьи Калининой.

НОВИНКИ ЛЕТА '2001:

"Целый вагон невест"
"Много шума и... ничего"

Все книги объемом 350-550 стр., обложка мягкая.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ
«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР»

Вам кажется, что ваша жизнь - сплошная черная полоса? Устали от постоянных неурядиц и злитесь на весь белый свет?

Книги известных специалистов помогут вам изменить жизнь в лучшую сторону, избавиться от ненужных комплексов, достичь успеха в деловой сфере, наладить отношения в семье.

Здесь вы найдете советы на все случаи жизни!

НОВИНКИ ЛЕТА '2001:

Б. Роут "Язык гипноза"
Д. Херманн, М. Грюнберг "Язык памяти"
Д. Мартин "Язык делового общения"

Все книги объемом 350-550 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:
101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

